

П. КАМПФМЕЙЕР

ПРОСТИТУЦИЯ

КАК ОБЩЕСТВЕННО-КЛАССОВОЕ ЯВЛЕНИЕ,
И ОБЩЕСТВЕННАЯ БОРЬБА С НЕЮ.

С немецкого. Перевод П. Афанасьева
под редакцией Б. Авилова

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

Гиз. № 4196. „Главлит“ № 10364. Москва.

Тир. 10,000 экз.

Нотопечатня имени П. И. Чайковского Музык. Сектора Госуд. Издательства
Колпачный пер., 18.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр</i>
Предисловие	3
Глава I. Брак и проституция	5
Глава II. Проституция, как социальное общественно-классовое явление города	13
1. Классовая культура и гетеризм в Афинах	13
2. Сословное разделение в средневековом городе и проституция	16
3. Смещение классов в крупных капиталистических городах и проституция	22
Глава III. Во что обходится проституция в общественном отношении	35
1. О паразитарном социальном существовании проституток и их эксплуататоров	35
2. Порча общественных нравов и нравственности проституцией	42
3. Заражение населения больших городов венерическими болезнями через посредство проституции	45
Глава IV. Государственная регламентация проституции	50
1. Дома терпимости и рабство проституток	50
2. Система размещения домов терпимости на определенных улицах	58
3. О „свободном“ проживании проституток	64
4. Критическая оценка принудительного врачебного осмотра проституток	67
5. О полномочиях и злоупотреблениях органов полиции нравов	76
6. Ограниченные права проституток и человеческие права	83
Глава V. Больничные учреждения касс на случай болезни для бесплатного лечения венерических больных	89
Глава VI. Борьба с вредными сторонами квартирных условий проституток путем закона о жилищах	97
Глава VII. Разложение семьи и проституция малолетних	100
1. О чем свидетельствуют приюты Магдалины и убежища	102
2. Бессилие обязательной опеки и проституция	108
3. Нарушение функций в семьях морально павших, но не разложившихся	112

	<i>Стр.</i>
Глава VIII. Организация попечения о малолетних, как средство предохранения их от проституции	114
1. Создание специально-опекунских и общественных педагогических органов	116
2. Новейшее законодательство о призрении и воспитании. .	124
3. Коренная реформа учреждений для воспитания и призрения	128
Глава IX. Государственные и коммунальные приюты для взрослых проституток.	138
Глава X. Проституция среди класса прислуги и меры к ее уничтожению .	145
Глава XI. Проституция, как классовое явление, и ее уничтожение	152

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Мое исследование о жилищных условиях проституток в городах Германии (в „Zeitschrift für Bekämpfung der Geschlechtskrankheiten“) возбудило во мне интерес к более внимательному изучению всего круга общественных вопросов, входящих в состав вопроса о современной проституции. Путем упорной и продолжительной работы я постарался разобрать все общественные стороны вопроса о проституции и изложить их в сжатой форме. Благодаря тому, что ко мне притекло много обширного материала, до сих пор мало использованного, в моем труде даже сведущий специалист по вопросу о проституции найдет кое-какие новые для него факты. Я имел возможность ознакомиться с многочисленными предписаниями полицейских учреждений, наблюдающих за нравственностью. В библиотеке провинциального общества „Innere Mission“ в Померании я имел в своем распоряжении огромные, толстые сборники с отчетами приютов Магдалины, учреждений для спасения погибающих, колоний для работниц и т. п.; с петициями „Innere Mission“ относительно проституции, с протоколами заседаний обществ нравственности. Пользуюсь случаем принести здесь мою сердечную благодарность всем, оказавшим мне содействие в моей работе, за всю ту помощь, которую они мне оказали в таких больших размерах.

Я обращаюсь с этой книгой прежде всего к германским рабочим. Когда Жозефина Бутлер обратилась с словом пламенного убеждения о необходимости отмены регламентации проституции к английским политикам, она натолкнулась там на толстую ледяную кору. Вожаки политических партий Англии встретили благородные стремления Жозефины Бутлер с исключительным равнодушием. В своей знаменитой статье, „К истории одного крестового похода“, она пишет: „Так как те общественные круги, на интерес которых к предмету мы прежде всего рассчитывали,

выказали нам так мало сочувствия, мы обратились к рабочему населению страны. Здесь нас встретили совершенно иначе". Среди пролетариата, на несчастных женщин которого так часто налагается клеймо публичной проституции, призыв к отмене нравственно и санитарно-полицейского контроля над проститутками встретил дружный отклик миллиона голосов.

Резкое сопротивление наших социалистически настроенных рабочих всякой форме эксплуатации и деятельная вера в необходимость уравнивания женщины в правах с мужчинами делает их непримиримыми врагами регламентирования проституции.

Пусть и мой труд послужит также сигналом, к совместной борьбе среди пролетариата и в кругах сторонников полного освобождения женщин, для тех женщин, которые до сих пор разрозненно вели борьбу за отмену полицейского надзора над проститутками.

Моей работой я хотел бы также вызвать общественный интерес к устройству новых приютов для осиротевших, находящихся под опекой и покинутых родителями детей.

В душе проституток необходимо пробудить сознание личности и человеческого достоинства. А такое пробуждение личности стоит в тесной зависимости от тех экономических и социальных учреждений, которые впервые дают проституткам возможность добиться иного общественного положения и развить еще не утраченные ими нравственные наклонности.

В заключение я выражаю надежду, что мой труд побудит врачей, не чуждых общественно-политических интересов, и лиц, участвующих в кассах взаимопомощи на случай болезни,—к расширению и углублению общественно-гигиенической деятельности учреждений больничных касс. Мой труд также преследует цель—способствовать возникновению общественных больничных учреждений для бесплатного лечения больных венерическими болезнями обоего пола, таких социально гуманных учреждений, которые возбуждали бы в каждом венерике естественное стремление к полному излечению.

Рефельде, сентябрь 1905 г.

П. Кампфмейер.

ГЛАВА I.

Брак и проституция.

Уже произведения древней литературы содержат рассказы о проституции; она рассматривается там наряду с браком. Лишь с того времени, когда определенно сложились естественно изменявшиеся в своей форме брачные отношения, лишь с этого времени внебрачные формы сожителства женщины с мужчиной могли быть рассматриваемы как проституция, как действия порочные, позорящие женщину. Для того, чтобы на известные внебрачные любовные отношения могло быть наложено клеймо проституции, в обществе должны были сначала выработаться определенные нормы половых сношений, размножения и воспроизведения рода.

Половые сношения и размножение и воспроизведение рода! Разве это всегда совпадает? Половые сношения могут становиться самоцелью и быть совершенно бесплодными. Проституционные сношения в большинстве случаев отличаются бесплодием. Бертильон в одном месте удачно замечает: „На дорогах, по которым ходят все, трава не растет“. Мужчина, вступающий в половые сношения с проституткой, совершенно не имеет в виду продолжение своего рода. Между индивидуальным половым наслаждением и серьезной задачей продолжения и облагораживания расы может лежать целая пропасть. Характерной стороной проституции является как раз то, что она возводит в культ само половое наслаждение.

Забота о продолжении рода, которая лежит в основе брака, далеко не всегда покрывается любовной страстью брачующихся. Любовная страсть человека в большинстве случаев подвержена быстрым изменениям. Эти изменения могут быть часто опасны для жизни родившегося от брачных сношений потомства, для рода.

Любовные страсти очень часто резко колеблются в своем физическом и духовном направлении, в своей глубине и силе. Непрерывные конфликты происходят между любовью и браком, между индивидуальной половой страстью и интересами рода.

Обществу вовсе не нужно было дойти до строгого единобрачия для того, чтобы определенные формы внебрачного соития заклеить именем проституции. Древние патриархи еврейского народа жили в многоженстве, принуждение к единобрачию существовало лишь для женщины, и все-таки в эти патриархальные времена проявляются явные признаки проституции. Фамарь, вся укутанная покрывалом, ожидает своего тестя Иуду на открытой улице, где обыкновенно сидели блудницы. „Когда ее увидел Иуда, рассказывает библия, он подумал, что она блудница, так как она закрыла свое лицо“. Иуда опускает ей в руку залог, который он хочет обменять на козленка, плату за продажную любовь. Однако раб, который должен передать козленка мнимой блуднице, не находит ее. Через некоторое время до Иуды доносится слух, что Фамарь забеременела, как блудница. И Фамарь, как чистокровная еврейка, должна умереть на костре: продавать свое тело имели право женщины из других стран, не еврейки. Еврейка жила в моногамной семье, всякие внебрачные сношения с ее стороны рассматривались как тяжкое преступление против права и нравственности. Моисей в XXIII главе Пятой книги предписывает иудеям: „Не должно быть блудниц среди дочерей Израиля и блудников среди сыновей Израиля“.

В Афинах в эпоху расцвета этого города моногамия является господствующей формой брака. Свободными афинскими гражданами считались лишь дети, прижитые в единобрачии с афинской гражданкой. Сам афинянин отнюдь не был обязан ограничиваться в половых сношениях одной своей законной супругой. В собственном доме к его услугам были рабыни, он развлекался с флейтистками и наслаждался в продажных объятиях гетер.

Проститутки Греции, несмотря на то, что они открыто и шумно принимали участие в общественной жизни, считались презренными в обществе. Проститутка ведет самую настоящую мелочную торговлю своими объятиями. Проституция была в Греции занятием, которое народное сознание признавало выделяющим человека из общества, глубоко презираемым с нравственной точки

зрения. Предоставление жены гостю, что было обычаем в более ранние эпохи и что часто в истории проституции неправильно отмечается как акт проституции, не имело настоящих признаков проституции. Это не было связано с подарками и практиковалось повсюду в качестве народного обычая. Поэтому над этим явлением не тяготело проклятие общественного презрения. Точно так же, когда девушки Вавилона, по свидетельству Геродота, отдавались чужестранцам и принимали от них денежные подарки, они не становились от этого проститутками; т.-е. этим они не выставляли себя на поругание; они подчинялись лишь общему религиозному обычаю, который пользовался уважением в народном сознании. Географ Страбон говорит об этом обычае Вавилона, как об акте повиновения божественному изречению оракула и подчеркивает: „*Mos est... cum hospite corpus miscere...*“ — таков обычай — физическое соитие с гостем.

То, что женщина отдается неограниченному числу мужчин, — это само по себе отнюдь не всегда было признаком проституции. Для того, чтобы сношения со многими мужчинами могли сделаться в глазах народа обесчещивающим поведением, необходимо было, чтобы какие-либо определенные, урегулированные половые сношения с одной или с несколькими женщинами стали общественным обычаем. Лишь эти урегулированные сношения впервые устанавливают за потомством право кровного родства. Половые сношения, урегулированные определенными общественными правилами, становятся законным браком, переносящим права на потомство. Жена или жены поднимаются в общественном мнении как продолжательницы единокровной расы, тогда как женщина, которая вступает в половое сношение с мужчиной без формального заключения брака, падает в глазах общества.

Проституция уже предполагает возникновение брака, т.-е. возникновение такой половой связи, которая передает определенные права потомству, происшедшему от этой связи. Именно потому, что только брачные сношения переносят эти права на потомство, народное воззрение считает их нравственными, а внебрачные сношения безнравственными. Вплоть до XVIII столетия ребенок, рожденный вне брака, считался „блудным дитятей“, хотя бы он родился от связи, основанной на самой сердечной любви. Еще Юстус Мёзер без обиняков называл незамужнюю мать блудницей

и написал в „Патриотических фантазиях“ очень характерную статью „Об уменьшении в наше время позора блудниц и блудных детей“.

В XVIII столетии брак является не только единственно законным институтом продолжения рода, но и единственным способом законного удовлетворения полового чувства для женщины. Поэтому суровый обычай XVIII столетия выставляет павшую девушку к позорному столбу и в церкви ей отводит покаянное место. Брак, как институт, обеспечивающий продолжение человеческого рода, был снабжен особыми гражданскими преимуществами, а плоды внебрачных сношений должны были выставляться как „блудные дети“. „Не в интересах государства, говорит Мёзер, представлять блудным детям одинаковую честь с законнорожденными, так как при этом отпал бы главный мотив к заключению брака. Точно так же было бы не в интересах государства сохранять прежнее уважение несчастным матерям этих плодов запретной любви, так как именно страх перед утратой общественного уважения должен быть действительным средством поощрения браков. Не в интересах государства представлять безбрачной жизни в государстве те же блага, что и брачной, так как семейное положение более полезно и более приносит государству, нежели положение свободных холостяков“.

В XVIII столетии дети, родившиеся от внебрачных половых сношений, были обделены в правовом отношении самым грубым образом. Клеймо бесчестия висело в продолжение всей жизни над детьми, родившимися вне брака. Двери цеховых мастерских были для них закрыты. Подобно детям палачей, живодеров и представителей других, считавшихся позорными, промыслов, внебрачные дети не допускались к честному ремеслу. „Разве так много блудных детей, или разве брак так мало заслуживает поощрения, раздраженно восклицает в одном месте Мёзер, что настоящие и законные дети других честных людей должны из-за них очистить мастерские?“

Церковь окружила брак сиянием святости и предала проклятию тех мужчин и женщин, которые вступали в связь без папского благословения. Священник с кафедры клеймил рожденную вне брака невесту именем „блудной дочери“. Павшие девушки приносили церковное покаяние у дверей церкви. Их

„грехи“ объявлялись перед церковной общиной. Церковное покаяние относилось прежде всего к прелюбодеям, блудницам, сводникам и т. п. В Гольштейне надевался на шею железный ошейник при церковном покаянии. То же самое в Саксонии. Здесь, в маленькой деревне Бартельсдорф, наказание „железным ошейником“ приводили в исполнение по воскресеньям, по окончании богослужения. Грешников и грешниц с тяжелыми железными ошейниками приковывали цепями к столбу у входа на кладбище; об их преступлениях возвещала доска, висевшая над их грешными головами. Белое покрывало, символ утраченной невинности, развевалось над головой павшей девушки. 28-го января 1719 года одна чувственно настроенная брачная пара отдала крестить ребенка уже через одиннадцать недель после венчания. Церковная книга замечает относительно этого огромного греха: „Эти люди являются первыми, которые были освобождены от церковного покаяния, т.-е. наказания железным ошейником и коленопреклонением перед алтарем в продолжение трех воскресений подряд (как это здесь повсюду было принято с незапамятных времен), что, однако, господь не оставил неотмщенным, о чем может дать сведения община; один из преступников заболел в 1720 году отвратительной болезнью, от которой он умер 23-го февраля“.

Во второй половине XVIII столетия эпоха гуманизма распространила свои смягчающие лучи даже на наиболее темные углы Германии. Глазами завистливого старика смотрит Мёзер на победоносное шествие идеи гуманизма. Он презрительно говорит о любви к людям, как о слове, совершенно неизвестном во времена его юности.

Суровый, жестокий дух церковных покаяний не мог более устоять перед новым гуманным направлением законодательства. Не было ли детоубийство и вытравление плода результатом этого обещивающего церковного покаяния, выставившего многих несчастных девушек на посмешище окружающих и принижавшее их до проституток? Тогда это должно было стать ясным даже ограниченной голове полицейского. Поэтому законодательство повсюду приступило к отмене церковного покаяния. Как раз один мекленбургский эдикт от 1752 г. ясно говорит об ужасных последствиях церковного покаяния. Там сказано: „В виду того, что

многократный опыт доказывает, что предписанное нашими церковными установлениями церковное покаяние против преступивших шестую заповедь не охраняет от порока разврата и вообще не достигает намеченной им доброй цели, а, наоборот, нам часто приходится признать, что легкомысленные особы, рождающие от безнравственного сожителства, для того, чтобы избежать покаяния, прегрешают в еще более крупных преступлениях и даже без ужаса решаются насильственно наложить руки на естественный плод своей утробы, сделаться детоубийцами“...

Понятие „блудница“ изменилось с XVIII столетия. Под словом „блудница“ мы разумеем теперь лишь такую девушку, которая продает себя на улице, но не женщину, которая в упоении любви отдается мужчине душой и телом. По нашим понятиям, любовь облагораживает внебрачные сношения двух свободных, не связанных никакими брачными обязательствами, людей. Мы горячо стараемся избавить внебрачных детей от всякого ограничения их прав и от последних остатков общественного презрения.

Устраняем ли мы с отменой всех законодательных ограничений для внебрачных детей и принуждение для родителей в достаточной степени заботиться о плодах их любовных связей? Отнюдь нет! Законная обязанность внебрачных родителей найти способы всестороннего воспитания для своих детей нисколько не устраняется уравниванием в правах детей, рожденных вне брака, с детьми, рожденными в браке.

Проституция женщины есть внебрачное, осуждаемое общественно-правовым обычаем, половое сношение женщины с мужчинами. Проституция в большинстве случаев сводит все отношения между мужчиной и женщиной к чисто физическому наслаждению. Оба лица, вступающие в половые отношения, помимо полового акта, ничем не чувствуют себя связанными друг с другом. Между мужчиной и проституирующей женщиной отсутствует в большинстве случаев всякая общность интересов в жизни. О благополучии женщины, которая служит для них средством наслаждения, мужчины обыкновенно не беспокоятся. Те, кто покупают за деньги близость с женщиной, по большей части вовсе не интересуются последствиями таких проститу-

ционных отношений. Проституция лишает женщину ее человеческого достоинства и превращает ее просто в средство для определенных половых отправления.

Брак, в большинстве случаев по крайней мере, предполагает некоторую общность житейских интересов супругов, идущую гораздо дальше половых отношений. Он объединял супругов в заботах о здоровье и духовном развитии детей. Разумеется, отношения супругов часто были лишь совместной жизнью, а не браком. Во многих случаях брак был лишь физическим общением, разделением трапезы и ложа,—но все-таки он был, по меньшей мере, с некоторой общностью, которая составляет часть истинного соединения мужчины с женщиной.

Только бесправная, занимавшая низкое общественное положение женщина была в состоянии и должна была принять на себя презренную роль простой рабыни для развлечения мужчины. Женщина, занимавшаяся проституцией в древности, в большинстве случаев была бесправная чужестранка, рабыня; в средние века она принадлежала к группе лиц, утративших свое общественное положение, к числу бродячих женщин или прямо-таки к числу проданных девушек; в новое время она происходит из класса находящихся в услужении и из самого низшего слоя бедствующего женского пролетариата. Проститутка занимает определенное место в расчлененном на классы обществе.

Душа женщины, чувствующей себя личностью полноправной в общественном отношении, будет страстно сопротивляться всякой попытке лишить ее человеческого достоинства и превратить в простое орудие полового наслаждения мужчины. Она отдает душу лишь за душу и не сделает свою душу слугой своих половых потребностей. Пока женщина была лишена индивидуальности, пока она принадлежала к порабощенному, малоуважаемому классу, ей всегда угрожала опасность оказаться в роли безличного существа, предмета забавы для господствующего класса.

Она служила лишь для удовлетворения мужского полового чувства, своим телом и своей душой она служила для мужчины лишь предметом наслаждения. Даже образованная гетера служила лишь для удовлетворения, правда, духовно облагороженного, наслаждения мужчины.

Проституция отделила физические любовные сношения от серьезных забот о женщине и будущем потомстве. Настоящее торжествовало над будущим. Женщина стала вследствие проституции лишь половым существом, которое должно было только короткое время доставлять наслаждение мужчине. Проституция вела к разделению мужчины с женщиной быстро пролетающих физических наслаждений, но не к разделению тяжелых жизненных забот и углубляющих человеческое существо страданий.

Проституция сделала отделенное от интересов рода физическое наслаждение промыслом женщин и девушек. Последние посвятили себя выработке утонченной половой привлекательности для того, чтобы возможно более возбуждать половое влечение мужчины. Стремление нравиться в физическом отношении стало задачей особой группы женщин; честный труд для домашнего очага и для будущего поколения, эта во многих случаях тяжелая, изобилующая обязанностями, забота была предоставлена замужним женщинам. Чары утонченного полового наслаждения, которые развивали продажные жрицы любви, оторвали мужчину от семьи, сделав его нередко глухим и слепым к великим заботам о будущем поколении его жены, которая в своих детях стремилась воспитать человечество к высшей культурной ступени развития. И этого отчуждения как раз домогается проституция. Отделение физической половой любви от попечения о будущем поколении имело опасные последствия для культурных народностей.

Сведение половых отношений между мужчиной и женщиной к одному лишь голому половому наслаждению в наше время глубоко возмущает наше нравственное чувство. А именно к такому превращению ведет проституция.

Все громче в нашей душе начинает раздаваться требование: сожителство мужчины и женщины должно стать действительно браком, физическим и духовным общением обоих. И, следуя этому внутреннему голосу, мы готовимся в интересах облагорожения человеческого рода к великой культурной борьбе против современной проституции.

ГЛАВА II.

Проституция, как социально-классовое явление города.

1. Классовая культура и гетеризм в Афинах.

Свою растяжимую совесть капитализм обременил множеством социальных грехов. Но как ни велик список этих грехов, изобретение проституции, как мы уже видели, не принадлежит к числу ядовитых цветков, созданных капитализмом. Для богатых пороком растений проституции истинно тропическую культуру давала почва классической древности. Значительная часть истории продажной половой любви этой эпохи уже сделалась общеизвестной, и поэтому для социального уразумения проституции нам остается подчеркнуть лишь некоторые характерные факты из этой истории.

Крупные и торговые города в Греции характеризуются своеобразным и резким разделением на классы. В пестром смешении в Афинах сталкивались полноправные, неполноправные граждане и рабы. О Солоне история сообщает, что он основал на государственные средства огромный общий дом терпимости, где рабыни отдавались буквально за нищенское вознаграждение. Проститутки, следовательно, принадлежали в Афинах большей частью к порабощенным, угнетенным классам и не были уроженками этого города. Предписания относительно их одежды уже по внешнему виду выделяли их как проституток. Сюида рассказывает о проститутках: „они одеты в платья с пестрыми цветочками, так как в Афинах существовал закон, предписывавший проституткам носить пестрые платья с цветочками, чтобы по этому наряду их сразу можно было узнать“.

Среди проституток Афин афинские гражданки встречались—

и то лишь в единичных случаях—только в среде первоклассных проституток, гетер.

Необходимой предпосылкой существования в Афинах обыкновенных проституток, флейтисток и гетер являлся свободный от занятий, обеспеченный материальными благами класс господ. Да и кто другой мог бы содержать шумную толпу этих продажных женщин, как не свободные афиняне, жившие за счет экономической эксплуатации огромного количества рабов. Кто другой мог бы слушать до полуночи или всю ночь напролет соблазнительные, так бурно волнующие чувства, песни флейтисток, кроме тех мужчин, которые выражали глубокое презрение ко всякому физическому труду и могли бесконечное количество времени предаваться изнурительному сладострастию с женщинами и мальчиками. Эти свободные граждане не тратили своих душевных сил на серьезные утомительные работы по хозяйству, а жили без труда, ничем не связанные в разнообразных половых удовольствиях, изобретаемых горячей чувственной фантазией. В истории нигде до сих пор не проявилось так ясно, как у афинян, отделение любовных половых сношений от акта размножения. Страстное половое слияние свободного афинянина с бесправной чужестранкой, гетерой, вовсе не имело своей целью создание нового поколения афинян. Жрицы Венеры довели развратные, бесплодные любовные сношения до утонченного культа сладострастия. Супруга, которой приходилось нести серьезные обязанности материнства, воспитания детей и заботы о домашнем хозяйстве, в служении роду должна была терять свою женскую привлекательность, между тем как гетера умела искусственно поднять и сохранить свои чары, сильно возбуждавшие половое влечение мужчины. Блещущая в обществе гетера возбуждала к себе сладострастное влечение в мужчине, а скромной супруге, верной хранительнице домашнего очага, уделялась тяжелая и сопряженная с опасностью роль продолжательницы расы. Демосфен в своей речи против Неера с удивительной ясностью указывает на отделение любовного наслаждения от акта размножения, которое так резко проявилось в половой жизни афинян. Он говорит: „У нас есть гетеры для удовольствия, любовницы для ежедневного пользования и жены, которые предназначены для рождения законных детей и для надзора за нашим домом“.

Афинянку очень редко можно было видеть рядом с ее вращающимся в обществе супругом, разве только на религиозных празднествах. На улицах она показывалась только закутанной в покрывало. Дома на нее были возложены лишь суровые обязанности матери. Поэт Симонид следующими характерными чертами обрисовывал идеальный образ супруги: „Счастлив тот смертный, который нашел такую жену. Она одна среди всех не способна на распутство, она обеспечивает своему супругу долгую, спокойную жизнь. Живя с мужем в трогательном единодушии, мать многочисленной семьи, доставляющей ей радость, она — лучшая среди всех женщин, для которых она служит славным примером; ее нельзя видеть теряющей время на пустую болтовню. Ее речь исполнена скромности и придает высший блеск ее прелести, которая никогда не покидает ее и проявляется во всех ее занятиях“.

Афинская замужняя женщина никогда не покидала жилища, не сообщив об этом мужу. Большую часть своего времени она проводила в женской половине дома, гинеконитисе, верно исполняя великую задачу рода: воспитание детей. Вместе с супругом она жила лишь в спальне и столовой и не принимала никакого участия в веселых празднествах мужчин в собственном доме. Если она не хотела прослыть гетерой или прелюбодейкой, она должна была удаляться в свою женскую половину, когда ее муж приводил в дом хотя бы одного гостя. В то время как муж ее упивался в объятиях гетер, она должна была тщательно следить за своим образом жизни, чтобы не могло возникнуть ни малейшего подозрения в том, что она обратила свой взор на других мужчин. В случае прелюбодеяния женщину постигало бесчестие, и супруг, возвращаясь домой после безумных оргий с публичными женщинами, безнаказанно убивал прелюбодея, которого он находил у своей жены.

Разумеется, среди свободных афинян, только группа богатых тунеядцев могла покупать ласки прекрасных гетер ¹⁾. Знаменитая куртизанка Лаиса требовала от оратора Демосфена в пору расцвета своей красоты безделицу в 10.000 драхм за наслаждения одной ночи. Эта цена показалась ему слишком большой, и он

¹⁾ См.: Pierre Dufour, *Geschichte der Prostitution* (Altertum-Griechen-Römer). Verlag I. Gnadenfeld & Co., Berlin.

отказался от этого дорогого удовольствия одной ночи. Ко времени Демосфена свободные афиняне разделились на распутных богачей, роскошно живших на счет рабства масс, и на испорченных паразитов-бедняков, живших на общественный счет. „В прежнее время, говорит Демосфен, было иначе, нежели теперь. Тогда все, что принадлежало государству, было богато и блестяще: среди отдельных граждан никто внешне не отличался от других. Еще и теперь каждый из вас может лично убедиться в том, что жилища Фемистокла, Мильтиада и всех других великих людей прошлого вовсе не были красивее и величественнее, чем жилища их сограждан. Зато воздвигнутые при них общественные здания и памятники так величественны и великолепны, что навсегда останутся непревзойденными; я подразумеваю Пропилеи, арсеналы, крытые галереи, портовые строения Пирея и другие общественные здания нашего города. А теперь есть государственные деятели, частные жилища которых превосходят своей роскошью многие общественные здания, которые скупили такие большие поместья, что поля всех вас, собравшихся сюда в качестве судей, не могут сравниться с ними по величине“. (Отдельные афинские суды присяжных состояли из пятисот присяжных заседателей). „Зато все то, что теперь строится для государства, так незначительно и бедно, что приходится стыдиться, когда говорят об этом“.

В древних Афинах проституция получила характер массового общественного явления среди населения, живущего в городах и разделенного глубокими классовыми противоречиями.

2. Сословное разделение в средневековом городе и проституция.

Перенесемся теперь от древности к истории конца средних веков, ко времени средневековых городов в пору их наиболее пышного расцвета.

Необузданное, грубое вождение царило в жизни наших средневековых городов. А эти города были знакомы лишь с скромными зачатками капиталистического хозяйства. Когда мы посмотрим данные по истории проституции средних веков, собранные прилежным исследователем Шейбле (Scheible), то нас поразит расцвет домов терпимости в таких относительно неболь-

ших городах, как Акен на Эльбе (Aken), Фольках (Volkach), Швабах (Schwabach), Оберенгейм (Oberrehnheim), Кведлинбург (Quedlinburg). В восьмидесятых годах девятнадцатого столетия в Швабахе было лишь немногим больше 7.600 жителей, в Акене— 5.284, в Оберенгейме—4.725, и в Фолькахе—всего лишь 1.974 жителей.

Средневековые города, хотя общественные группы обладателей капитала, в современном смысле этого слова, были в них чрезвычайно незначительны, все-таки характеризовались весьма резким разграничением общественных классов. Значительное количество иногородних, неоседлых элементов,—люди, не имевшие постоянного местожительства и переезжавшие с места на место, считались вне сословий средних веков. Странствующие женщины, которые занимались распутством по профессии, часто проживали в наиболее крупных городах. Констанцский собор, как известно, привлек в Констанц 1.500 проституток. Торговля саксонскими и швабскими девушками достигла в конце средних веков огромного размера. Вообще, обитательницы публичных домов средневекового города набирались не из числа дочерей обывателей данного города. Заманивание молодых девушек в публичные дома было уже в средние века явлением довольно заурядным.

Один мейнингенский обыватель увез свою сестру из нердлингенского публичного дома и убил ее. Когда какой-либо бессовестный обыватель впадал в долги, случалось, что он продавал свою дочь в публичный дом. В сочинении Карла Иегера „Государственная, гражданская и коммерческая жизнь Ульма в средние века“ сказано следующее: „Родители и мужья могли даже за долги закладывать содержателю публичного дома женщин или девушек, если только они изъявили свое согласие. Если же женщина или проститутка были заложены против их воли, и она или ее друзья хотели взять ее из публичного дома, то содержатель должен был беспрепятственно отпустить ее без уплаты той суммы, за которую она была заложена“.

Уже внешним видом проститутки были отмечены как порочные, презираемые обществом люди. Большей частью они одевались в предписанную им одежду. Они были подчинены власти палача. Проститутке всегда грозило обещивающее наказание

быть изгнанной. Даже после смерти проститутку продолжало преследовать общественное презрение. Ее погребали не на освященной земле кладбища, нет, в некоторых городах, например, в Франкфурте-на-Майне, палач закапывал ее в навозную яму.

С условиями эксплуатации средневековых городских домов терпимости нас знакомят ульмские правила для публичных домов („Присяга и правила для содержателей публичных домов в Ульме“). Содержатель публичного дома поступал на определенное время на службу городу и приносил ему присягу в верности. Присяга обязывала его принимать в публичный дом годных, опрятных и здоровых женщин в количестве не менее 14. Каждой женщине он должен был давать обед из двух блюд „за 6 пфеннигов“. Особая „расценщица“ устанавливала в публичном доме плату за посещение. Деньги, получавшиеся от посетителей, опускались в копилку, которую можно было открыть только при помощи трех ключей. Один ключ хранился у содержателя, другой у „расценщицы“, третий у одной из женщин, выбранной остальными обитательницами дома. Копилку открывали по субботам; все женщины уполномачивали двух из своей среды, которые вместе с „расценщицами“ зорко следили за тем, чтобы хозяин брал себе не более „чем свой третий пфенниг“. Из заработка каждой женщины вычитали плату хозяину за еду и т. д. Если женщина „получала что-либо в подарок от своего „гостя“ или какого-либо другого „доброго парня“, в виде „башмаков, платьев, шали и т. п.“, то ни хозяин, ни кто-либо другой не могли на это претендовать. Ни хозяин, ни хозяйка не имели права покупать женщине платья, шали и т. п., не известив и не испросив разрешения тех членов магистрата, которые надзирали за домами терпимости. Если женщина сберегала „собственный гульден“ и желала покинуть публичный дом, то она должна была отдать хозяину сбереженный гульден и могла уйти в одежде, в которой вступила в публичный дом. Каждая женщина, которая принимала на ночь мужчину, должна была уплачивать хозяину крейцер за ночлег. Женщина платила хозяину за целую свечу геллер, а мужчина, если он желал получить свечу, платил пфенниг. Все, что женщина зарабатывала за сутки, она должна была класть в копилку. Каждый „третий пфенниг“ уже заранее принадлежал хозяину. Каждая женщина должна была ежедневно выпрясть для

хозяина „два мотка пряжи“, два средней величины веретена пряжи или же выплачивать ему за каждый „моток“ три геллера. На содержание заболевших и неизлечимо больных женщин каждая женщина по понедельникам клала в кружку один пфенниг, а хозяин два пфеннига. Далее, из вкладов в эту кружку в женском соборе в воскресную ночь горела свеча во славу девы Марии и за упокой всех верующих во Христа душ.

Поступление в публичный дом означало для девушки исключение из общества. Это налагало на нее клеймо бесчестия, которое не изглаживалось даже смертью. Поэтому насильственный увоз купленных, обманутых девушек в публичные дома в общем практиковался очень часто. Еще в XVIII столетии, в 1792 году в Пруссии был издан „закон против совращения молодых девушек на поступление в дом терпимости и т. п.“. Этот закон прежде всего имел в виду случаи заманивания хитростью молодых девушек в публичные дома: „Дознано на практике, так начинается закон, что молодых, наивных девушек, привлеченных в Берлин коварными обещаниями доставить им выгодное место, помещают без их ведома в публичные дома и совращают вопреки их желанию к жизни продажной блудницы, т.-е. приводят к гибели“. За помещение молодых женщин путем обмана или насилия в публичные дома назначено было заключение в смиренном доме на десять лет.

Обманутые, проданные бессовестными задолжавшими родителями девушки и бездомные женщины составляли главный контингент обитательниц средневекового дома терпимости. Наличие в средневековом городе зажиточного общественного слоя делала возможным паразитическое существование опустившихся элементов народа, которые удовлетворяли бесстыдные похоти этого слоя.

То обстоятельство, что зажиточные общественные классы жили рядом с задолжавшими и обнищавшими слоями народа, сильно способствовало возникновению и увеличению числа продажных элементов. Население, которое состоит из общественных слоев, находящихся в одинаковом положении, не может порождать подобные паразитические классы. Все члены такого населения работают в приблизительно одинаковых условиях и живут одинаково. Лишь тогда, когда один общественный слой зна-

чительно возвышается над другим и оказывается в состоянии платить за услуги хуже поставленного слоя, лишь тогда может возникнуть продажность определенных элементов народа, как массовое явление. Продажность женщины, как и всякая другая продажность, предполагает существование людей, способных платить. А зажиточные общественные классы и совершенно обедневшие элементы народа существовали на-ряду друг с другом уже в средневековом городе.

Если мы перенесемся мысленно из средневековой истории в новейшую, то мы увидим, что публичный дом средневековья без существенных преобразований заменился публичным домом новейшего времени. Если мы, например, проникнем в тайны продажной любви славного города Франкфурта-на-Майне в докапиталистическую эпоху, в эпоху чинного XVIII столетия, то мы должны сказать себе, что наши теперешние юноши распевают лишь немногим громче, нежели пели старики. Д-р Ганауэр (Hanauer) цитирует в своей истории проституции в Франкфурте-на-Майне „Письма о галантереях во Франкфурте-на-Майне“, которые появились анонимно в Лондоне в 1791 году и, наверное, принадлежат перу д-ра Эрманна (Ermann), уважаемого врача отделения венерических болезней Рокусовской больницы.

В конце XVIII столетия публичные дома в Франкфурте-на-Майне, помещались на Большой Эшенгеймеровской улице, на Малой Эшенгеймеровской, на Галлюсгассе, на Бокгассе, на Мейзенгассе, на Большой Фридерберговой улице, на Гольцферткен, на Гольденерфедергассе, на Ноненгассе, на Майнцергассе и в Ребштоке. В предместьи Франкфурта в Борнгейме, самое имя которого уже оскорбляло целомудренный слух, приблизительно в двадцати веселых домах происходили настоящие оргии. В садах и ресторанах с продажей вина продажные половые наслаждения находили для себя много укромных уголков. В Саксенгаузене для них были открыты два „гнусных, отвратительных дома“. Уличная проституция манила к себе на всех перекрестках, но главным образом на всех аллеях и бульварах. С бульвара проститутки уводили мужчин в притоны, которых автор „писем“ в Франкфурте-на-Майне насчитывает до пятнадцати. Проституция глубоко проникла в буржуазные круги. Вышивальщица блондов и модистка брали девушку из буржуазии в обучение только для того, чтобы

свести е
обращал
фурте-н
сонии,
чить х
Мильте
вином
ность
на-Май

В
проявл
место
Берли
нение
прода

П
пени
прос
двор
карт
дем

Бер
мас
сво

Бер

до

жи

уж

пр

ми

ти

б

н

к

у

п

свести ее с богатыми господами. Разночинцы и прачки массами обращались к торговле своим телом. На время ярмарок в Франкфурте-на-Майне жительницы Майнца, Рейнских провинций, Саксонии, Ансбаха, Касселя стекались туда для того, чтобы получить хороший заработок от служения Венере. Из Вертгейма, Мильтенберга, Бахараха приходили суда с вином, на которых за вином и песнями не забывали и женщин. Распаленная чувственность ведьм Вальпургиевой ночи неистовствовала в Франкфурте-на-Майне во время ярмарок.

В конце XVIII столетия большие и средние города, где проявлялись уже резкие противоречия классовых интересов, были местом, где процветала проституция. Возьмем, например, город Берлин, который уже в XVIII столетии отличался резким расчленением на классы; мы встречаем там уже все приспособления продажной любви.

Половой разврат дворянства в Берлине в значительной степени пропитывал своим ядом брачную жизнь буржуазии. Рынок проституции, по данным „Интимных писем“, захватывал даже дворянские круги. Но если мы даже не будем доверять вполне картине нравов „Интимных писем о прусской монархии“, а будем держаться лишь статистических данных о проституции в Берлине в конце XVIII столетия, то придется констатировать массовую торговлю женщины своим телом, превышавшую по своим размерам торговлю XX века. В 1780 году в одном лишь Берлине было 100 публичных домов с числом девушек от семи до девяти в каждом; а Берлин имел в то время население в 80.000 жителей. Следовательно, число явных проституток составляло уже тогда 1 процент населения. Если бы мы приняли такое же процентное отношение явных проституток к теперешнему двухмиллионному населению Берлина, мы имели бы 20.000 регламентированных проституток. Но в Берлине теперь, однако, немногим более 4.000 регламентированных проституток. Кроме поднадзорных проституток, в Берлине в XVIII столетии было еще огромное количество тайных проституток. Уже тогда берлинская полиция устраивала форменные облавы на слоняющихся в ночной тьме проституток. В регламенте берлинской полиции от 28-го февраля 1787 года мы читаем следующее постановление:

„Еженедельное задержание слоняющихся по улицам, в зимние месяцы после десяти часов, в летние месяцы после одиннадцати, распутных особ женского пола, к которым относятся и те, что имеют так называемого „милого“, не должно, как необходимая мера предупреждения полиции общественного здоровья, ни в коем случае упускаться; эти особы должны быть немедленно осмотрены и, если они найдены здоровыми, без предварительного расследования отправлены на несколько недель или месяцев в работный дом, а если они заражены, равно как и задержанных в ресторанах, отправлять в Charité и оттуда по окончании лечения также в работный дом. В день своего освобождения они должны быть задержаны для того, чтобы вымести несколько мостов или других публичных мест для отличия, предостережения и примера“.

Согласно позднему приказу берлинской полиции от 1792 года, „шляющиеся в темноте по улицам уличные проститутки“ должны быть задерживаемы и, если они заражены венерической болезнью, по излечении должны препровождаться в исправительную тюрьму сроком от 6—12 месяцев. Тайная проституция, как видно по этим строгим полицейским постановлениям, уже тогда достигла в Берлине значительных размеров.

3. Смешение классов в крупных капиталистических городах и проституция.

Итак, еще до господства капиталистической системы производства проституция в городах, с населением, расчлененным общественно-классовыми различиями, уже процветала в размерах, напоминающих наше время.

Крупные хозяйства, производящие для рынка, с резко выраженными капиталистическими чертами, прежде всего возникли на равнине Ост-Эльбии. Крепостное право, господствовавшее в тамошних крупных поместьях, затемняло чисто капиталистический характер этих поместий, однако, отнюдь не устраняло его вполне. Как ни насильственны были вторжения грубых ост-эльбских юнкеров в половую жизнь подвластных им женщин, они все же не создали среди этих последних класса профессиональных проституток. Растление крепостных девушек помещиками осно-

вывалось на господском праве этого класса дворян на принадлежащих им крепостных женщин. Нельзя, в сущности, говорить, что девушки отдавались своим господам: можно говорить лишь о принуждении крепостных женщин уступать половым вожделениям их господ. Девушки продавали себя юнкерам не добровольно и не по профессии. Они продолжали быть работницами, занятыми тяжелым трудом, и не становились паразитами-куртизанками. Всемогуший ост-эльбский рыцарь часто мог вынудить крепостную девушку, на основании обычного права, вступить с ним в связь. Так как отдаваться за плату вошло у крепостных женщин в обыкновение, то это нисколько не позорило крепостную женщину. Уступая этому „обычаю“, она не становилась „проституткой“, т.-е. опозоренной женщиной.

Мы можем сослаться на принадлежащее перу одного священника подробное изображение нравов русского помещичьего дворянства по отношению к их крепостным женщинам. Так как те части Ост-Эльбии, которые были первоначально славянскими и затем насильственно германизированы, характеризовались в прежнее время признаками, сходными с Россией, то заметки этого сельского священника имеют известное значение и для изображения общественных нравов Ост-Эльбии. Эти заметки мы находим в „Истории человеческого брака“ Эд. Вестермарка (Ed. Westermarck „Die Geschichte der menschlichen Ehe“). Интересные записки сельского священника в „Русской Старине“, пишет Вестмарк, освещают многое в жизни русского дворянства до освобождения крепостных. Об одном помещике там сказано: „Н. И—ч имел обыкновение ходить поздним вечером по своей деревне, чтобы любоваться благосостоянием своих крестьян; затем он останавливался перед какой-нибудь избой и стучал пальцем в оконное стекло. Этот стук был всем слишком хорошо знаком, и тотчас же выходила самая красивая женщина в семье“. Другой помещик, во время посещения какого-либо из своих поместий немедленно по приезде требовал от управляющего список всех взрослых девушек. „Затем, продолжает автор, господин брал к себе каждую из девушек на три, на четыре дня в услужение, а когда список приходил к концу, он отправлялся в другую деревню. Это происходило регулярно каждый год“. Русский дворянин полагал, что, как владелец крепостных, он

имеет право на тело подвластных ему девушек. О профессиональной продаже крепостной женщиной своего тела помещику не может быть и речи. Отдаваясь помещику, она рассматривает это как неизбежную обязанность, вытекающую из ее отношения крепостной зависимости.

Введение в сельских местностях капиталистического хозяйства отнюдь не вызывало возникновения торгующего своим телом класса проституток. Помещики нередко злоупотребляли своими действительными правами над женщинами-работницами, но никогда не принижали их до проституции.

Имущие классы не смешивали таким образом и в такой степени, как в городе, со средой сельского населения, обладающего совершенно одинаковыми общественными потребностями. Мелкие крестьяне и сельско-хозяйственные рабочие часто жили совершенно одинаково. На деревенские праздники крестьяне и сельско-хозяйственные рабочие большей частью собирались в одних и тех же местах. В условиях работы и жизни обоих слоев не наблюдалось резких различий. Помещик высоко возвышался над обоими классами, он жил почти исключительно в обществе членов своего сословия и, даже входя в половую связь со своими работницами, он все-таки оставался их господином.

Половые отношения в деревне характеризуются большей частью некоторой грубой простотой. Молодые люди и молодые девушки, достигшие половой зрелости, часто вступают в регулярную половую связь. Протестантские пасторы путем обширных исследований очень подробно осветили половые отношения в деревне. Для ознакомления с этими отношениями евангелических сельских жителей Германской империи пасторы Вагнер и Виттенберг, согласно постановлению конференции союзов нравственности (Konferenz der Sittenvereine), собравшейся в Кольмаре в 1894 году, разослали опросные листы евангелическим пасторам всех частей Германии. Были получены многочисленные и часто весьма подробные ответы, которые дали возможность глубоко заглянуть в существующие половые отношения в германских деревнях.

В Германской империи имеются церковные общины, где церковь очень усердно посещается, где все ходят к причастию и подчиняются строгой церковной дисциплине, где еще существует так называемая „скамья блудниц“, устроенная для падших деву-

шек и женщин, и все-таки целомудрие в половых сношениях является в этих общинах „исключением“, а нецеломудрие „правилom“. В округе Зинген-Бентайм молодых девушек, „вступающих в половые сношения, осуждают строже, нежели молодых людей; однако, в этом не видят ничего дурного, если только за этим следует замужество. В противном случае на девушку падает вина и „большое бесчестие“. В то же время в этих округах сохранилось еще церковное покаяние. Об одной из этих общин сообщают: „Падшая девушка, если она хочет крестить ребенка, должна принести церковное покаяние перед собравшейся общиной. Однако, вопреки всем церковным наказаниям, внебрачные половые сношения среди деревенской молодежи практикуются с неудержимой силой.

Очень редко, лишь в единичных случаях, мы находим в деревне зачатки проституции. В области Брауншвейга отмечено существование „деревенской проститутки“. В единичных, чисто крестьянских, общинах существуют так называемые деревенские проститутки, имевшие 3, 4 и даже 7 человек детей, „из которых ни одно не было узаконено, так как нельзя было точно установить, кто их отец“. В королевстве Саксонии отмечен один случай деревенской проституции. Однако именно эти исключения указывают на то, что проституция, как типичное явление, не пустила глубоких корней в деревне.

Распространенность добрачных половых сношений, согласно упомянутой выше анкеты протестантских пасторов, находит определенное подтверждение в ставшем нормой обычного права обычае „пробовать“ невесту перед свадьбой. Характерным для этого обычая является замечание, высказанное во время разговора одного пастора с отцом семейства: „Господин пастор, когда покупают за один пфенниг трубку, ее предварительно пробуют, как же можно жениться, не попробовав, годна ли девушка для постели так же, как и для хозяйства?“

В округе Люненбург и Оснабрюк пасторы в своих сообщениях сходятся особенно в одном пункте: добрачные половые сношения без намерения вступить в брак—не в обыкновении, хотя это во многих случаях имеет место; однако вступление в связь со времени помолвки является обычаем, почти не имеющим исключений: „По старому саксонскому обычаю, пишет

корреспондент из округа Гойа-Дингольц половые сношения после помолвки не считаются безнравственными“.

В гессенских провинциях Штаркенбурге, Обергессене и Рейнгессене добрачное сожителство стало правилом. В Гессене государственное и церковное законодательство должно было приспособиться к обычному праву крестьян вступать в половые сношения тотчас же после обручения. В Гессене-Дармштадте существовал институт так называемого „венчания покупкой вина“ (Weinkäufliche Kopulation). В 1629 году при Георге II этот институт был официально признан государством. При этом обручение, видимо, было отождествлено с заключением брака. Меткое замечание относительно института „венчания покупкой вина“ делает корреспондент в сборнике. „Нравственно-половые отношения среди евангелического сельского населения Германской империи“: „в Гессене „покупка вина“ была попыткой дать семейному заключению брака церковно-правовую санкцию. „Венчание покупкой вина“ оставалось в Гессене вплоть до закона 18-го апреля 1877 года законным обручением, дающим право на предъявление иска; церковным правом оно до сих пор не отменено“. Этот институт интересен с точки зрения истории брака, и служит доказательством первоначальной самостоятельности семейного заключения брака, которому лишь постепенно навязали церковную санкцию. Нужно было преодолеть крупные затруднения для того, чтобы доказать нашему консервативному крестьянству, что срок для начала брачного общения полов должен совпадать с гражданским и церковным заключением брака“.

В деревне молодые люди и девушки обыкновенно вступают в грубо-чувственные половые сношения, но общественно-классовые противоречия не превращают их, как в большом городе, в отношения продажной любви. Сильное половое влечение еще не делает девушку проституткой. Ложное воззрение о прирожденных проститутках совершенно опровергается наблюдениями в деревне. В своей массе сельские девушки не целомудренны, но они не проститутки.

Резюме сообщений относительно половых отношений среди евангелических сельских обывателей Германской империи заключает в себе жалобу именно на отсутствие „целомудрия“ у сельских девушек и парней: „Куда мы ни посмотрим, говорится в

этом резюме, всюду мы встречаемся с нецеломудрием сельского населения. За исключением немногих местностей, в которых господствуют особые условия, благоприятно влияющие на нравственность, всюду состояние нравов и пороки одинаковы. Встречаются, конечно, различные степени, но различия эти невелики и несущественны. Повсюду, прежде всего, имеются широкие массы рабочих, среди которых распространены половые грехи. Относительно высших сословий, среди которых часто господствуют шаткие нравственные воззрения, немного всплывает наружу, а если дочь представителя этих сословий согрешит, то грех и позор ее большей частью прикрывают ускоренной свадьбой или каким-либо другим способом". В местностях с действительно крестьянским населением внебрачные половые сношения, по словам резюме, не так распространены, но и там эти сношения часто имеют место среди обрученных. „В общем, читаем мы далее в резюме, члены рабочего сословия совершенно отрешились от соблюдения шестой заповеди. Посвященные с раннего детства в сущность половых сношений, дети легко приобретают склонность к половым сношениям. Эти сношения начинаются с шестнадцати лет и притом всеми, и так интенсивно, что резкое выражение—что они ведут себя как кролики—не является несправедливым!!". „Таким образом отсутствие целомудрия среди сельского рабочего населения является всеобщим и одинаково распространенным среди мужской и женской его части. Исключениями являются лишь немногие небольшие местности. От городского распутства сельское выгодно отличается отсутствием профессионального характера и утонченности, а невыгодно—своей всеобщностью и большим бесстыдством и грубостью"... „Если говорят, что все деревенское нецеломудрие заключается в добрых половых сношениях, то это, в общем, справедливо, но если к этому прибавляют, что эти сношения являются результатом взаимной склонности, то это в большинстве случаев совершенно не соответствует истине. Напротив того, сношения, вызванные одним лишь плотским желанием, бывают большей частью причиной продолжительной связи, которой мужчина слишком часто тяготится и неохотно поддерживает. Верно то, что часто, особенно в королевстве Саксонии, общественное мнение осуждает мужчину, который привел девушку к падению

и потом на ней не женится, поэтому падение большей частью искупается последующей женитьбой"... „То обстоятельство, что деревенская нецеломудренность в большинстве случаев ограничивается добрачными половыми сношениями и заключается в упреждении брачных прав, подтверждается дальнейшим поведением супругов, которое большей частью бывает хорошим. Правда, невесты в большинстве своем почти всюду идут к алтарю *defloratae* (лишенными девственности), но в браке они ведут себя честно, и внебрачные половые сношения, особенно со стороны замужних женщин, встречаются очень редко.

Внебрачные половые сношения девушек искажаются до проституирования лишь под влиянием определенных общественных условий. Достигшие половой зрелости, чувственные девушки отрываются, например, от простых условий своей работы и жизни в деревне и вступают в интимную связь с лицами, принадлежащими к другим общественным классам. Представители имущих классов видят в деревенской девушке, находящейся в услужении, лицо, принадлежащее к сословию, неравному им по происхождению, подчиненному им. Они полагают, что все услуги этой девушки, включая и любовные услуги, можно купить за деньги. Внебрачные сношения между лицами одного и того же класса не носят характера чего-либо обещещающего в общественном отношении, но если они имеют место между членами различных классов, то они легко приобретают клеймо продажности. С глубоким пониманием специфического социального уклада деревенской жизни в упомянутом сборнике отмечается тот резкий переверот, который совершается в жизни деревенских девушек, попадающих в новые для них городские условия подчинения. „В особенности на чужбине, говорится там, вдали от влияния родины и родительского дома, и не находя себе „милого“, способного и желающего жениться, деревенские девушки попадают как жертвы бесовестного обольщения и злоупотребления властью и предаются половому наслаждению, не рассчитывая выйти замуж.

В центрах капиталистической крупной промышленности, которые носят ясно выраженный характер исключительно фабричных городов и в которых пролетариат входит в сношение почти исключительно только с равными себе, проституция распространена несравненно меньше, чем в больших торговых городах и

местах скопления иногородних, где живут бок-о-бок представители различных классов населения и по необходимости тесно соприкасаются друг с другом.

Опрос германских городских и полицейских управлений относительно жилищных условий проституток, произведенный „Германским обществом для борьбы с венерическими болезнями“, выяснил, что проституция очень редко, лишь в единичных случаях, пустила корни в фабричных городах. Так, например, полицейское управление Обергаузена сообщило, что в течение многих лет там не было женщин, состоявших под полицейским надзором. В Дуисбурге, по сообщению дуисбургского обербургомистра, число проживающих там проституток очень незначительно, „так что не встречается необходимости в отведении для проституток особых домов или улиц“. В Ремшейде (Remscheid), по сообщению полицейского управления, „нельзя констатировать заражения населения проституцией“. „...Проституция здесь для фабричного города поразительно незначительна. Это объясняется близостью прирейнских крупных городов, тем, что часть населения занимается обработкой земли и тем, что в случае появления детей от внебрачных отношений, здесь принято жениться на своей сожительнице“. Размеры проституции незначительны именно потому, что Ремшейд—ясно выраженный фабричный город, где рабочие имеют половые сношения с женщинами своего же класса, на которых они женятся при рождении детей от внебрачных сношений. В фабричном городе Шпандау, сообщает д-р Енике (в „Denkschrift der Frauenvereine über das Bordellwesen Deutschlands“), „безнравственность и обольщение чрезвычайно распространены („Фабрики с большим количеством рабочих и работниц“). Однако, несмотря на эту „безнравственность“, число венерических заболеваний, по статистике профессора Гуттштадта („Die Verbreitung der venerischen Krankheiten in Preussen“. Berlin, 1901.), относительно незначительно: в Шпандау на 10.000 жителей приходилось лишь 14,89 больных венерическими болезнями. Рабочие имеют внебрачные половые сношения с женщинами своего класса, но редко—с проститутками. Поэтому венерические болезни мало распространены в Шпандау. О фабричном городе Людвигсгафене окружной врач д-р Хейк („Denkschrift

über das Bordellwesen Deutschlands“) сообщает следующий характерный факт: „Большое число фабричных работниц дает возможность каждому рабочему уже с 17-летнего возраста иметь любовницу, равную ему по летам или моложе его. Свидания у них не встречают затруднений, благодаря тому, что они могут приводить женщин к себе на дом, что считается само собой понятным, так как заключение брака в Баварии осложняется тем, что община выдает разрешение на брак лишь по уплате известного выкупа соответственно состоянию. Поэтому здесь много внебрачных детей, и редко женятся впоследствии“.

В Мюльгейме-на-Рейне число женщин, находящихся под надзором полиции нравов, по сообщению тамошнего обербургомистра, счень невелико. До сих пор это число не превышало двух. Обербургомистр объясняет это незначительное распространение проституции отчасти близостью крупного города Кельна. По своему социальному характеру Мюльгейм — типичный фабричный город. Рабочий вступает в интимную связь с женщинами, принадлежащими к его же классу, и не ищет поэтому сношений с проститутками, а представители крупной буржуазии и средних классов, которые могут платить, развлекаются с элегантными дамами полусвета из легкомысленного Кельна.

Нам кажется, что для правильного понимания своеобразных явлений проституции чрезвычайно важно провести сравнение такого торгового и с таким огромным приливом приезжающих города, как Берлин, с центром германской крупной промышленности—округом Арнсберг. В округе Арнсберг к 1-му декабря 1900 года было приблизительно столько же жителей, сколько и в Берлине, а именно 1.851.319; в Берлине в том же году было 1.888.864 жителя. Арнсберг густо населен. Огромные массы населения живут в таких крупных и средних городах, как Бохум, Дортмунд, Гаген, Гельзенкирхен, Зиген, Липштадт, Зёст, Гамма, Гёрде, Швельм, Изерлон и Альтона.

В округе Арнсберге, несмотря на господство индустриализма, распадение семьи незначительно. В горном производстве и в железоделательной промышленности число занятых там женщин и девушек относительно невелико. В 1901 году в округе города Берлина было 169.805 девушек и женщин, подчиненных обяза-

тельному страхованию на случай болезни ¹⁾, а в округе Арнсберге женщин и девушек этой категории было 23.715. Таким образом в Арнсберге женщины и девушки большей частью являются еще членами семьи. По сравнению с Берлином в Арнсберге семьи очень многочисленны. Женщины и девушки, которые принадлежат к лицам, занятым в сельском хозяйстве, также не уходят из семьи. В Берлине на каждую тысячу человек приходилось 5, 6 лиц, занятых в сельском хозяйстве, а в округе Арнсберге таких лиц насчитывалось 140,6 на каждую тысячу жителей. Затем следует группа девушек, находящихся на домашней службе, или исполняющих различные работы по найму и особенно подверженных искушению разврата. Эта группа по сравнению с Берлином весьма незначительна. В Берлине к этой группе населения из 1.000 человек принадлежало 42,7 в Арнсберге—13,3. В Арнсберге на каждую тысячу человек приходилось 645,4 занятых в промышленности и в горном деле, а в Берлине только 535,4. Лиц, занятых в торговле, транспорте и числящихся на общественной службе в Берлине, разумеется, вдвое и втрое больше, нежели в округе Арнсберг.

В Арнсберге с его замкнутыми семьями, обладающими большим количеством детей, взрослых (старше 15-ти лет) оказалось гораздо меньше, нежели в Берлине. В 1900 году в Берлине было 1.271.977 взрослых, в Арнсберге—1.111.033.

Значительные группы женского взрослого населения Арнсберга тесно связаны с семьями своих родителей. Сельские девушки тут живут в половом отношении так же, как и деревенские девушки в Германской империи.

Неженатые промышленные рабочие, подобно сельским жителям, рано вступают в половые сношения с женщинами, принадлежащими к своему классу. Промышленный рабочий никогда не вызывает на рынке проституции значительного спроса на продажных девушек. Он тесно и сравнительно довольно рано сходится с женщинами из своего класса. Пауль Гёре в своей прекрасной работе: „Три месяца в качестве фабричного рабочего“ ²⁾ замечает, что внебрачные половые сношения мужчин и женщин, принадлежащих к рабочему классу, очень распространенный обы-

¹⁾ Иначе говоря, профессиональных работниц, которые по закону обязаны уплачивать за страхование.

²⁾ Есть русский перевод.

чай. С точки зрения рабочих, для девушки пролетарского класса бесчестно лишь отдаваться лицу, принадлежащему к высшему общественному классу, так как подобная связь по большей части сопровождается для девушки некоторой материальной выгодой.

Если мы еще раз окинем взором своеобразные социальные условия, в которых живет население Арнсберга, то мы можем констатировать там относительно небольшой спрос на проституток, благодаря тому, что группа промышленного и сельскохозяйственного населения очень значительна; далее можно отметить, что предложение женщин для продажных половых сношений там незначительно, благодаря тому, что женская часть населения тесно связана с семьей, мало занята в торговле, транспорте и промышленности, а класс домашней прислуги относительно очень невелик по своим размерам. В Берлине число состоятельных лиц, занимающихся либеральными профессиями, торговлей и т. п., вдвое или втрое больше в сравнении с Арнсбергом. Если принять во внимание, что Берлин крупный город с большим наплывом приезжих, то можно себе представить, каких колоссальных размеров должен достигать там спрос на продажных женщин, по сравнению с округом Арнсбергом.

Те общие заключения, которые мы сделали, исходя из социального расчленения населения Берлина и Арнсберга, относительно проституции в этих двух местах, вполне подтверждаются статистикой зарегистрированных проституток Берлина и Арнсберга. В Берлине в 1900 году под надзором полиции нравов находилось 4.147 проституток. В округе Арнсберге регулярный надзор за проститутками существует лишь в Гагене, Бохуме, Герне, Гельзенкирхене, Гамме и Дортмунде. В Дортмунде, при населении в 140.536 жителей, под контролем полиции нравов находилось 343 проститутки, в Галлене, при населении в 50.194 жителя—12 проституток, в Бохуме—18, в Герне всего только одна, в Гельзенкирхене—25, в Изерлоне—ни одной. Если мы сложим все эти цифры проституток округа Арнсберга, то получим, что во всем округе число зарегистрированных проституток равно 399.

Число женщин и девушек, занимающихся проституцией профессионально, но тайно, также не может быть велико в округе Арнсберге. Кроме больных венерическими болезнями проституток, больных этими болезнями женщин и девушек в больницах округа Арнсберга почти совершенно нет.

В 1899 году в больницах Берлина подвергались лечению 3.924 женщины, из них 1.431 проститутка; в Арнсберге—369 женщин, из которых было 226 проституток. При этом больные венерическими болезнями женщины по своему общественному положению распределялись следующим образом:

<i>В Берлине:</i>	<i>В округе Арнсберге:</i>
189 замужних женщин, живущих при муже.	35 замужних женщин, живущих при муже.
679 находящихся в услужении.	37 находящихся в услужении.
326 работниц.	4 работницы.
11 занятых в парикмахерских.	— занятых в парикмахерских.
111 „ „ торговле.	1 „ „ торговле.
6 фабричных работниц.	5 фабричных работниц.
1.431 проститутка.	226 проституток.
2.750 больных венерическими болезнями.	308 больных венерическими болезнями.

Сравнение цифр Берлина и Арнсберга показывает, что в округе Арнсберге женщин, больных венерическими болезнями, занятых в торговле и промышленности, почти можно не принимать во внимание при оценке распространения венерических болезней; в то время как в Берлине 464 больных венерическими болезнями женщин и девушек заняты в промышленности и торговле, в Арнсберге их всего лишь 10. Очень распространенная вообще группа женщин, которые в промышленности и торговле имеют лишь подсобный заработок, главным же образом, промышляют проституцией, в Арнсберге, несомненно, очень значительна, на что указывают низкие цифры венерических заболеваний среди работниц и женщин, занятых в торговле. Тайная проституция в Арнсберге имеет небольшие размеры сравнительно с Берлином. Распространенность венерических болезней стоит в самой тесной связи с размерами проституции. По приведенным здесь цифрам, девушки и женщины Берлина, занятые в торговле и промышленности, в шесть раз чаще заболевают венерическими болезнями, нежели женщины тех же профессий в Арнсберге. Эти цифры, разумеется, не дают возможности точно установить размеры тайной проституции в обоих округах, но они, несомненно, показывают колоссальное распространение тайной проституции в Берлине, по сравнению с округом Арнсбергом.

Проституция развита не во всех округах с капиталистическим производством и не везде в одинаковой степени. Кон-

центрация различных общественных классов в одном месте является предпосылкой для возникновения проституции. Концентрированное население городов служит поэтому наиболее благоприятной почвой для проституции. В тех же городах, которые обладают однообразным в социальном отношении характером, проституция существует в самых ограниченных размерах, как, например, в ясно выраженных фабричных городах с незначительным в процентном отношении количеством представителей крупной буржуазии, средних классов и либеральных профессий. Другое дело—города, население которых включает в себе большое количество неженатых состоятельных мужчин. Эти мужчины, по свойственным их классу воззрениям, не могут иметь внебрачных половых сношений с женщинами своего же класса и не могут заключать брака, „соответственного своему положению“, до достижения определенного общественного положения. Поэтому в таких городах предъясняется очень значительный спрос на продажных женщин.

Женщины из низших классов городского населения, хуже всего поставленных в общественном и хозяйственном отношениях, не имея больше опоры в семье, легче всего начинают заниматься проституцией. Это—потерявшие родителей, еще совсем молодые девушки, не умеющие жить самостоятельно, девушки из опустившихся и разорившихся семейств, и одинокие, прозябающие на голодной заработной плате взрослые работницы. Эти элементы женского пролетарского населения легко и быстро спускаются в трясины проституции, когда приходят в тесное соприкосновение с высшими социальными классами; таковы, например, служанки наших крупных городов. В большинстве случаев они совершенно оторваны от родительского дома, они лишены на чужбине опоры дружной семьи. Очутившись после деревни в совершенно чуждом, непонятном им мире образованности и цивилизации, они живут под одной крышей с людьми, принадлежащими к общественному классу, который не признает их равными себе в духовном и нравственном отношении и рассматривает их лишь, как физического слугу. Благодаря указанным причинам прислуга образует такую значительную часть проституции наших больших городов.

Современная проституция по существу—явление городское, обусловленное массовым скоплением в одних и тех же местах членов различных общественных классов, а именно—крупной буржуазии и пролетариата.

ГЛАВА III.

Во что обходится проституция в общественном отношении.

1. О паразитарном социальном существовании проституток и их эксплуататоров.

Аншлаги на столбах в большом городе назойливо приглашают на шумные балы. Освещенные красным светом, завешанные занавесями окна завлекают публику на веселые праздники Бахуса с „шикарными“ девушками. На улицах целые армии разодетых, накрашенных дам полусвета. На плюшевых стульях „венских кафе“ вертятся и кокетливо оборачиваются более старые представительницы проституции. В кварталах, где расположены дома сливок общества, можно видеть кое-где у окна позывающих „пикантных дамочек“. Когда мы видим всю мишурную культуру полусвета больших городов, перед нашими глазами встают огромные суммы денег. Из позора и несчастья потерпевших крушение женщин вырастает огромное растение капиталистического ростовщичества. Около проституции наживаются богатства, как около золота. И сколько рук простирается за этими богатствами! Руки элегантных содержателей гостиниц и опустившихся, пропившихся сутенеров.

Отчаянно преследуемая дичь проституции в наших больших городах прямо-таки бывает затравлена со стороны лиц, сдающих внаймы комнаты, содержателей ссудных касс, владельцев зал для танцев, торговцев, отдающих на прокат мебель, оберкельнеров, сутенеров и т. д. Государство санкционирует проституцию, как промысел, но в то же время при известных обстоятельствах преследует тех, кто дает помещение для осуществления признанной государством профессии. Вследствие риска, которому

хозяин квартиры подвергается при сдаче комнат проституткам, он получает основание взимать с них колоссально большую квартирную плату. За душные, темные комнаты в верхних этажах с проституток часто требуют такую месячную плату, на которую вполне могла бы существовать в течение такого же времени небольшая рабочая семья. Проститутка, о которой рассказывает д-р Гаммер (Hammer) в своих „Zehn Lebensläufen Berliner Kontrollmädchen“, могла считать себя счастливой, что имела за 6 марок в день квартиру и содержание в северной части Берлина на Elsasserstrasse. Другая проститутка рассказывает в этих „Жизнеописаниях“ о прямо-таки ужасной плате, которую ее „гости“ должны были ежедневно вносить хозяевам. Мы узнаем о плате в 6½ и даже в 8 марок в сутки. „Падшая“, которая так трогательно описала свою жизнь в „Дневнике падшей“¹⁾, платила за жалкое помещение на Zimmerstrasse в Берлине „180 марок включительно“ (очевидно, включая кофе). Эта „падшая“ принадлежала к числу „полушелковых“, т.-е. проституток, не находящихся под надзором. „Если трудно найти комнату нам, „полушелковым“, — пишет она в своем дневнике, — то для находящихся под надзором приискание квартиры представляется прямо-таки неразрешимой задачей. Я еще устроилась действительно дешево. Большинство платит семь или десять марок в сутки, а часто и еще больше“. В одном месте своего „Дневника“ она даже выражает удовольствие по поводу своего квартирного положения, несмотря на то, что и в этом случае ее эксплуатировали самым безсовестным образом. „Я живу теперь, — пишет она в своем „Дневнике“, — на Маркграфенштрассе: большая, красивая комната с окнами на улицу и еще одна комнатка, в которой спит Осдорф²⁾, и плачу 360 марок в месяц, т.-е. 12 марок в день“.

Многие женщины живут только тем, что заявляют проституток, которые якобы приехали к ним в гости. Судя по „Дневнику падшей“, они заявляют данную особу, как находящуюся у них в „гостях“ и получают за это 3 марки, между тем как означенное лицо проживает совсем в другом месте.

1) „Дневник падшей“ — Маргариты Беме. Вышел в русском переводе.
2) Фамилия любовника падшей.

„Хозяйки комнат,—говорит „падшая“,—делают еще лучшие дела. Во-первых, они берут высокую плату, а затем они имеют множество посторонних доходов. Если, например, какая-нибудь девушка находится в затруднительном положении, то прежде всего предложит купить свои драгоценности хозяйке. Та покупает их за яйцо и бутерброд и навязывает их другим, в большинстве случаев, опять-таки проституткам, разумеется, уже с надбавкой на двадцать пять процентов и больше“.

В блестящих танц-залах Берлина на проститутку часто возлагается обязанность поощрять посетителей к потреблению в буфете. Один раз „кавалер“ „падшей“ должен был заплатить за шампанское четыреста марок, и она получила от обер-кельнера десять процентов этой суммы. Затем как-то раз „падшая“ обедала в одном элегантном венском ресторане и наблюдала, как одна проститутка надкусывала самые дорогие фрукты и затем их бросала. „Кавалер“ должен был,—замечает она,—потом заплатить за все фрукты“. „Можно иметь небольшие побочные доходы, если находишься в хороших отношениях с обер-кельнером и получаешь десять процентов или около того со счета“.

Да, в танц-залах в обществе проституток сильно-таки опустошаются туго набитые карманы посетителей! Если за столом старых мужчин откупоривается бутылка шампанского, сладость пенящегося вина привлекает огромную толпу проституток. Ганс Освальд описывает повседневную сцену в одном фешенебельном берлинском танц-зале. Множество проституток толпилось около двух кутивших старых мужчин. „Но вдруг они покинули этих старых господ: те, оказывается, спросили у кельнера счет и не пожелали больше брать шампанское. Тогда девушки перешли к более молодым мужчинам. Особенно много молодых мужчин никогда не бывает в таких бальных залах. У них нет денег на это: от 3 до 5 марок—плата за вход, 1 марка—за хранение платья, шампанское от 15 до 20 марок за бутылку. Для этого нужно успеть накопить кое-что или иметь подходящих родителей“. В конце бала входы танцзалов окружают попрошайничающие проститутки. Однако они выпрашивают эту милостыню только для хозяина, содержателя гардероба, портье, кельнера и т. д. С жизненной правдивостью описал Ганс Освальд в своих „Die Berliner Tanzlokalen“ подобную отвратительную сцену по-

прошайничанья. „Спереди, около входа,—пишет он,—стоят трое вышедших первыми мужчины. Им стыдно было перед кельнером сидеть весь вечер за одной бутылкой. А здесь, у входа, их осадили просьбами заплатить за коньяк, за цветы, за веер, пока один из них хладнокровно не спросил у девушек, что они получают от всего этого; ответ был: „ничего“. Он возмущен был тем, что они заботятся только о других, о том, чтобы обогащать хозяина, а сами играют роль возбуждающего средства. При выходе просят еще марку на гардероб. И марку на извозчика. И на чай швейцару. И чашку кофе, и кружку пива. Все попрошайничают“. Таково изображение Освальда. И на проститутку, которая хочет продолжительное время вращаться в элегантных танцевальных залах, с самых различных сторон оказывают осторожное и грубое давление, чтобы превратить ее в резервуар для напитков.

Последний остаток души, который еще сохранила превратившаяся в сплошное тело проститутка, тоже подвергается эксплуатации. С неистребимой силой живет в проститутке любовь к мужчине, потребность в прочной связи с одним мужчиной. Су-тенер является мужем проститутки, он не деловой агент ее, и она держит его не для принудительного взимания платы с гостей. В квартире проститутки он был бы только стеснителен для ее промысла; своим присутствием в ее квартире он только разогнал бы ее клиентов. Пока она занята своим ремеслом, он пьет и играет в какой-либо таверне. Одна проститутка в разговоре с одним берлинским адвокатом следующими словами метко очертила характерную сущность сутенерства: „Вы знаете, господин адвокат, что то, чем занимаешься, как ремеслом, не удовлетворяет сердца. Почему же мне не иметь так же, как и другим женщинам, мужа? У меня тоже есть потребность в любви. Если бы это было не так, нам не нужно было бы сутенеров“. „Падшая“ в своем „Дневнике“ раскрывает ту же психологическую причину сутенерства, что и берлинская проститутка в ее разговоре с адвокатом.

„Я также представляла себе,—пишет она,—под именем Луи человека, который приводит девушкам гостей, защищает их, осторожным принуждением обращает внимание неистовых или нежелающих платить клиентов на их обязанности, а в остальном

играет по отношению к этим девушкам роль рабовладельца. Все это, разумеется, бывает и на самом деле, но в большинстве случаев отношение девушки к так называемому сутенеру,—это естественное отношение девушки к своему любовнику. Оно и понятно. В каждой девушке все же скрывается женщина с ее потребностью в опоре, с ее страстным желанием любви, не находящим удовлетворения в половых сношениях, которые исключительно носят характер ремесла. Со мною происходит то же самое: что дала бы я за то, чтобы иметь *одного, одного единственного* человека на свете, который бы мне принадлежал, с которым бы я могла сойтись, о котором бы я знала, что он существует для меня, а я для него. Но, с другой стороны, я не могла бы решиться сблизиться с первым встречным мужчиной; большинство этих молодчиков по своим качествам ниже всякой критики. В некоторых случаях можно было бы заняться наблюдениями. Эти господа рекрутируются из всех сословий. Разумеется, все это—низко павшие субъекты. Приличный человек не позволит себе быть на содержании у девушки“.

Нравственно павшее существо, сутенер, кует из любовного чувства проститутки звонкую монету. Влюбленная девушка часто сама добровольно наполняет карманы сутенера. Между тем, и сам он основательно забирается в карман проститутки. Он заставляет ее предаваться своему ремеслу. Проститутка принуждена снискивать пропитание не только себе, но и своему мужу. Около класса проституток возникает многочисленный класс мужских паразитов, расходы на содержание которых также должны быть отнесены на социальный счет проституции. Число проституток относится к числу сутенеров приблизительно, как 5:1. По крайней мере, такое численное отношение было показано на уголовном процессе Бергера (Mordprocess Berger).

Относительно эксплуатации девушек сутенерами Ганс Освальд приводит в своей статье „Das Zuhältertum in Berlin“ некоторые факты из доклада К. Hermann'a. В самой северной части Берлина чистый доход сутенера доходит до 2 марок. В Доротеенштадте и „Под Липами“ ¹⁾ доход сутенеров возрастает до 12 марок в день. К этим доходам сутенеров нужно еще прибавить их

¹⁾ Унтер ден Линден (Unter den Linden).

„деловые расходы“, т.-е. расходы на напитки, сигары, извозчиков и т. п. „Все девушки Фридрихштрассе,—говорит Ганс Освальд в своей статье „Сутенерство в Берлине“ (Grossstadt-Dokumente, Band 5),—живут на большую ногу и точно также живут их сутенеры. Их образ жизни соответствует обеспеченному хорошим доходом среднему классу большого города. А в Шейненфиртеле сутенеры живут немногим лучше хорошо зарабатывающего рабочего. То же самое имеет место в восточной и юго-восточной частях Берлина. Хуже их поставлены только сутенеры, живущие с матросскими проститутками и проститутками, обслуживающими посетителей воровских притонов“.

Бесчисленные паразитические элементы направляют в свои карманы золотой дождь, который льется в руки проституток больших городов. В современном обществе проститутку не только лишают души, но ее лишенное души тело должно еще прокармливать целую кучу социальных навозных мух.

Висящее над проституцией проклятие не ограничивается всеми теми чудовищными суммами, которые поглощает армия проституток со своей паразитической свитой. От увеселительного дома до больницы только один шаг.

В Берлине, недалеко от сверкающих красот Фридрихштрассе, возвышается серое, мрачное здание больницы Charité, в которую попадают обломки из пенящегося океана наслаждений продажной любви. Невозможно хотя бы в самых крупных цифрах, определить, в какую сумму денег обходится причиняемый проституцией социальный вред. Мы все же попытаемся дать читателю приблизительное представление об огромном материальном ущербе, который приносит современная проституция.

Среди различных групп, образующих мир проституции, есть группа проституток, выручающих за продажу своего тела на бесстыдном рынке танцевальных зал от 50 до 100 марок в день. Затем, довольно многочисленны те слои полусвета, которым только за квартиру и содержание приходится платить от 10 до 12 марок в день. В одних только книгах берлинской полиции нравов зарегистрировано более 4.000 проституток. Если каждая из этих проституток зарабатывает ежедневно только 5 марок, то для 4.000 проституток мы имеем уже ежегодно 7,3 миллиона марок. В огромной армии тайных проституток Берлина считают от

30 до 50 тысяч проституток. Если уменьшать это число даже до 20.000, то кажется, что они поглощают ежегодно более семи миллионов марок, если считать, что каждая из этих двадцати тысяч проституток зарабатывает продажей своего тела ежедневно одну только марку. Мы не ошибемся, если при вычислении денежных жертв, которые ежегодно требует проституция Берлина, мы удвоим или даже утроим вычисленную нами сумму в 14,3 миллиона, так как мы считали в армии тайной проституции не 50.000 проституток, а всего 20.000, и предполагали, что каждая тайная проститутка зарабатывает своим печальным ремеслом всего только 1 марку в день. Если же мы к баснословной сумме в 24—36 миллионов марок прибавим еще колоссальные расходы безумствующих с проститутками развратников, которые тратят деньги на входные билеты в роскошные танц-залы, на спиртные напитки и кушанья, то мы увидим, что проституция является огромной силой, владеющей целыми областями нашей хозяйственной жизни.

И, однако, даже всеми приведенными здесь оромными цифрами еще не исчерпывается тот социальный ущерб, который наносится проституцией. Мы принимали во внимание „греховные“ удовольствия, но ничего еще не говорили о „греховных“ страданиях, мы заглядывали при наших расчетах в блестящие танц-залы, но не обращали своего взора в мрачные больничные палаты. В 1899 году в Берлине в Charité и других общественных больницах подвергались лечению от венерических болезней свыше 8.000 человек. Профессор Флеш (Flesch) в докладе первому конгрессу „Германского общества борьбы с венерическими болезнями“ высчитал, что ежегодный расход города Франкфурта-на-Майне на больничное лечение больных венерическими болезнями, помимо расходов на помощь нуждающимся, членам их семейств и т. п., достигает более 300.000 марок. Но в больницах лечится только небольшая часть больных венерическими болезнями. В день 1-го апреля 1899 года, по анкете профессора Гуттстедта, в королевстве Пруссии пользовались врачебной помощью одних только больных венерическими болезнями 40.902 человека.

Советник финансов Лош в 1904 году выясняет в одном своем докладе экономическое значение проституции. Он определяет ежегодный расход на проституцию в Германии в 300—500 миллионов

марок. Лош, однако, указывает, что рядом с проституцией идет безумная расточительность, выражающаяся отчасти в огромном потреблении алкоголя самого скверного качества и в чрезвычайно высоких ценах, которые уплачиваются посетителями многочисленных, чисто паразитических ресторанов и „Café“. Сотни тысяч марок стоит один полицейский надзор за всеми этими учреждениями. Из материалов „Германского общества борьбы с венерическими болезнями“ Лош делает следующее заключение: „Прежде всего постоянным спутником проституции является убийственное понижение заработной платы. Так, в Берлине насчитывается около 50.000 продажных девушек, тогда как число заявленных полиции проституток едва 5.000. Для этих девушек заработная плата является большей частью как бы только побочным доходом. В конечном счете ко всему еще присоединяется колоссальное физическое и духовное вырождение народа. Вряд ли мы ошибемся, если оценим ущерб, наносимый ежегодно Германии проституцией и сопутствующими ее явлениями, в один миллиард марок“.

2. Порча общественных нравов и нравственности проституцией.

Проституция больших городов понижает общественное положение городской женщины вообще. Житель большого города нередко переносит свое презрение к женщине, выработавшееся у него, благодаря сношениям с проститутками, на все свои отношения к женщинам. Именно проституция представляет серьезную помеху для всех стремлений, имеющих целью уравнивание женщины в правах с мужчиною. Женщина, борющаяся за свои права, должна поэтому изо всех сил работать над устранением основных социальных причин проституции. Презрительное пожимание плечами в вопросе о продажных девушках менее всего уместно среди женщин, борющихся за свою эмансипацию. Если будет поднят самый низший слой женского населения, то поднимется и весь класс женщин. Если болото проституции высохнет, несчастные женщины не будут уже погрязать в нем и терять там свой человеческий облик. Женщина подыметя в своем человеческом достоинстве, если устраним унижение до положения вещи человека-проститутку. Уничтожение проституции есть необходимое условие, чтобы женщина действительно стала человеком.

Разряженная, разодетая проститутка со своими бросающимися в глаза грубо чувственными манерами развращает общественные нравы. Под влиянием проституции бесстыдно выдвигается, как нечто модное, на первый план половой момент. Формы обхождения грубеют, в житейских сношениях появляется двусмысленный тон, сквернословие вкрадывается в уличную песню и в детские разговоры. Моральная зараза переносится в большом городе от одного класса на другой. Эта зараза скорее всего появляется там, где люди живут бок-о-бок и находятся в постоянном общении между собой.

Роскошь имущих классов именно в больших городах действует развращающим образом на огромные массы опустившихся, обнищавших слоев населения. Эти слои имеют постоянно перед глазами роскошную жизнь, которую ведут многочисленные круги крупной буржуазии. Голодающие люди могут созерцать в ярко освещенных витринах гастрономических и колониальных магазинов страну блаженства с жареными голубями и поросятами. Богатства пышных одежд магазинов модного платья обольщают взоры одетых в лохмотья. Сытый квартирант дома, выходящего на улицу, сталкивается с полуголодным обитателем заднего двора; сын богатого банкира встречается с дочерью бедного фабричного рабочего.

Глаза и уши бедной девушки большого города в окружающем ее мире роскоши воспринимают потребности, удовлетворение которых для нее совершенно невозможно вследствие скудости ее заработков. Рядом с пролетарской девушкой живет проститутка. Рассказы о мишурном счастье проститутки быстро распространяются по четырехэтажным зданиям большого города. И праздное существование проститутки, которая, кажется, только то и делает, что разъезжает с одного бала на другой, вызывают в бедной работнице, перебивающейся одним кофе и картофелем, самые замечательные социальные сопоставления. А когда в бедной девушке, для которой судьба оказалась мачехой, пробуждается стремление к радостям жизни и к любви, то ее молодые чувства часто не находят себе другого выхода, как в танц-залах и кафе полусвета большого города.

Дети пролетариата часто вырастают в обществе проституток. Грязь проституции попадает уже в их детские души. Дитя, вы-

растающее в обществе проституток, уже стоит одной ногой на улице и в ночном кафэ. Профессор Ласпейер в одном статистическом исследовании („Einfluss der Wohnung auf die Sittlichkeit“) доказывает, на основании анкеты парижской торговой палаты, как вредно действует соседство проституток на образ жизни одиноких женщин. Он сообщает со слов д-ра Курелла следующие факты, относящиеся к 1869 году: „В 23 парижских квартирах, в которых 6 процентов женщин, нанимающих комнаты, занимались проституцией, 22,9 процентов жилищ были хорошего поведения; в других 23 квартирах 40 процентов женщин жило проституцией, и здесь только 9 процентов жилищ были (по сведениям работодателей) хорошего поведения“.

Опрос германских городских и полицейских управлений относительно жилищных условий городских проституток, произведенный „Германским обществом борьбы с венерическими болезнями“, опять-таки сильно подчеркивает нравственную опасность соседства с проститутками для пролетарских групп населения. Обер-бургомистр г. Карльсруэ, Шнецлер, в „Памятной записке“, составленной для первой германской гигиенической выставки, убедительно отстаивал необходимость для своего города поселения проституток на одной определенной улице для того, чтобы они не могли действовать развращающим образом на женщин-работниц. При уничтожении подобного ограничения местожительства проституток, по словам „Памятной записки“, „проститутки, без сомнения, стали бы селиться и в некоторых больших и густо-населенных домах города, в особенности в больших домах-казармах, близ вокзалов“. В этих домах, благодаря дешевизне квартирной платы, проживают все те многочисленные портнихи, гладильщицы, модистки и другие одинокие женщины, живущие своим трудом, но часто вследствие своего соприкосновения с миром роскоши, обладающие широкими потребностями и стремящиеся к нарядам и удовольствиям. Это и есть тот разряд женщин, который, как известно, очень легко поддается соблазну и особенно подвержен опасности впасть в проституцию. Здесь, в тесных помещениях живут также мелкие ремесленники и рабочие с маленьким заработком и большим количеством детей, которые растут без всякого воспитания и надзора.

Железная сила нужды при жалких условиях заработка прямо-

таким образом пролетарские семьи с большим числом детей в берлоги проституции. По сообщению, сделанному кельнским городским управлением „Германскому обществу для борьбы с венерическими болезнями“, рабочие семьи с большим числом детей селятся „предпочтительно (!!) в квартирах, где живут проститутки, потому что в других местах домовладельцы не пускают их к себе из-за большого количества детей, а также потому, что в этих домах, где вследствие присутствия и соседства проституток квартирные цены понижены, они находят, сравнительно, дешевые квартиры“.

Таким образом домашний очаг рабочей семьи часто непосредственно прикасается с комнатой девицы, которую днем и ночью посещают мужчины. Эта девица проходит, иногда даже со своими посетителями, через кухню или жилую комнату рабочей семьи. Дети, благодаря своему стремлению к подражанию, начинают копировать кокетливые манеры проститутки, с которой они непосредственно соприкасаются. Не только нравы, но и нравственность значительной части пролетарского населения разрушается под влиянием постоянного общения с проституцией.

3. Заражение населения больших городов венерическими болезнями через посредство проституции.

В предыдущих строках речь шла о губительном моральном влиянии проституции на различные общественные классы. Но вредное влияние проституции не ограничивается систематическим развращением общественной психики. Она захватывает тело общественного организма и поражает его болезнью и смертью. В объятиях проститутки рождаются разрушающие жизнь венерические болезни.

Венерические болезни часто делают женщин бесплодными, отнимают у мужчин силу, и часто убивают ребенка во чреве матери. Эпидемическое проявление венерических болезней в больших крупных городах всегда связано с существованием в больших размерах явной и тайной проституции. Поэтому венерические болезни должны, в сущности, рассматриваться, как социальное явление по преимуществу свойственное городам, обладающим большим населением и большим количеством приезжих.

В Дании среди сельского населения господствуют довольно свободные половые отношения. Исследования относительно сельского населения Дании, произведенные Рубином и Вестергаардом („Statistik der Ehen“, Iena, 1890), выяснили, что около половины первенцов были прижиты там до заключения брака. „Хотя среди всех классов населения наблюдалось значительное число случаев рождения первенцов вскоре после свадьбы, но особенно часто это бывало у служанок, напротив, реже в общем у девушек из более состоятельных классов... В браках между служанками и безземельными бобылями по меньшей мере в семи случаях из десяти, когда бывали дети, невесты в момент венчания бывали беременны“.

Несмотря на свободу внебрачных сношений, случаи венерических заболеваний в датской деревне очень редки. В Дании число венерических заболеваний в большом городе Копенгагене было относительно в 50 раз больше, нежели в деревне. По данным Блашко, в период времени с 1886 г. по 1895 г. в среднем на 1.000 жителей было больных венерическими болезнями в Копенгагене—20,1, в провинциальных городах—3,02, в деревне—0,38.

Тот социальный факт, что действительными очагами венерических болезней являются крупные города, отличающиеся большим развитием проституции, был блестяще подтвержден известной статистической работой профессора Гуттштедта, „Die Verbreitung der venerischen Krankheiten in Preussen sowie die Massnahmen zur Bekämpfung dieser Krankheiten. „Прекрасный труд Гуттштедта основывается на результатах статистического опроса прусских врачей о числе лечившихся у них в день 30-го апреля 1900 года больных венерическими болезнями“.

Анкета Гуттштедта обнаружила в день 30-го апреля 1900 года 40.902 чел., больных заразительными венерическими болезнями. На один Берлин из этих 40.902 больных приходилось 11.598 человек. Из числа всех больных венерическими болезнями мужчин всего Прусского королевства в Берлине жило 28,07 процентов; из числа всех больных венерическими болезнями женщин в этом городе жило даже 29,17 процентов. Если сложить число больных венерическими болезнями мужчин Берлина с числом таких же мужчин семнадцати больших прусских городов, с населением более 100.000 человек, то это составит 61,36 процента общего числа всех больных венерическими болезнями мужчин в Пруссии.

Больные венерическими болезнями женщины Берлина и семнадцати больших городов с населением свыше 100.000 человек составляют 60,83 процента общего числа больных венерическими болезнями женщин всего Прусского государства. Из этих цифр видно уже, что венерические болезни преимущественно свойственны большим городам. Разумеется, эти болезни распространены и в таких менее крупных городах, в которых особенно процветает продажная любовь, т.-е. в портовых, в городах с солдатскими гарнизонами и т. п. Так, например, Вильгельмсгафен выдвинулся особенно высокой цифрой венерических заболеваний; на 10.000 взрослого населения там приходится 141,16 больных венерическими болезнями. Цифра больных венерическими болезнями понижается вместе с цифрой населения городов. За 30-е апреля 1900 года приходилось на каждые 10 тысяч человек взрослого населения больных венерическими болезнями:

в Берлине	141,94	мужчин	45,37	женщин
в 17 городах с населением свыше 100.000 человек.	99,87	„	27,89	„
в 42 городах с населением от 30.000 до 100.00 че- ловек.	58,40	„	17,60	„
в 47 городах с населением менее 30.000 человек . .	45,05	„	16,89	„
во всех указанных выше 107 городах вместе . . .	93,11	„	28,26	„
в остальных городах и сельских общинах. . . .	7,95	„	2,72	„

Итак, в Берлине на каждые 10 тысяч взрослых мужчин приходится 141,94 мужчин больных венерическими болезнями и на каждые 10 тысяч взрослых женщин — 45,4 больных этими болезнями женщин. В деревне же на каждые 10.000 взрослого населения соответствующего пола приходится: 7,95 мужчин и 2,72 женщин.

Среди 5,46 миллионов взрослого населения 107 городов Пруссии оказалось 32.064 больных венерическими болезнями, а среди 16,68 миллионов всей остальной страны всего лишь 8.838 больных.

Венерические заболевания какого-либо округа стоят в самой тесной зависимости от развития в этом округе проституции. Сред-

ние фабричные города, в которых проституции совсем нет, или же она проявляется только в единичных случаях, представляют мало благоприятную почву для развития венерических болезней.

На 10.000 взрослых вообще, т.-е. на 10.000 взрослых мужчин и женщин вместе приходилось:

	Больных венерич. болезн. на 10 тыс. взрослого насел.:	Количество взрослого населения:
В Берлине	91,18	1.271.977
„ фабричном городе Ремшейде	12,21	35.208
„ „ „ Обергаузене	19,80	22,726
„ „ „ Шпандау	14,89	38,961
„ „ „ Дуисбурге	24,67	52.697
„ „ „ Мюльгейме-на-Рейне	21,37	26.670

В промышленных городах с населением свыше 100 тысяч жителей имеется большей частью значительный процент торговых служащих и лиц либеральных профессий. В них процветает, как, например, в большом городе Эссене, торговля мануфактурными, полотняными и шерстяными товарами и т. п. Они являются местопребыванием гарнизонов или центральными пунктами наплыва иногородних. Иногда в этих городах живут большие группы чиновников, или же имеются высшие учебные заведения, которые собирают большое количество неженатых молодых людей. Коротко говоря, на эти города налагает свой отпечаток не один только рабочий класс.

Если мы рассмотрим поближе санитарные условия какого-либо промышленного центра, например, рейнско-вестфальского промышленного округа Арнсберга, то увидим, что венерические болезни распространены преимущественно в четырех больших городах этого округа: в Дортмунде, Бохуме, Гельзенкирхене и Гагене. Общее количество населения этих городов составляло 212.624 человека, число работоспособного населения, т.-е. населения старше пятнадцатилетнего возраста—179.186 человек. 30-го апреля 1900 года в округе Арнсберге числилось всего только 832 больных венерическими болезнями. Из этих 832 больных—497, т.-е. около 60 процентов, жили в названных четырех городах: Дортмунде, Бохуме, Гельзенкирхене и Гагене. Население этих четырех городов составляло приблизительно лишь 16 процентов населения всего

округа Арнсберга, и все-таки на эти 16 процентов населения приходилось около 60 процентов всех больных. Дело в том, что в этих четырех городах распространена явная и тайная проституция.

Приведенные здесь цифры ясно доказывают, что проституция больших городов и венерические болезни связаны между собой, как причина с следствием. В общественной долговой книге проституции на первом месте стоит распространение венерических болезней.

ГЛАВА IV.

Государственная регламентация проституции.

1. Дома терпимости и рабство проституток.

С возрастающим ужасом взирала государственная власть на одичание нравов, на усиливающееся физическое вырождение расы и быстрый рост преступности,—словом, на все те вопиющие бедствия, которые порождались тем, что огромное число женщин низводилось до положения животных. Разумеется, современное государство, находящееся еще под сильным влиянием абсолютистских идей, в своей борьбе против проституции обратилось к своему ближайшему и всегда желанному спасителю от всех бед—к полиции. Нельзя сказать, чтобы план кампании государственной полиции для защиты от зол проституции отличался особенной глубиной. Изгнание проституции из общественной жизни, с рынков и улиц, на которых она так нагло и шумно неистовствовала, было наиболее существенным пунктом в этой программе. Она стремится не уничтожить низведение женщин до степени животного, но урегулировать его, ввести проституцию на путь, указанный полицией, не стеснительный для общества.

Разумеется, проституция, изгнанная с улиц и втиснутая в темные закоулки, не стала менее опасной; у нее не отняли ее ядовитого жала, и она продолжала заражать общество венерическими болезнями. Поэтому полиция, в своей борьбе с проституцией, прибегла к новому средству: чтобы устранить губительное действие проституции на народное здоровье, она установила контроль над промысляющими разврат женщинами.

Проституция не должна была более появляться на лучших улицах, на „Unter den Linden“. В домах это прекрасное дитя могло свободно неистовствовать. Прочь проституцию с поверхности общества, это, разумеется, очень поверхностная программа

борьбы с проституцией. Но будем справедливы: что собственно могла сделать полиция с проституцией при помощи постановлений и запрещений? Туда, где нужно было действовать социальному политику и социальному педагогу, призвали полицейского.

Что же предприняла полиция против наглой, развращающей общественные нравы проституции? Она прибегла к трем мероприятиям:

1) Она старалась перенести проституцию в несколько домов терпимости, чтобы иметь возможность подвергнуть ее полному контролю. Она выдавала разрешения на устройство домов терпимости и только в этих домах допускала половые сношения с проститутками.

2) Она перенесла проституцию на небольшое количество улиц. Там она разместила проститутков в особых казармах.

3) Она разрешала проституткам довольно свободное проживание и изгоняла их только из некоторых оживленных улиц, не позволяла им селиться вблизи общественных зданий, церквей, школ и т. д. Она запрещала им гулять с вызывающим видом на оживленных улицах.

По сведениям, собранным „Обществом для борьбы с половыми болезнями“ от городских и полицейских управлений, дома терпимости существовали в Майнце, Магдебурге, Альтоне, Киле, Нюрнберге, Вормсе, Фрейбурге в Брейсгау, Лейпциге и Регенсбурге. Этот список домов терпимости, разумеется, не полон. Дома терпимости находятся еще в Гамбурге, Аугсбурге, Бамберге, Байрейте, Бременгафене, Фюрте, Гагеноу, Мееране в Саксонии, Мейсене, Мемеле, Меце, Рейхенбахе, в Восточной Померании, Вормсе, Маннгейме.

В Фрейбурге в Брейсгау, по сообщению городской думы, один полицейски-безупречный предприниматель открыл на окраине города публичный дом с разрешения великогерцогского правительства. В этом же доме производится уже давно существующее здесь периодическое врачебное исследование всех публичных женщин, зарегистрированных полицией.

В домах терпимости полиция думает скрыть проституцию за низко спущенными занавесками. Чтобы убедиться в этом, достаточно один раз заглянуть в правила вюрцбургского полицейского управления от 1-го октября 1901 года „О содержании домов тер-

терпимости". Согласно этим правилам, дома, предназначенные для сдачи проституткам, должны запираются с улицы двумя дверьми. Первая, наружная дверь должна быть всегда отперта, чтобы посетитель мог без затруднений открыть ее. Окна должны быть снабжены ставнями или плотно запирающимися жалюзи. Ставни или жалюзи должны быть закрыты, и открывать их можно только для проветривания комнаты; в течение этого времени проститутки не имеют права быть в проветриваемой комнате. Проституткам, содержателю публичного дома и домашней прислуге запрещается пребывание перед домом, или в помещении между первой и второй дверью "... „Проститутки не имеют права выходить из дому в костюме, обращающем на себя внимание" ... „Если содержатель публичного дома не живет в нем, то в качестве хозяйки там должна находиться пожилая особа женского пола" ... „Лица моложе 16-ти лет не имеют права проживать в доме терпимости. Только одни проститутки имеют право находиться в таком доме в качестве жильцов. В доме терпимости нельзя держать малолетней прислуги".

Предписания, касающиеся вюрцбургских домов терпимости, имеют целью ограничить непомерную эксплуатацию проституток содержателями публичных домов. Эти правила предписывают между прочим следующее: „Содержатель публичного дома не имеет права доставлять проституткам предметы одежды, украшения или что-либо другое" ... „Содержатель публичного дома и проститутка должны заранее условиться об определенной денежной плате за содержание, квартиру и т. д." ... „Проститутки во всякое время могут освободиться от контроля, и при этом не принимаются во внимание никакие претензии содержателя дома терпимости". Самого резкого осуждения заслуживает допущение в дома терпимости малолетних девушек. „Безнравственная" Франция изо всех сил стремится закрыть для малолетних девушек вход в публичные дома, — а „добродетельная" Германия открывает двери дома блудниц для шестнадцатилетних и семнадцатилетних девушек.

В „Записке об условиях существования в Германии домов терпимости", составленной по поручению союза германских женских фрейнов, Екатериной Шевен, мы находим следующие факты о пребывании несовершеннолетних девушек в саксонских домах терпимости.

Сведени
тору „За
В качестве
дующие
дома в на
несоверше
они предс
куны не
домах".

В Кри
ток. В сп
раста.

В Рей
домах те
достигают
ния „Зап

Удаето
терпимого
цели, а
гласными
щение до
нежели о
вание до
шек меж
девушек
полиции
домов те
что Дрез
для жив
в Богем
так сказ
торговли
дома".

Имен
году в
вара. Ар
говля де
сочинени

Сведения относительно проституции в Аннаберге сообщил автору „Записки“ окружной медицинский советник д-р Штихлер. В качестве „личного замечания“ мы находим в „Записке“ следующие очень характерные фразы: „Содержателю публичного дома в настоящее время разрешается принимать в свой дом также несовершеннолетних, по крайней мере старше 18-ти лет, если они представят доказательства того, что их родители или опекуны не будут возражать против их пребывания в публичных домах“.

В Кримичау в списке проституток значатся шесть проституток. В списки занесены проститутки, начиная с 17-летнего возраста.

В Рейхенбахе проституцией занимаются семь девушек в двух домах терпимости. Девушки вносятся там в списки, когда они достигают шестнадцатилетнего возраста. Автором этого сообщения „Записка“ называет полицейского врача д-ра Цукера.

Удается ли, однако, полицейским управлениям с помощью терпимого отношения к публичным домам достигнуть намеченной цели, а именно: сделать все проституционные сношения негласными и скрыть их в публичных домах? Отнюдь нет. Допущение домов терпимости раскрывает двери еще большему злу, нежели обыкновенная проституция: торговле девушками. Существование домов терпимости имеет следствием частый обмен девушек между домами терпимости и усиленную вербовку молодых девушек для публичных домов. Заключение дирекции королевской полиции в Дрездене „относительно допущения или недопущения домов терпимости“ уже в 1888 г. сильно подчеркивало тот факт, что Дрезден с его домами терпимости является первым этапом для живого товара, который в большом количестве набирается в Богемии и предназначается для Германии. „Полицейские власти,— так сказано в этом заключении,—бессильны в борьбе против этой торговли людьми, в которой заинтересованы только публичные дома“.

Именно в те страны, где процветают дома терпимости, из году в год направляются транспорты свежего человеческого товара. Аргентина ежегодно поглощает массу белых рабынь. Торговля девушками, как сообщает д-р Генне из Рина в своем сочинении „Проституция и торговля девушками“, производится

в Буэнос-Айресе с таким бесстыдством, которое явно насмехается над полицией. Пленницы домов терпимости продаются по ценам, которые достигают в Буэнос-Айресе от 120 до 150 фунтов стерлингов ¹⁾ за „средний“ товар, 200—250 фунтов стерлингов за „лучший“ товар. „Эти пленницы находятся вне всякого контроля, при розысках их прячут в шкафы, ящики и потайные комнаты или вытаскивают через крыши. Даже в случаях заболеваний их принуждают продолжать служение Венере, а за сопротивление наказывают побоями, голодом и карцером. Так продолжается до тех пор, пока, наконец, это становится невозможным, и пока они не гибнут от болезни и дурного обращения!“.

Все эти выродки, торгующие девушками, являются истинными живодерами в человеческом образе. Генне рассказывает об одном „торговом доме Лангер“, который с помощью своих многочисленных агентов вел торговлю девушками на крупнокапиталистических основаниях. Из России и Галиции человеческий товар доставлялся на центральный пункт в Вену. Когда полиция поймала, наконец, изверга Лангера и его дочь, у них находилось семь молодых девушек. В это же время на имя дочери Лангера получила телеграмма из Варшавы от ее „корреспондента“: „Товары в Варшаве получены. Осторожность! Требую поддержки. Хлопчатая бумага“.

Во время процесса известного торговца девушками Мееровича было обнаружено, по словам д-ра Генне, что „в России торговля девушками ненаказуема, и что оттуда вывезли в Южную Америку в течение одного года от восьми до десяти тысяч молодых девушек и продали каждую из них за сумму от 750 до 2.500 франков“.

В достопамятном заседании рейхстага 6-го февраля 1894 года депутат Бебель выступил в качестве публичного обвинителя торговли девушками. „Торговля девушками хуже торговли рабами-негдами,—писала в то время благочестивая „Евангелическая Церковная Газета“,—и позорно для нашего народа, что такие вещи могут происходить; прискорбно, что глава социал-демократической партии был вынужден первый указать на это“.

К сожалению, сторонников домов терпимости в Германии имеется еще множество, и именно среди врачей. Им следовало бы,

¹⁾ Фунт стерлингов—около 10 рублей.

наконец, заняться как-нибудь главой истории, полной слез и крови: историей торговли девушками! Они поняли бы тогда, какую тяжелую ответственность берут на себя, выступая защитниками домов терпимости. Кто высказывается за дома терпимости, тот оправдывает отвратительную торговлю девушками.

Дома терпимости совершенно обезчеловечивают проституток и развивают в них склонность к противоестественным порокам. Проститутки, живущие в домах терпимости, все безнадежно пали, они совершенно вырождаются физически и духовно. Уже статистик д-р С. Гуппе (S. Huppé) заметил в своей известной работе, „Das soziale Defizit in Berlin“, что берлинские проститутки из домов терпимости дошли до низшей ступени морального падения. „В 1868 году,—пишет он в этой работе,—427 проституток могли быть освобождены от контроля в виду их поступления в услужение или на работу, а 1.625 проституток остались по окончании года под контролем, в 1869 году было 354 освобожденных от контроля и 1.776 оставшихся под контролем, а в 1854 году, как приводится в одном отчете от 15-го февраля 1855 года, нашлось только три проститутки из домов терпимости, которые готовы были заняться честным трудом, между тем как 261 остались в домах терпимости. Итак, в то время как среди проституток-одиночек каждый год почти четвертая часть обнаруживает склонность снова вступить в нормальные условия жизни, только сотая часть проституток из домов терпимости пришла к такому же решению. Кроме того, попытки исправления обычно не имели успеха у этих погибших созданий“.

Средневековые города более крупного размера уже не в силах были ограничить проституцию несколькими контролируруемыми домами. Против „вольных“, не получивших разрешения держателей домов терпимости, против так называемых „руфффианов“ („Ruffiane“) издавались многочисленные постановления городскими магистратами. В 1505 году в Нюрнберге „восемь подлых женщин“ разрешенного дома терпимости настойчиво отстаивали свои права против конкуренции „вольных“ (т.-е. не имевших разрешения проституток) и даже разрушили один неразрешенный дом блудниц. Около того же времени в Франкфурте-на-Майне палач, под приглядом которого находились проститутки, жаловался на то, что публичные женщины не могут более прокормить себя, так как

тайные проститутки наносят большой ущерб их профессии. Каким же образом в современных средних и крупных городах возможно добиться того, чего не удалось достигнуть городам средневековья, где надзор был легко осуществим?

В Киле, например, по сообщению профессора фон-Дюрина, под надзором полиции нравов находится до 142 проституток. „Несомненно, что, по меньшей мере, в десять раз большее количество девушек занимается проституцией в той или другой форме; возможно даже, что мы взяли слишком низкую цифру. Следует принять во внимание, что в Киле 150.000 жителей и притом моряков, что там имеется флот, пехота, студенты и множество молодых людей, работающих на верфях. По моему мнению, число „носительниц заразы“ можно считать, по крайней мере, в 20—30 раз больше количества зарегистрированных проституток“.

Даже в таком средней величины городе, как Вормс, в котором взяты разрешения только на два дома терпимости, тайная проституция пышно расцвела, о чем можно заключить из сообщений тамошнего полицейского управления. Здесь проституцией занимается множество кельнерш. „Эти кельнерши,—пишет полицейское управление Вормса,—в большинстве случаев не получают никакого вознаграждения, а живут на деньги, получаемые ими на чай от посетителей; ясно, что такие особы легко доступны уже благодаря этим деньгам, даваемым на чай. Необходимого надзора у нас достаточно, но при большом числе подобных заведений он в высшей степени затруднителен. Сколько времени такие кельнерши могут распространять венерические болезни, можно себе представить, если принять во внимание, что эти особы обращаются к врачу лишь в случае крайней нужды. Справедливость взгляда, что кельнерши являются главными распространителями половых болезней, подтверждается тем фактом, что среди кельнерш, задержанных за профессиональное занятие проституцией, по крайней мере, 80—90 процентов оказывались зараженными половыми болезнями. На 10 женщин, которые лечились в местной городской больнице от венерических болезней, в среднем, приходится 9 кельнерш. Таким образом кельнерши здесь более всего способствуют распространению половых болезней“.

Во всех крупных городах, где имеются дома терпимости, как—

Нюрнберг, Майнц, Лейпциг, Гамбург, Магдебург, вне публичных домов неистовствует регламентированная и нерегламентированная проституция. Цеховая проституция средневековья в тогдашних слабо-населенных городах потерпела неудачу в своей борьбе против тайной проституции. В этом же потерпит неудачу и идущая законными путями полиция нравов в наших оживленных городах-гигантах. Никакое принуждение проституток поступать в дома терпимости, даже если оно проводится с драконовской строгостью, не может в настоящее время уничтожить тайную проституцию в крупных городах.

В Гамбурге, по словам д-ра Блашко, существует собственно только один вид принуждения: там проституция терпится лишь на определенных улицах. В действительности же в Гамбурге довольно свободно распространяется в огромных размерах тайная проституция. Уже в пятидесятых годах прошлого столетия в одном танц-зале было обнаружено 30 не контролируемых сифилитичных проституток.

Существование в Гамбурге домов терпимости отнюдь не скрывает проституцию. Дети школьного возраста буквально видят своими глазами жизнь в этих заведениях.

Согласно второму годовому отчету гамбургского „Общества для улучшения общественной нравственности“, в 1892 году на 13-ти „безнравственных“ улицах Гамбурга жило 459 детей школьного возраста, 243 мальчика и 216 девочек, из них 155 детей жили на известном „Specksgang'e“.

Дома терпимости вместо того, чтобы служить сточными каналами для горячего, неудержимого полового влечения, часто искусственно пробуждают это влечение. Адреса домов терпимости всегда известны всему городу. Дома терпимости становятся достопримечательностью для иностранцев, и тысячи иностранцев, которые никогда не посетили бы проститутку, приходят в публичные дома из любопытства. Дома терпимости становятся местами общественных развлечений. Выручка этих домов стоит вне всякой связи с действительным спросом на продажную любовь. Девушки, благодаря самым грубым бесстыдствам, получают очень много на чай, а хозяева веселых домов обогащаются на спиртных напитках, которые они подают гостям, не требующим вовсе объятий публичных женщин. Во все времена дома терпи-

мости вызывали безумное мотовство. По словам упомянутого отчета, в середине сентября 1892 года одна проститутка выразила желание быть принятой в тамошнее учреждение Магдалины. Из оказавшейся у нее прихода-расходной книги было установлено: 1) отсутствие какого бы то ни было понижения дохода в течение самого серьезного периода холерной эпидемии; 2) доход проститутки за время с 1-го марта по 9-е сентября равнялся 3.500 марок. Если такой доход предположить у 1.000 проституток, то они одни должны были бы получать в год 7 миллионов марок.

Дома терпимости являются истинными разжигателями самых безумных излишеств противоестественного сладострастия. Половые извращения, которым предавались когда-то безумные императоры Рима, торжествуют свое воскресение в домах, в которых собственно очень мало императорского. Психиатр мог бы найти во многих домах терпимости живой музей всех типических форм вырождения половой потребности.

Впрочем, все, что сохранилось человеческого в униженных, падших проститутках, всеми силами протестует против существования домов терпимости. В Западной Европе несчастные проститутки всячески стараются вырваться из домов терпимости. В 1841 году, по словам Fiaux, в Париже при числе жителей, превышающем миллион, было 235 домов терпимости с 1.420 регламентированными проститутками, а в Париже 1900 года (3,6 милл. жителей) насчитывалось всего только 48 домов терпимости с 504 регламентированными проститутками. По словам Штремберга, даже в восточной части Европы, в Петербурге, число домов терпимости с 1879 по 1883 год понизилось с 206 до 45. Чем сильнее у женщин будет развиваться сознание равенства с мужчиной, тем более у падших женщин будет пробуждаться чувство человеческого достоинства.

2. Система размещения домов терпимости на определенных улицах.

Звон рабских цепей, раздающийся в домах терпимости, слышится также и в системе „казарменного размещения“ проституции. Выражение „казарменное размещение“ проституции упо-

требуется также и в том случае, когда речь идет о системе улиц домов терпимости.

Улица домов терпимости уже пространственно ограничивает проститутку от всего остального мира. Но это пространственное ограничение проституток, в лучшем случае, возможно, и то только отчасти, в некоторых городах средней величины, которые легко поддаются контролю. Так, в 1903 году в Карльсруэ, по сообщению тамошнего городского управления, только одна улица была предоставлена для проституционных сношений. С особой похвалой отзывалось относительно казарменного размещения проституции полицейское управление Гильдесгейма. „Число улиц,— говорится в сообщении полицейского управления,—на которых проституткам еще разрешается жить, непрерывно уменьшалось (в настоящее время проститутки пользуются только двумя улицами)... Эти правила, а именно ограничение жительства проституток несколькими улицами, оказались вполне действительными. Городские улицы, которые раньше были из-за проституток чрезвычайно опасны, так сказать, очистились. Дамы могут ходить по ним до 10-ти часов вечера одни вполне безопасно, если не считать единичных и, вероятно, повсюду случающихся грубых выходок. Поскольку это вообще возможно, удалось очистить от яда проституции дома, именно те из них, в которых живут дети, и значительно уменьшить возможность распространения половых болезней“... „Уничтожение распутства так же мало достижимо, как и уничтожение воровства, пьянства и т. д.; менее всего можно достигнуть этого, преследуя всеми возможными способами распутство падших женщин и не осмеливаясь выступить против мужчин, соблазняющих их или побуждающих к распутству. Проступки мужчин остаются безнаказанными или, даже насколько возможно, берутся под защиту, как проявление „благородной страсти“. Если нельзя совершенно обуздать распутство, то нужно позаботиться, по крайней мере, о том, чтобы оно не слишком усиливалось, а этого можно достигнуть только путем его локализации. Для этого не нужно вовсе покровительствовать действительным домам терпимости, т.-е. заведениям, которые, пользуясь привилегией от государства, занимаются сводничеством под надзором полиции и содействуют распутству при помощи своего удобного, а, где возможно, то и

элегантного устройства. Но следует тех женщин, которые однажды уличены в распутстве, удалять в определенные части города“.

Нельзя умолчать о том, что иногда именно „казарменное размещение“ проституции вызвало бесчинства на квартирах проституток. Управление королевской полиции в городе Касселе уничтожило это „казарменное размещение“, так как это вызвало крайне грубые выходки на улицах домов терпимости. „Проститутки,—писал директор королевской полиции в Касселе,—до конца прошлого столетия жили в узкой, отдаленной, старой части города, разделенной лишь на несколько улиц, в домах, расположенных друг подле друга. Укромное расположение этой части города, устарелая и несовершенная архитектура ее зданий и скудость уличного освещения, обусловленное всеми этими причинами несовершенство надзора вместе со скоплением такого большого количества проституток на небольшом пространстве,—все это содействовало развитию опасного промысла сутенеров. Не только число шумных сцен и драк, но и подкалывания ножами и тяжкие избиения возросли в угрожающих размерах; ни один прохожий в этой части города не был уверен ночью в своей безопасности. Вследствие этого полицейские власти сочли нужным воспретить проституткам проживание в этой части города. В настоящее время оседлые проститутки живут во всем городе“.

Даже сторонники системы „казарменного размещения“ проституции, подобно г. доктору медицины Фабри из Дортмунда, считают почти невозможным проведение этой системы в городах-гигантах. „Мы не хотим скрывать от себя,—говорил Фабри в своем докладе в Мюнхене,—что при осуществлении системы „казарменного размещения“ встречаются известные затруднения: так, например, указывают на то, что в наиболее крупных городах с сотнями тысяч жителей едва ли возможно подыскать подходящие улицы и квартиры тем более, что именно улицы, расположенные в центре или вблизи наиболее оживленных мест, мало пригодны для указанной цели“.

При подробном исследовании вопроса о „казарменном размещении“ Фабри, сами собой явились тяжелые сомнения относительно целесообразности такой меры, как удаление молодых, начинающих проституток в квартиры, которые служат казар-

мами для проституции. Принудительная совместная жизнь этих молодых согрешивших девушек с искушенными опытом членами проституционного цеха должна привести их к полному падению. Поэтому необходимым условием казарменной системы, если стремиться к тому, чтобы эта мера еще более не усилила зла проституции, должна быть организация широкого общественного попечения о падших девушках. А что передача 45-ти проституток в течение 1904 года в том же Дортмунде католическому фереину попечения о девушках и женщинах и евангелическому фереину Магдалины не может считаться серьезной общественной борьбой с этим злом, с этим согласятся даже фанатические приверженцы „казарменного размещения“ проституции. При тех крупных недостатках, которыми страдает современная система попечения о падших девушках и женщинах, казарменное размещение проституции будет всегда приносить больше вреда, чем пользы для общества, для самих проституток. Проститутки Дортмунда чувствуют себя, очевидно, довольно скверно в казарменных квартирах. В 1902 году общее число всех поднадзорных проституток Дортмунда равнялось 314. Из них уехали из Дортмунда 128.

В 1903 г. общее число проституток 313, из них уехало 185.

„ 1904 „ „ „ 343, „ 230.

В Бремене введена система „казарменного размещения“ проституции. Вполне понятно, что такой большой портовый и оживленный город, как Бремен, помимо той улицы, которая предоставлена для проституционных сношений, переполнен огромной армией проституток. „Само собою разумеется, что регламентированная и размещенная в казармах на Helenstrasse проституция не исчерпывает в таком городе, как Бремен, всей массы женщин, профессионально занимающихся распутством“, говорил д-р Стахов из Бремена на мюнхенском конгрессе. „Как велико число этих вольных проституток—нельзя выяснить. Их, наверное, не мало, несмотря на то, что полиция стремится противодействовать их занятию всеми имеющимися в ее распоряжении средствами, старается подвергать проституток наказанию, либо исправлять их“.

В Дортмунде, как и в Бремене, система казарменного размещения проституции не устранила сутенерства, а между тем ка-

зарменной системе приписывают некоторое смягчение проявлений сутенерства.

Д-р Стахов, хотя и является ярким защитником „казарменного размещения“, откровенно признает, что осуществлению этой системы поставлены тесные границы. Недостаток ее заключается, по его мнению, в том, что она не везде применима. „Система эта возможна только в тех городах, в которых стоимость земли достигла относительно невысокого уровня, и в которых жилища в общем представляют собою дома, предназначенные для одной семьи. Но и там систему эту можно осуществлять не без затруднений. Улицы домов терпимости, согласно существующему законодательству, не могут быть созданы на общественные средства“. Богатого владельца, которому принадлежали бы все дома на такой улице и который хотел бы отдать ее в распоряжение города; пришлось бы искать с фонарем Диогена. Для города домов терпимости следовало бы найти нового основателя городов Ромула, но проститутки последуют примеру Рема и перепрыгнут через казарменные стены подобного города.

Помимо названия „Улица домов терпимости“, которое чисто внешним образом напоминает о доме терпимости, все поведение на этих улицах часто соответствует поведению в публичном доме. На улицах домов терпимости часто горят алтари выродившегося культа любви, как и внутри публичных домов. По сообщению д-ра Стахова, лесбийской любовью в Бремене занимаются нередко; признались в ней д-ру Стахову в одном случае: „Часто ли совершаются половые извращения—мне неизвестно. Но то обстоятельство, что почти в каждой квартире имеется прут, а иной раз и засов, указывает на распространенность этого явления“.

В наших крупных городах тайная проституция часто бывает в десять раз значительнее, чем проституция, регламентированная полицией. Кельн насчитывает около 700 поднадзорных проституток, но, по вычислению ассесора Клаусмана, в нем имеется еще 7.000 тайных проституток. В Берлине число проституток, находящихся под контролем полиции, превышает 4.000, а тайных проституток, профессионально занимающихся распутством, там насчитывают от 40 до 50 тысяч. Если бы мы захотели переместить за окраины этих крупных городов всю их явную и тайную проституцию, то скоро возникли бы новые шум-

ные города продажных женщин с числом жителей от 10 до 40 тысяч. Во всяком случае, политическое господство в этих городах принадлежало бы не продажным женщинам, а содержателям публичных домов, которые уже и в настоящее время являются в наших крупных городах „первоклассными людьми“ — избирателями первого класса. Значительные города сестер — но сестер отнюдь не благочестивых — могли бы образоваться во всех наших германских городах-гигантах путем „казарменного размещения“ проституции. В утопическом изображении городов, населенных продажными женщинами, могла бы необузданно развернуться фантазия Аристофана, которая создала столь смелые и забавные картины женского государства.

Когда в Берлине, после страшной драмы Гейнце, возникшей на почве сутенерства, система „казарменного размещения“ проституции нашла себе многочисленных приверженцев в правительственных и полицейских кругах, „Внутренняя Миссия“ (Innere Mission) евангелической церкви выступила против этой системы с самым резким осуждением. В одной петиции центрального комитета „Внутренней Миссии“ к прусскому правительству („к вопросу об общественной нравственности“), между прочим, говорится следующее:

„Система казарменного размещения должна тотчас же создать в домах терпимости женское рабство, которое еще более возмутительно, нежели рабство черных... Мы едва осмеливаемся думать что то, что в Африке и Америке всеми силами преследуется, будет создано в другой, еще худшей форме среди нашей культуры, именующей себя христианской. Если еще прибавить, что интересы владельцев или хозяев домов терпимости, содержащих проституток, требуют снабжения этих домов возможно более привлекательными и притом сменяющимися друг друга особами, то неизбежно разовьется обширная внутренняя и международная торговля рабынями при посредстве гнусных агентов. Подобная торговля, тщетно преследуемая властями, существует уже, к сожалению, в настоящее время. Если только профессиональная проституция будет подчинена системе „казарменного размещения“, то эта торговля неизбежно возрастет на глазах государственных властей“.

3. О „свободном“ проживании проституток.

Многие полицейские управления крупных городов, убедившись в безнадежности всех стремлений провести систему „казарменного размещения“ проституции, отказались от попытки сконцентрировать проституцию на немногих улицах. Они удовольствовались изданием предписаний, которые изгоняли проституток из наиболее оживленных улиц и стремились поселить их вдали от общественных зданий. Жилищные условия проституток подчинены полицейскому контролю. В большинстве случаев проститутка обязана во всякое время дня и ночи открывать свое жилище полицейскому чиновнику. Она обязана извещать полицию о каждой перемене квартиры в течение 24—48 часов. Ее подчинили многочисленным правилам относительно расположения квартиры и т. п., относительно ее поведения и о приеме „гостей“ в ее квартире. Между прочим она обязывается:

- 1) не нанимать квартиры вблизи церквей, школ и других общественных зданий, а также на оживленных улицах;
- 2) не нанимать комнаты в домах, выходящих на улицу, или в нижнем этаже.

Постановления полицейских правил простираются и на поведение проституток в их собственных квартирах; правила эти запрещают всякие вызывающие выходы проституток перед домами, у окон и т. д., а также стремятся воспрепятствовать всякому обнаружению тайн проституционного ремесла.

Опасность, которую жилище проституток представляют для малолетних (детей, учащихся, прислуги), а также благодаря сутенерам и для взрослых, полицейские предписания стремятся устранить тем, что воспрепятствуют вход в квартиры проституток всем несовершеннолетним. Подозрительные личности, вроде сутенеров и т. п., часто также не допускаются туда.

Заглянем в предписания, касающиеся проживания проституток, изданные шарлоттенбургской полицией „для обеспечения здоровья, общественного порядка и общественной благопристойности“. Правила эти вступили в силу с 1-го февраля 1903 года. Вот что гласят некоторые параграфы этих правил:

§ 8. Проститутка обязана заботиться о том, чтобы ее пребывание в занимаемой ею квартире не причиняло никому беспокойства как в самом доме, в котором она живет, так и по соседству. В противном случае она, после однократного предостережения, обязана в указанный ей срок оставить дом по предписанию дирекции полиции.

§ 10. Полицейского чиновника, являющегося для осмотра квартиры проститутки, последняя обязана впускать во всякое время дня и ночи и, поскольку это возможно, давать сведения относительно всех оказавшихся у нее лиц.

§ 11. Если проститутку застанут в такой квартире, которая известна полиции, как место, где собираются проститутки, и если поведение ее в этом месте вызывало уже нарекания, то дирекция полиции может воспретить ей посещение этой квартиры.

§ 12. Проститутка ни под каким предлогом не имеет права показываться у окон как собственной, так и чужой квартиры.

Окна ее квартиры в то время, когда она принимает у себя мужчин, должны быть заперты и закрыты гардинами таким образом, чтобы в квартиру совершенно нельзя было заглянуть. Проститутке запрещается ставить на окна лампу, свечу, или другой знак, а также каким-либо иным способом привлекать мужчин из окна или двери собственной или чужой квартиры.

§ 13. При наведении справок проститутка должна верно указывать свою квартиру. При каждой перемене квартиры она должна лично заявлять об этом в канцелярии дирекции полиции в течение трех дней и, самое позднее, при ближайшей явке для врачебного исследования. В письменных обращениях к дирекции полиции проститутка должна точно указывать занимаемую ею в это время квартиру.

§ 14. Проститутке воспрещается жить вблизи церквей, школ и высших учебных заведений, королевских и общественных зданий, в особенности же вблизи казарм; кроме того, на улицах и площадях, посещение которых воспрещается ей § 6 этих правил, а также в нижних или подвальных этажах, если квартира выходит на улицу. Помимо этого, проститутке воспрещается жить или посещать отели, гостиницы и меблированные комнаты. Если только дирекция полиции найдет, что проституткой нарушено

какое-либо из перечисленных в этих параграфах жилищных условий, и что тем вызывается соблазн, то проститутка обязана оставить свою квартиру в течение указанного ей властями срока.

§ 15. Проститутке воспрещается допускать в свою квартиру какое-либо другое лицо в то время, когда она принимает мужчин, а также давать у себя пристанище своему сутенеру.

§ 16. Проститутка не имеет права принимать на службу несовершеннолетнюю прислугу.

В другом параграфе этих правил проститутке воспрещается иметь общение с малолетними мужского и женского пола, а также с воспитанниками гражданских и военных учебных заведений.

В некоторых городах издание правил относительно проживания проституток зависит почти исключительно от полицейских властей. В Дессау полицейское управление имеет право воспрещать проституткам проживание в тех квартирах, где это покажется управлению „нецелесообразным“. В Гере полицейские власти в том случае, если проживание проститутки в известном доме представляется с полицейской точки зрения опасным, имеют право требовать от нее оставления квартиры в этом доме, а в случае надобности и вынуждать к этому. При этом остаются в силе все вытекающие из наемного договора законные претензии к проституткам.

Квартира проститутки может принять особенно опасный характер в смысле распространения половых болезней благодаря тому, что она служит местом безумных оргий „гостей“ проституток. Вследствие этого некоторые полицейские правила, как, например, города Геры, воспрещают проституткам „отпуск предметов продовольствия, в особенности же водки, вина, пива и т. п.“.

Во многих полицейских предписаниях особенно подчеркивается воспрещение проституткам совместного проживания с детьми и малолетними. Правила, изданные бреславльской полицией, воспрещают проституткам жить в одной комнате с другими лицами и, между прочим с детьми как со своими собственными, так и с чужими, начиная со школьного возраста. Эльбингские полицейские правила от 6-го июля 1886 года предписывают следующее: „В качестве слуг проститутки имеют право брать только таких лиц женского пола, которые достигли, по меньшей мере, 45-ти

лет; о приеме каждой прислуги они обязаны заявить второму инспектору полиции, по крайней мере, за 24 часа до вступления ее в исполнение своих обязанностей. Детей и взрослых особ женского пола, которым еще нет 45-ти лет, проститутки не имеют права впускать как в свою квартиру, так и в другие, относящиеся к квартире помещения. В Гамбурге проституткам вообще воспрещено держать женскую прислугу.

Некоторые постановления полиции нравов стремятся сделать половые сношения проституток в их квартирах возможно более безопасными. Правила Грауденской полиции прямо предписывают проституткам приобретать ирригатор для предотвращения заболеваний от половых сношений.

Многочисленные полицейские предписания наших современных городов-гигантов существуют, вообще говоря, только на бумаге; точное выполнение их потребовало бы полицейского наблюдательного аппарата прямо-таки колоссальных размеров. При всем том все эти строгие постановления имели бы очень узкое поле действия, они относились бы только к тем женщинам, которые находятся под контролем полиции нравов. Из 50.000 проституток Берлина полицейские предписания касались бы менее, чем одной десятой части всех проституток.

Все усилия, которые полиция крупных городов прилагает к тому, чтобы лишить проституцию публичности, оказываются, в большинстве случаев, напрасными. Ей не удается вытеснить проституток за пределы домашней жизни граждан, а тем, что она запрещает проституткам появляться на улицах, площадях, в театрах, ресторанах и т. д., она не освобождает улиц наших крупных городов от зазываний проституток к свободным внебрачным половым сношениям. Вопреки полицейским предписаниям, проституция всюду шумно вторгается в область публичности, развращая общественные нравы.

4. Критическая оценка принудительного врачебного осмотра проституток.

Попытки полицейского регулирования проституции наткнулись на препятствия; такую же неудачу потерпели полицейские власти и при решении санитарной проблемы проституции, а именно

в стремлении сократить размеры половых заболеваний с помощью полицейских предписаний об охране здоровья.

Мысль о том, чтобы охватить весь мир проституток, систематически наблюдать за состоянием их здоровья в интересах народного здоровья и радикально излечивать все венерические болезни,—мысль эта на первый взгляд для диллетанта кажется легко осуществимой. Однако проведение с помощью полиции этой идеи на практике должно быстро отрезвить мечтающего о подобном надзоре. Действительно, полицейский надзор ведет ко всему, но только не к излечению всех проституток от половых болезней!

Займемся изучением санитарно-полицейских постановлений, изданных германскими полицейскими управлениями, в целях сокращения венерических болезней проституток.

Перед нами лежит санитарно-полицейская книжка, которую вручают проституткам города Штуттгарта, когда они поступают под контроль полиции. В книжечке этой заключается „свидетельство о внесении в списки“, на первой странице которого обозначается имя, место рождения и дни осмотра проститутки. Далее следует описание примет проститутки и „полицейские правила“. В конце находятся „удостоверения врача“ о состоянии здоровья проститутки. Полицейские предписания гласят, между прочим, следующее: „Для полицейского надзора за состоянием их (проституток) здоровья производятся периодические врачебные осмотры, а именно—два раза в неделю, для каковых осмотров они обязаны являться в указанное им время в совершенно чистом и приличном виде. Указанный осмотр производится безвозмездно назначенным для того врачом в определенных местах. В виде исключения, осмотр может быть произведен в квартире и на средства подлежащей исследованию, с согласия врача и с разрешения полиции. Исследуемая должна позаботиться о том, чтобы результаты каждого осмотра были внесены врачом в ее свидетельство. Исследуемая должна безусловно следовать предписаниям врача и указаниям полиции относительно лечения заразных болезней“.

Санитарно-полицейские предписания некоторых крупных городов разделяют проституток на три особых класса. В Шарлоттенбурге к первому классу проституток, обязанных подвергаться

осмотру два раза в неделю, принадлежат: проститутки моложе 24 лет, затем, независимо от возраста, те проститутки, которые внесены в списки не более одного года; проститутки, больные сифилисом, у которых со времени заболевания не прошло еще трех лет; проститутки, которые по своим личным качествам, поведению (проступки против полицейских предписаний, уклонение от врачебного осмотра и т. д.) или вообще по усмотрению полиции нравов должны подвергаться исследованию их здоровья через более короткие промежутки времени. Ко второму классу проституток, исследуемых один раз в неделю, в Шарлоттенбурге относятся: все проститутки в возрасте от начала 25 года до полных 34 лет, если они не причислены к первому классу. К третьему классу проституток, исследуемых только через каждые две недели, принадлежат проститутки старше 34 лет, если они не причислены к первому классу. Перечисление проституток из одного класса в другой производится по распоряжению полиции нравов.

Значение санитарно-полицейского контроля пало под ударами самих же приверженцев регламентации проституции. Никто иной, как профессор Нейссер из Бреславля, первый авторитет в области борьбы с половыми болезнями, высказал следующее уничтожающее суждение о современной системе санитарно-полицейского контроля: „Контроль, — говорил профессор в своем реферате („Nach welcher Richtung lässt sich die Reglamentierung der Prostitution reformieren?“), — контроль есть только осмотр, но не лечение; в случаях заболевания в настоящее время имеет место немедленное помещение в больницу, которое по существу своему похоже на арест. Уклонение здоровых от контроля наказывается штрафом, а очень часто и выдачей полицейским властям. Вследствие этого именно больные проститутки, которые питают вполне естественный страх перед помещением в больницу, по возможности, уклоняются от этого контроля или же покидают город, чтобы избежать принудительного помещения в больницу. Санитарный контроль над поднадзорными проститутками осуществляется в таком виде, что он не гарантирует даже отчасти отсутствия заразы у исследуемых. Относительно еще надежным исследование бывает в случаях язв и сифилиса, но оно совершенно недостаточно для обнаружения заболеваний триппером.

Основная причина подобного несовершенства заключается в недостатке врачей, которые могли бы производить отнимающее много времени исследование. Но, в виду того, что мужская публика верит в пользу, приносимую врачебным контролем, контроль этот прямо усиливает опасность заражения от проституток, так как он побуждает мужчин пользоваться для половых сношений именно проститутками: они-де находятся под контролем“.

Профессор Нейссер настойчиво требует полной реформы современного санитарно-полицейского контроля над проститутками. Он делает столько уступок противникам этой регламентации, что невольно возникает вопрос: почему же профессор Нейссер вообще не отказывается от идеи регламентации проституции?

В необходимости реформ для нашего современного санитарно-и нравственно-полицейского контроля над проституцией убежден также и профессор Лессер, принадлежащий к руководителям „Германского общества для борьбы с половыми болезнями“. Рядом с полицией нравов он хочет создать социально-гигиенический институт для безвозмездного надзора и лечения неконтролируемых проституток. Проститутки, подчиняющиеся этому институту и его предписаниям, избавляются от всякого надзора полиции нравов. Поднадзорная проститутка, добровольно подчинившаяся предписаниям социально-гигиенического института, тотчас же освобождается от контроля полиции нравов.

На-ряду с профессорами Нейссером и Лессером в „Германском обществе для борьбы с половыми болезнями“ известен также д-р Блашко, как солидный специалист-ученый и успешный практик.

Этот самый д-р Блашко, после десяти лет всестороннего научного изучения проблемы проституции, принципиально порвал с системой регламентации проституции. В своей основной работе „Hygiene der Prostitution und venerische Krankheiten“ д-р Блашко пришел к тому важному выводу, что статистические данные различных государств и городов Европы как тех, которые ввели регламентацию, так и не имеющих ее, не обнаруживают никакого очевидного влияния регламентации на распространение половых болезней среди мужского населения. По мнению Блашко, этот отрицательный результат не может быть обусловлен не-

достатками самой статистики. Среди множества цифр одни или другие все же должны были бы дать перевес в пользу обычной системы регламентации. Это обстоятельство, по мнению Блашко, дает право прийти к следующему выводу: „Видимые результаты регламентации лишь крайне незначительны; они ни в коем случае не соответствуют той затрате полицейского и врачебного труда, который посвящается регламентации, и тому обширному чиновничьему аппарату, который осуществляет этот надзор“.

В своей книге о „половом вопросе“ известный психиатр, профессор Август Форель, высказал прямо уничтожающее суждение о полицейском надзоре за проституцией. С помощью этой системы, видимо, хотели создать для мужчин возможность здорового и безопасного соития. „Но на самом деле система регулирования ни в каком случае не является средством для успешной борьбы с венерическими болезнями. Обманчивая уверенность, которую дают мужчинам, делают их более неосторожными“...

Д-р мед. Вильгельм Гаммер, который, как бывший консультант женского отделения в берлинском городском убежище, легко мог составить себе верное суждение о достоинствах и недостатках контроля над проститутками, выразился однажды об этом контроле с грубой, но вполне заслуженной насмешкой: „Контроль над свободно проживающими проститутками вместе с ограничениями берлинской полиции нравов гарантирует почти полную вероятность того, что „гость“ и проститутка заболеют. Уничтожение полицейского контроля, по моему убеждению, не вызовет более значительного распространения половых болезней“.

В наше время, когда еще так ожесточенно спорят за и против полицейского контроля, можно только приветствовать попытку такого специалиста, как профессор д-р С. Беттман из Гейдельберга, подвергнуть специальному научному изучению „врачебный надзор за проститутками“.

Профессор Беттман твердо держится того взгляда, что надзор за здоровьем проституток, во всяком случае, несколько уменьшает число заражений. „Несмотря на это, гигиенист не может быть доволен существующей системой регламентации. Допустим, что все те улучшения медицинской стороны контроля, которые практически достижимы, будут проведены, и тем самым будут устранены возражения, возникающие из недостаточных гигиени-

ческих мероприятий. И все-таки останется в силе тот факт, что при нынешней системе правильному врачебному контролю подчинена лишь ограниченная часть общего числа проституток. Даже при том условии, что в рамках регламентации будет все более и более утверждаться точка зрения гуманности, эта система не может охватить более широкий круг, чем она захватывает теперь. Регламентация таит в себе страшную жестокость, которую на практике, быть может, можно ограничивать, но которую совершенно устранить невозможно. Множество проституток культурных стран стремится уклониться от контроля, и тенденция эта растет непрерывно. При этом самим властям приходится все более и более освобождать от регламентации известные элементы проституции, и это прежде всего касается опасной части—несовершеннолетних проституток. Такая система, вместо расширения, ведет к постепенному сужению сферы регламентации. Среди более пожилых проституток, состоящих под надзором, находится значительная часть таких, которые едва ли уже нуждаются в тщательном гигиеническом надзоре; если благодаря им контроль приводит к видимо хорошим результатам, то это еще ничего не говорит о высоких достоинствах самой системы. И чем большее значение приобретает тайная проституция, остающаяся недостижимой для регламентации, тем более приходится поставить вопрос: вознаграждается ли возрастающее количество труда и издержек, которые тратятся на гигиеническую постановку контроля? не является ли это лишь чрезвычайно дорогим экспериментом, который в лучшем случае придает всем нашим стараниям одну только видимость успеха?». В полном согласии с этим глубоко пессимистическим взглядом относительно санитарно-полицейского контроля над проститутками звучат слова того же профессора, в которых он признает роль врачей в этом деле неблагодарной и мало успешной. „Если врачам приходится действовать в рамках существующей регламентации, то они должны настойчиво указывать на то, как мало могут они сделать для уменьшения венерических болезней“.

Лучшие авторитеты в области борьбы с проституцией и венерическими болезнями приводят все новые и новые веские доводы против целесообразности современного нравственно-полицейского и санитарно-полицейского контроля над проституцией.

Часто они даже прямо выступают против самого принципа этого контроля, но попечительное государство, затыкая до поры до времени уши перед доводами ученых специалистов и основанными на долголетнем опыте практиков, преспокойно сохраняет ужасную систему регламентации, уже совершенно разрушенную бесчисленными возражениями! До каких же пор это будет продолжаться?

Резюмируем здесь еще раз все те основные положения и факты, которые говорят против регламентации проституции.

Санитарно-полицейская система контроля в борьбе с венерическими болезнями оказывается половинчатой и даже — если можно так выразиться — „четвертичной“. При ней совершенно не подвергаются никакому врачебному осмотру и лечению три четверти больных половыми болезнями, а именно — все больные этими болезнями мужчины. 30-го апреля 1900 года во всей Пруссии у дипломированных врачей лечились от венерических болезней из каждых 10.000 взрослых вообще — 18,46 чел., из каждых 10.000 мужчин — 28,20 чел., и из каждых 10.000 женщин — 9,24. „Обращает на себя внимание, — пишет профессор Гуттштадт, — значительно меньшая заболеваемость венерическими болезнями лиц женского пола по сравнению с мужским. Разница настолько значительна, что в общем количестве больных заразительными венерическими болезнями больные мужского пола составляют огромное большинство“. Если бы даже удалось сразу изъять из полового общения всех продажных венерически-больных девушек и женщин, то больные мужчины немедленно вызвали бы огромное распространение половых болезней в тех женских кругах, которые вследствие своей чувственности легко поддаются соблазну мужчин. Разумеется, нельзя оспаривать того, что в этом случае распространение венерических болезней держалось бы в более узких пределах, по сравнению с тем, что было бы при совершенной разнузданности проституток, так как число бессовестных мужчин, без стеснений вступающих в половые сношения во время своей венерической болезни, не может быть очень велико. Но на-ряду с этими бессовестными сластолюбцами есть много таких мужчин, которые, в полном неведении сущности половых болезней, продолжают половые сношения, несмотря на свою болезнь. Следует признать, что хотя устранение всех проституирующих женщин и девушек и было бы санитарной

мерой глубокой важности, но оно не коснулось бы корней венерической заразы. Эта мера отразилась бы только на одних публичных женщинах, гораздо менее подвергающихся венерическим заболеваниям. Но эта мера неосуществима, даже если и ограничиться одними публичными проститутками, так как санитарно-полицейский контроль охватывает лишь небольшую часть проституток, и с нынешней постановкой контроля связано столько недостатков, что он может скорее привести к распространению половых заболеваний, нежели к их прекращению.

Современный контроль полиции нравов распространяется только на крайне незначительный процент продажных женщин, и притом не на самых опасных, так как более пожилые, зарегистрированные проститутки уже не подвержены сифилитическим заболеваниям. В то время, как число продажных женщин Берлина составляет от 20 до 50 тысяч человек, в 1900 году под надзором полиции нравов в этом городе находилось всего 4.147 проституток. Постановка полицейского надзора ведет к систематическому скрыванию половых болезней и прямо-таки к бегству от этого надзора заболевших девушек и женщин. По сообщению врачей Грандома и Грюнвальда, значительный процент франкфуртских (на-Майне) проституток путем отъезда из города всегда уклоняется от контроля или же наполняет больницы и тюрьмы. „Всего, по приблизительному расчету, отсутствует от 30 до 50 процентов, а часто, быть может, и больше“. Из 288 поднадзорных проституток города Франкфурта 267, т.-е. 92,6 процента, были наказаны за нарушение правил надзора (Доклад 1-му конгрессу „Германского общества для борьбы с половыми болезнями“ „Половые болезни и проституция в Франкфурте - на - Майне“ 1903 г.).

Нарушение правил полицейского надзора является обычным для проституток. Проститутка заболевает; она вспоминает о грубом обращении, которое ей, как презираемой „твари“, нередко приходится встречать в общественных больницах, и решает уклониться от контроля. В больницах на больных половыми болезнями большей частью смотрят, как на менее достойных пациентов. А на „уличных девок“ — тем более! В больницах часто они встречают самое грубое обращение. Бывший старший консультант женской больницы при берлинском городском ночлежном

доме д-р Вильгельм Гаммер относительно больничного обращения с проститутками высказался следующим образом: „Она (проститутка) должна терпеливо сносить больничное обращение, если на ее теле есть хотя бы малейшее подозрительное местечко. Это обращение есть обращение смиренного дома. Девушек, которые не подчиняются, связывают. Не обращается никакого внимания на то, желает ли проститутка терпеливо сносить лечение ртутью или нет. Прижигать ли проститутку раскаленным железом, резать ли ножами, делать ли присыпания едкими средствами или втирать ртуть—все это зависит только от решения старшего врача больницы. Следует ли больных усыплять, или они должны переносить боль в полном сознании—это решают не больные, а врачи. Инспектор этого заведения решает, как судья, следует ли проститутку подвергнуть аресту в темном помещении, наказать ли ее лишением пищи, или применить для ее обуздания лечение голодом. По окончании лечения девушку осчастливливают счетом по 2¹/₂ марки за каждый проведенный в больнице день. Если проститутка, действительно, сделала некоторые сбережения или попала в лучшие материальные условия, то является представитель исполнительной власти для того, чтобы получить у нее деньги за принудительное лечение. Все это делается для охранения здоровья, общественного порядка и общественной благопристойности“.

Из этих красноречивых слов больничного врача становится слишком понятным, почему проститутки поступление в больницу рассматривают часто, как настоящее путешествие в ад, особенно в тех случаях, когда начальство и врачи этой больницы известны, как беспощадно строгие, бесчувственные люди. Лишь тогда, когда с проститутками в больницах будут обращаться действительно гуманно, прекратится массовое уклонение проституток от больничного лечения.

Современная постановка контроля полиции нравов гонит проституток не к врачам, в интересах тщательного лечения их венерических болезней, а, напротив, подальше от врачей. В бесчисленном множестве случаев контроль этот препятствует достижению великой социально-гигиенической цели—действительному излечению венерических болезней.

5. О полномочиях и злоупотреблениях органов полиции нравов.

Участь множества человеческих жизней находится в настоящее время в руках полицейских чиновников. Легкомысленная молодая женщина попадает на скользкий путь и катится в уличную грязь. Она вносится в списки контролируемых проституток, и тем самым ее судьба часто бывает решена навсегда.

Ведь девушка, на самом деле, могла еще и не продавать своего тела, на нее падает, быть может, только смутное подозрение, — и тем не менее она толкается полицией в армию „падших“.

В действительности полиция клеймит девушку именем проститутки часто только на основании простого подозрения, что она занимается профессиональной проституцией. Только в немногих случаях правила полиции нравов предписывают особую осторожность при внесении в списки контролируемых проституток. Так, например, постановление полиции нравов г. Оффенбаха гласит: „Полиция только тогда может внести женщину в списки контролируемых, если несомненными фактами установлено занятие профессиональной проституцией“.

Существует целый ряд полицейских правил, которые допускают внесение в списки проституток еще только подозреваемых в проституции женщин.

Согласно полицейским правилам г. Вирцбурга от 1-го октября 1901 г., могут быть подвергнуты контролю полиции нравов женщины, если установлено, что они не занимаются честным трудом и шатаются по улицам в ночное время. Установленный факт, что девушка находилась в ночное время на улице, уже может повлечь для нее потерю женской чести. И какие роковые последствия может иметь „отсутствие честного труда“ для безработной работницы!

Согласно постановлениям о проституции г. Цвикау, достаточно одного подозрения в профессиональной проституции, чтобы подвергнуть девушку контролю полиции нравов.

Параграф 1-й полицейских постановлений города Плацена, касающихся проституции, прямо гласит: „Контролю полиции нра-

вов подлежат женщины, подозреваемые в профессиональной проституции"... „Сюда относятся: 1) те, которые уличены в профессиональной проституции... 3) те, которые прибыли из другого места, где они до самого своего отъезда находились, в виду занятия профессиональной проституцией, под надзором полиции; 4) те, которые, несмотря на предостережение полиции, живут вместе с женщиной, находящейся под контролем полиции, или неоднократно замечены, особенно в вечернее или ночное время, в обществе подобной женщины, на ее квартире, на улице, в публичном месте или на гулянье; 5) те, которые известны, как занимающиеся профессиональной проституцией, и которые не могут дать точных сведений относительно своих средств к жизни". Таким образом девушка, находившаяся в ночное время, вопреки полицейскому предостережению, в обществе проститутки, не застрахована от цепких лап полицейского. Полицейские постановления города Плацена почти прямо провозглашают принцип принудительности профессиональной проституции для тех девушек, которые до своего приезда в Плацен находились под контролем полиции нравов. Стоит только распространиться слуху, что с той или иной девушкой как будто не все обстоит благополучно, и несчастная может попасть в руки полицейского, если она лишена возможности дать „достаточные" (т.-е. достаточные для полиции) сведения относительно своей профессии. Не требуется, чтобы девушка была уличена в профессиональной проституции для того, чтобы полиция наложила на нее клеймо проститутки.

В герцогстве Ангальт, как передает д-р Блашко, на основании постановлений полиции от 5-го августа 1895 г., подлежат контролю полиции нравов те женщины, относительно которых известно, что они находятся в связи не с одним мужчиной и заразились при этом венерической болезнью.

В Мангейме женщины, между прочим, подвергаются контролю полиции нравов „на основании установленных фактов и преимущественно на основании того, что, лечась от сифилиса, они не в состоянии доказать, что занимались честным трудом, и внушают сильное подозрение в том, что занимаются профессиональной проституцией". В Гере и подозреваемые и уличенные в профессиональной проституции женщины вносятся в списки контролируемых.

В настоящее время в очень широких кругах, вплоть до самых консервативных пасторов, прониклось сознанием того, какую прямо чудовищную власть государство дает в руки полицейских управлений правилами о полиции нравов, и какие пагубные последствия может влечь за собой насильственное внесение в списки проституток только „подозреваемых“ в проституции женщин.

Характерно, что на конференциях германских союзов для защиты нравственности пасторы и юристы не раз выступали против контроля полиции нравов.

На „общей конференции союзов для защиты нравственности“ в Франкфурте-на-Майне в 1893 г., член областного суда Шмелдер, как сообщает „Reichsbote“, между прочим, заявил: „Насильственная регламентация также противозаконна; при ней происходят самые невероятные правонарушения. Вот случай из жизни: прачку N. N. подозревают (без всяких оснований) в проституции, потому что ее встречают по вечерам в обществе солдат. Она вносится в списки контролируемых. В силу этого она должна покинуть свою квартиру. До суда она производит впечатление приличной девушки; три месяца спустя она превращается в настоящую проститутку. Обжалование приговора суда, с помощью которого обиженная могла бы оправдаться, является для подобных женщин совершенно недоступным. Бывшая проститутка получила приличное место служанки. Спустя два года она была опознана на улице в Кельне полицейским, против воли внесена снова в списки контролируемых и подвергнута предварительному заключению. Она еще не вычеркнута из списка проституток!“.

С пламенным негодованием выступил пастор Изермейер, по сообщению „Reichsbote“, против вреда, причиняемого контролем полиции нравов. „В течение десяти лет,—говорит он,—я стоял в исправительном заведении в Гильдесгейме с 1.500—2.000 проституток. Все они говорили мне, что полиция заставляла их снова заняться их профессией. Я не верил этому, но принужден был убедиться в этом. Они снова подвергаются контролю даже в том случае, если провели целый год в основном мною убежище. Их забирают с мест, где они служат (крики: ужасно!). Мои требования выдать их обратно полиция высмеивала! Все было тщетно! Позор и стыд тяготеют над этими несчастными! Их заставляют продавать себя, как рабынь“.

В действительности проститутки, при переезде из одного места в другое, вносятся прямо в списки проституток в своем новом местожительстве. Здесь, на новом месте, не заботятся о доказательстве того, что эти женщины продолжают заниматься профессиональной проституцией; нет, они тотчас же вносятся в списки контролируемых проституток. Как раз таких женщин, которые, желая подняться, бегут из губительной обстановки, подобные действия полиции прямо приковывают к профессиональной проституции. Цеховая принудительность, правда, уничтожена, но для многих проституток еще, повидимому, продолжает существовать известная обязательность занятия своей профессией. Явные признаки известной профессиональной подчиненности проституток проявляются, между прочим, и в приведенных выше предписаниях полиции. Но справедливость требует признать, что во многих полицейских предписаниях ясно сказано: „Проститутка может надеяться на освобождение от контроля, если будет установлено, что она занимается честным трудом, и в то же время будут иметься достаточные доказательства ее серьезного исправления“. Но кто устанавливает факт морального исправления прежней проститутки? Полицейский чиновник! Кто судит о том, имеет ли бывшая проститутка „постоянное и честное занятие, дающее ей средство к жизни?“. Полицейский чиновник! Судьей над жизнью и смертью женщины является полицейский чиновник. Ведь заклеить женщину именем проститутки в гражданско-правовом отношении равносильно для нее гражданской смерти.

Уже простое „подозрение в проституции“ способно уничтожить гражданское существование молодой девушки. И это подозрение возбуждается легко заблуждающимися людьми, полицейскими чиновниками, которых довольно часто самым наглым образом обманывают „друзья“ подозреваемых в проституции девушек и другие сомнительные личности. Целая свора мстительных доносчиков, профессиональных наушников и преступников окружает иногда полицию нравов; вся эта компания своими лживыми сообщениями способна сбить с толку и повлиять на решение даже самого справедливого полицейского чиновника. А приговор чиновника может навсегда решить судьбу молодой девушки! Поэтому долой эти чрезвычайные полномочия полиции, простирающиеся на физическое и моральное существование женщины!

Совершенно распущенные в нравственном отношении субъекты прямо-таки осаждают полицию нравов своими гнусными доносами. Два достойных экземпляра профессиональных доносчиков фигурировало недавно в двух возбудивших внимание процессах. 3-го января 1905 г. „Франкфуртская Газета“ по поводу заарбрикенского своднического процесса сообщала следующее: „Деятельность одной из здешних посредниц по найму прислуги уже давно казалась подозрительной прокуратуре. Эта женщина почти исключительно занималась тем, что поставляла кельнерш в рестораны с сомнительной репутацией. Было известно, что она, в своих интересах, старалась, чтобы ее клиентки часто меняли места; было известно, что в зависимости от большей или меньшей доходности места в различных ресторанах заставляла платить ей по 30 марок за место, и что нельзя было ссориться с ней. Но что она самым бесовестным образом продавала женщин, как товар, выяснилось только во время разбора дела при закрытых дверях в уголовном суде первой инстанции. Некоторые из ее жертв, для которых она уже не была страшна,—почему ее вообще боялись, будет видно ниже,—показали под присягой, что эта женщина ночью на улице заставляла кавалеров уплачивать ей заранее деньги, за которые свидетельницы должны были отдаваться этим кавалерам. Как мало эта женщина вообще отвечала строгим законодательным постановлениям насчет моральных качеств посредницы, выяснилось из показаний двух господ, которым она прежде сама отдавалась за деньги. То обстоятельство, что кельнерши в течение многих лет безропотно позволяли обвиняемой эксплуатировать себя объясняется без сомнения, тем, что она находилась в хороших отношениях с полицией. Вызванный ею в качестве свидетеля полицейский (служивший еще раньше при городской полиции) был агентом уголовной полиции при королевском полицейском управлении. Этот свидетель заявил, что обвиняемая оказывала полиции, которой такие люди необходимы, услуги тем, что выдавала ей имена кельнерш, которые занимались проституцией (!!). Суд приговорил обвиняемую за сводничество с корыстной целью во второй раз к тюремному заключению на один месяц. Она хочет обжаловать это решение—тоже во второй раз—в имперский суд“.

В Магдебурге в частном процессе Л. против Д. выяснилось следующее. Частное лицо Д. оскорбил действием и обругал дру-

гое ча
ства т
девуше
нравов
престу
он, ме
чтобы
в „св
благор
счету
полици
своего
к пол
возвр
либо
тивно
свиде
плати
обещ
был
Д. пр
К
эле
ной
теле
горя
нов
воз
ной
гре
гре
Ка
цар
воз
п.

гое частное лицо Л. Л. заявил, что у него имеются доказательства того, что Д., находящийся на службе у полиции, совращает девушек и женщин с тем, чтобы выдать их потом полиции нравов! Д. уже не раз привлекался к суду за различного рода преступления. Свидетельскими показаниями установлено было, что он, между прочим, обещал одной девушке хорошее место с тем, чтобы она отдалась ему; обольстив девушку, он обвинил ее мать в „сводничестве“, благодаря чему она попала в тюрьму. Этот благородный человек гордился тем, что находится на хорошем счету у полиции, которой он оказывает услуги. Агент уголовной полиции Лудвиг заявляет, что не имеет права, без разрешения своего начальника, давать показания, касающиеся отношения Д. к полиции. Он отсылается за получением этого разрешения. По возвращении он заявляет, что ему не разрешено давать какие-либо показания насчет отношений Д. к полиции. Защитник противной стороны вполне удовлетворяется этим сообщением. Другая свидетельница показывает, что Д., соблазнив ее, похитил у нее платье и портмоне с 16 марками. Следующая заявляет, что Д. обещал ей и еще некоторым жениться, несмотря на то, что был уже женат. За оскорбление действием, за насилие и т. д. Д. присуждается к трем месяцам заключения.

Как в борьбе с так называемыми враждебными государству элементами преступное шпионство тесно связано с государственной полицией, так доносы сводников часто тесно связаны с деятельностью полиции нравов в ее борьбе с проституцией.

Время от времени в наших больших газетах появляются горячие обвинительные статьи против ужасных „промахов“ органов полиции нравов. Опять на какую-нибудь приличную женщину возведено подозрение в том, что она занимается профессиональной проституцией. Только с уничтожением полицейского контроля прекратятся жалобы на подобные „промахи“ полиции нравов.

Мы не имеем здесь возможности привести длинный список грехов, который числится за полицией нравов во всех странах. Как в самодержавной России, так и в республиканской Швейцарии, как в Новом, так и Старом Свете—всюду высказывается возмущение по поводу вмешательств полиции нравов.

Не показывает ли этот общий крик негодования, раздающийся

во всех странах, что корень этих нарушений лежит в самой системе полиции нравов?

Выберем из истории „ошибок“ полиции нравов несколько более новых случаев.

В Вене в 1901 г. была избита при шумных криках толпы полицейским агентом Нейгофером одна француженка. Заключенная в тюрьму, как проститутка, она была подвергнута насильственно медицинскому освидетельствованию. Этот случай вызвал в государственном совете пять интерпелляций. В 1902 г. в Гамбурге и Киле было арестовано и подвергнуто довольно грубому обращению по подозрению в проституции несколько дам. Эти случаи послужили поводом к грандиозному демонстративному собранию в Гамбурге, на котором присутствовали члены всех партий.

Характерно, что такой консервативный по своим убеждениям человек, как д-р Генне, который почти с фанатической ненавистью преследовал социал-демократию, мог написать полиции нравов горячую обвинительную статью против полиции нравов. В своей книге — „Преступления и грехи полиции нравов всех времен и преимущественно настоящего времени“ он проливает свет на ужасные жестокости французской и бельгийской полиции нравов. Ловкие мошенники массами подражали грубым приемам парижской полиции нравов, подстерегали влюбленные парочки, обирали любовников и издевались над молодыми девушками. Одна из таких шаяек совершила до 500 подобных подвигов. „Занимающиеся развратом мужчины и женщины служат полиции нравов,—пишет д-р Генне,—в качестве шпионов и провокаторов“. И на самом деле, начиная с того времени, как Наполеон I организовал знаменитую „цитерийскую когарту“, эту продажную женскую полицию любви, и потратил миллионы франков на отслеживание политически неблагонадежных людей, и кончая последними проявлениями русской революции, эта свободная жрица любви играла довольно часто роль государственного агента. Но история полиции нравов не лишена и проявлений человеческих чувств. Какая трогательная благодарность была, например, выражена в завещании содержательницы публичного дома в Брюсселе, которая завещала свой публичный дом полицейскому комиссару Лемуану! Из чувства благоговения к памяти отца, городской голова Вандерштретен, продавая отцовский дом содержателю публичного дома,

просил обставить этот дом „комфортабельно и красиво“. Самым предупредительным образом старший полицейский комиссар Ленауер, под фирмой своего сына, поставлял вино брюссельским публичным домам. Однако мы должны ограничиться этими фактами, заимствованными из истории заграничной полиции нравов. Они достаточно объясняют возникшее во всех странах сильное движение в пользу уничтожения полиции нравов.

6. Ограниченные права проституток и человеческие права.

Даже и в том случае, если бы контроль полиции нравов и санитарно-полицейский контроль действовал вполне успешно, ни один сколько-нибудь чуткий человек не может терпеть его ни одной минуты.

Контроль полиции нравов в действительности подвергает значительную группу лиц женского пола исключительным законам. Он кладет на них клеймо общественного позора. Благодаря контролю, лучшие элементы проституции чувствуют себя, как бы покрытыми видимой для всех проказой. И эта социальная проказа выбрасывает их из гражданского общества. Разве на самом деле проститутка, подобно прежним прокаженным, не оказывается прямо исключенной из общества, если она должна подчиняться следующим постановлениям полиции нравов:

Согласно вновь изданным полицейским постановлениям о проституции полицейского управления города Мюнстера, от 7-го января 1901 г., проституткам, например, запрещается:

- 1) Посещение трактиров и питейных домов, а также увеселительных садов, включая зоологический и дворцовый сады.
- 2) Посещение таких мест, где даются театральные и другие представления.
- 3) Посещение гуляний.
- 4) Пребывание под арками.
- 5) Пребывание на вокзале и возле него, вблизи казарм и высших учебных заведений.
- 6) Посещение мест большого скопления народа, а именно: выставок, устроенных под открытым небом, парадов, ярмарок и всякого рода публичных увеселений.
- 7) Воспрещается ездить в открытых экипажах, пользоваться для езды дрожками или омнибусами.

8) Пребывание в зданиях суда, если присутствие не вызывается необходимостью; запрещается появляться напоказ на улицах и в таких местах, которые обыкновенно посещаются публикой...

9) Оставаться на улицах, площадях в течение времени с 1-го апреля до 1-го октября от 8¹/₄ вечера до 4 часов утра и начиная с 1-го октября по 1-го апреля от 8¹/₄ вечера до 5³/₄ утра...

Далее, полицейские правила, касающиеся проституток города Мюнстера, содержат следующие постановления: „Полицейскому чиновнику предоставляется свободный вход в квартиры проституток во всякое время дня и ночи“. Даже уехавшие проститутки при своем возвращении подлежат „без особенных извещений“ контролю полиции нравов.

Подобные постановления полиции лишают проститутку всех удовольствий жизни. Для нее свобода передвижения почти совершенно уничтожена. В сущности, она имеет только право жить в своем убежище для прокаженных, занимаясь проституцией. Тщательная проверка на суде правомерности постановлений санитарной полиции и полиции нравов в Германии обнаружила бы, по всей вероятности, незаконность целого ряда полицейских предписаний, так как они нарушают самые элементарные, гарантированные конституцией, человеческие права.

Чувственная, не умеющая владеть собою женщина может в некоторых случаях вступать в связь с несколькими мужчинами, но она не станет торговать своим телом на улице. Холостой мужчина смотрит на проститутку просто, как на предмет наслаждения. Не желая брать на себя забот и лишений, связанных с браком, он эгоистично эксплуатирует нужду и беспомощность женщины. Он требует от нее за несколько серебрянников то, что он может приобрести только, отдаваясь всей душой женщине, с которой он честно делит горе и радость. И в то время, как на самом деле мужчина является эксплуататором нужды проститутки, он требует от государства, как бы в насмешку над справедливостью, самой широкой охраны своей эксплуатации беззащитной, нуждающейся женщины. Он требует от государства доставления здоровых рабынь для своего наслаждения. Государство обязано следить за здоровьем обездоленных, несчастных женщин для того, чтобы он мог безнаказанно развлекаться. Социалист, принципиальный враг какой бы то ни было экономической или

социальной эксплуатации, всегда будет непримиримым противником предохранительных мер, предпринимаемых государством для защиты эксплуататоров.

Высокое уважение к правам человеческой личности глубоко коренится в самом существе современного социализма. Фердинанд Лассаль выступил с резким обвинением против современного общества за то, что оно превратило рабочего из человека в товар. Социализм—прирожденный защитник всех угнетенных, всех втоптаных в грязь человеческих существ. А полицейская регламентация проституции одним ударом уничтожает самые основные права человека. Характерно, что введение этого учреждения берет свое начало от казарм, и дух казармы тяготеет над этим учреждением еще и до сих пор. Гекатомбы людей принес в жертву своим авантюристским планам о покорении целого мира деспотический Наполеон; но даже и этот жестокий человек, игравший жизнями сотен тысяч людей, очень заботился о половом здоровье своих солдат, развращенных в кровавой резне народных войн.

Против регламентации проституции возникло в семидесятых годах истекшего столетия в Старом и Новом Свете сильное народное движение.

Против регламентации проституции в Англии выступила открыто при бешеных криках и под жестоким градом камней и грязи, сыпавшимся на нее со стороны заинтересованных притонодержателей, Жозефина Бутлер, глубоко религиозная женщина, воодушевленная самопожертвованием мученицы. Так называемое аболиционистское движение, движение в пользу отмены регламентации проституции, обязано своими успехами ее смелой инициативе. Своей историей крестового похода Жозефина Бутлер воздвигла памятник своей работе. „Мы решили,—так писала Жозефина Бутлер в своей статье „К истории одного крестового похода“,—апеллировать к народу. Уже осенью 1869 г. мы лично писали всем парламентским членам обеих палат и ко многим лидерам светских и духовных партий. Из всех лиц, к которым мы писали, лишь очень немногие соглашались с нами... Так как в тех кругах, где мы прежде всего надеялись встретить интерес к делу, мы нашли только незначительную поддержку, то мы и обратились к рабочему населению страны. Здесь мы встретили

совсем другое отношение. Я прекрасно сознаю, что рабочий класс имеет свои недостатки и столь же мало, как и другие слои населения, свободен от эгоизма; но я твердо убеждена, что народ почти всегда обнаружит здравый и лойальный образ мыслей, когда к нему будут апеллировать во имя справедливости“.

Благодаря деятельной пропаганды Жозефины Бутлер, повсюду в Англии, как из-под земли, выросли комитеты, которые ставят своей задачей уничтожение регламентации проституции. Целый поток аболиционистских петиций и докладных записок был направлен в английский парламент и английскому правительству. В течение 4-5 лет в парламент подано было 18.068 аболиционистских петиций, подписанных 2.657.348 лицами. Защитники регламентации проституции набрали только 83 петиции с 3.833 подписями, при чем 1.112 подписей были прямо насильно отобраны у зарегистрированных проститутток. В 1883 г. были временно приостановлены закон о регламентации проституции и закон contagious diseases prevention Act (закон о предупреждении заразных болезней в гаванях и местах расположения войск), а в 1886 г. эти законы были совершенно отменены.

В Швейцарии, в Цюрихском кантоне, система регламентации была отменена в 1897 г., после упорной борьбы, путем народного голосования. В настоящее время она продолжает существовать только в Женеве.

На родине системы регламентации, во Франции, в настоящее время идет усиленная агитация в пользу уничтожения этого института. 18-го июля 1903 г. в Ренне, во время забастовки рабочих, по случаю известного скандала, причиной которого послужило освидетельствование женщин и молодых девушек, министр-президент Комб созвал внепарламентскую комиссию для рассмотрения вопроса о регламентации. Внепарламентская комиссия пришла к следующим выводам: 1) Проституция не является преступлением в уголовно-правовом отношении. 2) Система регламентации проституции совершенно несостоятельна. 3) Борьба с венерическими болезнями, в смысле их предупреждения (профилактика), заключается во врачебном лечении и попечении с согласия нуждающихся в помощи (непринудительное лечение).

В Германии в 1880 г. социалистка Guillaume Schack организовала „культурный союз“, стремящийся к уничтожению унизи-

тельно
нравов.
ского д
федерат
велико
тическ

к прин
К
конечн
литиче
боевую
как ч
что он
по отн
вую п
дераци

Ос
циальн
случае
Ее ещ
социа
профе
ность
о про
ных
нии.

только
прогр
к ра
пола,
летни
наси
к ра
ничи
толь
стве
прос
цион

тельного для женщины контроля санитарной полиции и полиции нравов. Таковы главные моменты международного аболиционистского движения, вызванного интернациональной аболиционистской федерацией; это составляет ее историческую заслугу. В качестве великого международного культурного движения социал-демократическое движение должно, разумеется, выразить свое отношение к принципам федерации.

К полицейской гвардии регламентаристов социал-демократия, конечно, не принадлежит. Социал-демократия—единственная политическая партия в Германии, которая заняла решительную боевую позицию по отношению к оскорбляющему честь женщины, как человека, контролю полиции нравов. Но именно потому, что она по отношению к контролю полиции нравов и вообще по отношению к проституции занимает такую решительную боевую позицию, программа „международной аболиционистской федерации“ представляется ей слишком скудной.

Остановим наше внимание на несчастной жертве наших социальных классовых отношений—на проститутке. В большинстве случаев она уже не личность, а какое-то обезличенное существо. Ее еще нужно восстановить в правах личности. Только серьезное социально-этическое воспитание и подготовка к какой-нибудь профессиональной работе способны поднять ее снова, как личность. Как раз именно глубокое, социальное понимание вопроса о проституции должно было удержать до сих пор многих убежденных социал-демократов от участия в аболиционистском движении. В статутах „международной аболиционистской федерации“ только следующие скудные положения содержат нечто вроде программы федерации: наказание за развращение или за попытку к развращению несовершеннолетних или лиц того или другого пола, которые могут быть рассматриваемы, как несовершеннолетние; наказание за развращение или за попытки к этому путем насилия или хитрости; наказание за публичное подстрекательство к разврату и сводничество. Эта аболиционистская программа ограничивается только областью внешней нравственности, правильнее, только целым рядом преступлений и проступков против нравственности уголовного уложения. Остальные стороны проблемы о проституции рассматриваются в статутах „международной аболиционистской федерации“ просто как темы для дискуссий. По

мнению социал-демократии, проблема проституции не есть индивидуально-нравственная проблема, которую каждое лицо свободно может разрешить, а комплекс социальных проблем, решение которых зависит от целого ряда изменений условий жизни человека. Для социал-демократии простая отмена государственной регламентации проституции является довольно ничтожным и жалким фактом, и поэтому она обращается к аболиционистской федерации с требованием дел: вы поднимаете проститутку, как номер, в длинном списке столичных проституток, но вы не изменяете ее жалкого социального существования в буржуазном обществе. Какое великое дело совершаете вы? Разве проститутка освободится от нужды и позора, если она не будет считаться признанной государством проституткой? Заставьте ее покинуть улицу, сделайте из нее деятельную, способную бороться, работницу!

Чувство неудовлетворенности социальной бесплодностью прежних аболиционистских принципов уже начинает обнаруживаться у горячих приверженцев аболиционистского движения. Англичанка Е. Леппингтон в своей смелой статье, направленной против попыток нового регулирования проституции, прокладывает аболиционистам путь к положительной социальной работе. Она пишет: „Что касается нас, аболиционистов, то я полагаю, что мы должны дать нашей работе и нашим целям более широкое толкование. Тот объект, который объединяет нас, является по своему характеру разрушающим, а не созидющим. Быть может, наша солидарность на этом и кончается. В положительной стороне вопроса, в отдельных пунктах мы расходимся как в мелочах, так и в принципиальных вопросах. Но, как бы ни было, мы должны признать, что уничтожение регламентации еще недостаточно“.

Германское аболиционистское движение,—как показывают речи, произнесенные на дрезденском конгрессе (1904) немецкими защитницами аболиционизма, в которых намечались уже социальные идеи,—задается целью дать бессодержательной аболиционистской программе новое социальное содержание; а это содержание придется целиком заимствовать из области социально-творческой деятельности социализма.

Боль
чай

Мы
устрани
обществ
ложени
вырвать
его ядо

Гро
в обще
Как о

Кра
ститу
„Побо
ною,
тельст
ции н
все э
следи

П
теет
Они,
цейс
зако
наст
дици
рот,

ГЛАВА V.

Больничные учреждения касс на случай болезни для бесплатного лечения венерических больных.

Мы не в силах будем в течение нескольких десятилетий устранить проституцию, как социальное классовое явление, из общественной жизни. Она самым тесным образом связана с положением социальных классов. Но мы можем, по крайней мере, вырвать этому страшному чудовищу, именуемому проституцией, его ядовитый зуб.

Грозная опасность распространения венерических болезней в обществе путем проституции ясно стоит перед нашими глазами. Как остановить это заражение?

Красноречивые защитники государственной регламентации проституции тотчас же обращаются к нам с магическим словом: „Побольше регламентации проституции“. Большие, в метр длиною, списки для записывания проституток, ежедневное освидетельствование проституток, увеличение количества агентов полиции нравов и санитарного надзора, побольше публичных домов,— все это необходимо для того, чтобы можно было тщательнее следить за проституцией! Но прежде всего побольше принуждения!

Прекрасно. Но ведь, кажется, достаточно принуждения тяготеет в настоящее время над зарегистрированной проституткой! Они, собственно говоря, никогда не свободны от надзора полицейского. Он является к ним и в ночное время и требует именем закона впустить его в дом. И, несмотря на все принуждение, настоящая регламентация проституции заставляет прибегать к медицинской помощи только небольшую группу проституток, наоборот, широкие массы проституток избегают благодаря ей всякой

медицинской помощи. Да, принуждение имеет слишком узкие границы!

Чтобы заставить всех больных венерическими болезнями основательно лечиться, необходимы, главным образом, меры, способные возбудить у самих больных интерес к лечению своих болезней. Но интерес к этому проявится у больных венерическими болезнями только в том случае, если лечение не будет связано для них с потерями в экономическом отношении, и если лечение будет обставлено всеми теми удобствами, какие имеет добровольное лечение по своему выбору.

Из этих необходимых предпосылок вытекает два требования: 1) обеспечение венерического больного во все время болезни необходимым бесплатным содержанием и 2) свободный выбор врача, бесплатное пользование медицинской помощью и медикаментами для всех венерических больных.

Итак, мы предлагаем устройство обширных гигиенических учреждений для всех венерических больных. Но не являются ли подобные предложения утопией, и не относятся ли они скорее к государству будущего? Бросим взгляд на современные учреждения страхования на случай болезни.

Существующее в Германии страхование на случай болезни дает нам ценные указания для планомерной и целесообразной борьбы с венерическими болезнями. Германское обязательное страхование на случай болезни предоставляет членам кассы: бесплатную медицинскую помощь, бесплатные медикаменты и—last not least—необходимые средства, обеспечивающие существование больного на все время потери работоспособности. Эти выдаваемые больному деньги являются, с социально-политической точки зрения, самой ценной стороной страхования на случай болезни. Без этих денег, без снабжения необходимыми средствами к жизни сотни тысяч тяжело больных рабочих вообще не лечились бы. Если им не дают самых необходимых средств к жизни, то они продолжают работать, несмотря на свою болезнь, до полного истощения сил. Многие девушки, которые в настоящее время собирают проклятые гроши проституции и, в качестве „кельнерш“, застрахованы на случай болезни, заразившись венерической болезнью, спокойно продолжали бы свое убийственное побочное занятие проститутки, будучи уже заражены венерической болезнью, принуждены были

бы его продолжать, если бы им не было обеспечено необходимое содержание на все время болезни. Всякие меры, имеющие в виду побудить проституток к лечению от венерических болезней, терпят неудачу, если не будет принята во внимание необходимость гарантировать им средства к существованию на все время болезни.

Разрешение серьезной социальной проблемы — основательное лечение всех венерических болезней не сопряжено в Германии с особенными трудностями, так как там уже весьма значительный процент людей из неимущих классов застрахован на случай болезни. Франкфуртская всеобщая местная касса на случай болезни выдала сама в 1902 г. 472 своим членам, временно утратившим работоспособность вследствие венерической болезни, около 25.768 мар. В эту сумму не входят деньги на лечение и медикаменты, выданные пользующимся на дому больным, а также колоссальные суммы, израсходованные на лечение 1.679 больных венерическими болезнями мужчин и 205 женщин, пользующихся за счет кассы только бесплатной медицинской помощью и медикаментами.

В каком значительном размере кассы на случай болезни несут уже теперь расходы на борьбу с венерическими болезнями, очень видно из того, что в 1899 г. на средства германских касс на случай болезни лечилось 8.355 м. и 2.137 ж., т.-е. 55,04% всех больных венерическими болезнями мужчин и 14,83% всех больных теми же болезнями женщин, находящихся в прусских больницах. Правда, прусское государство и прусские общины имели на своем попечении в больницах в 1899 г. около 10.344 больных венерическими болезнями женщин, среди которых было 5.253 проститутки. Но все-таки кассам на случай болезни не нужно было особенно расширять свою деятельность, чтобы присоединить к лечащимся на их счет 8.355 мужч. и 2.137 женщ. еще 5.253 проституток. Кроме того, на счет касс на случай болезни получает полное содержание в больницах только небольшой процент венерических больных. Более $\frac{3}{4}$ всех венерических больных, получающих поддержку от касс, пользуются лишь бесплатной медицинской помощью и бесплатными медикаментами.

В тесные рамки современного страхования на случай болезни вполне может войти принудительное страхование целой категории девушек и женщин, которые, благодаря своей профессии и социальному положению, в значительной степени способствуют распространению венерических болезней; в эту категорию входят: христки, артистки и танцовщицы. Деятельность этих „артисток“ носит в большинстве случаев чисто профессиональный характер, поэтому они должны подлежать, наравне с работницами, обязательному страхованию. Без значительных изменений самого характера и организации страхования на случай болезни можно включить сюда прислугу, которая в настоящее время относительно часто подвергается заражению венерическими болезнями. Среди 14.405 больных венерическими болезнями женщин, находившихся на излечении в прусских городских больницах, оказалось 2.504 прислуги!

Германское страхование на случай болезни не распространяется на все классы населения, которым приходится страдать от ударов такого страшного бича, каким являются венерические болезни. Многочисленные рабочие, не имеющие постоянного занятия, студенты и занимающиеся профессиональной проституцией женщины совершенно не подлежат страхованию на случай болезни. Как раз проститутки прежде всего отравляют тот источник юности, из которого человечество должно постоянно выходить обновленным. Без бесплатного лечения больных венерическими болезнями проституток и без обеспечения их необходимым содержанием на все время болезни, успешная борьба с венерическими болезнями немыслима.

Проститутка, которая не обеспечена в достаточной мере во время своей болезни, ищет себе средств к жизни на улице.

Гигиенист и социальный политик, который хочет нанести решительный удар венерическим болезням, должен вызвать в больных интерес к лечению своих болезней путем обеспечения немущих венерических больных достаточным содержанием и путем бесплатного лечения. Поэтому мы предлагаем учреждение касс на случай болезни для тех слоев населения, которые сильнее других отравлены венерическими болезнями. Но какие же слои населения прежде всего страдают от венерических болезней? Население крупных городов, торговых и портовых городов. В Бер-

лине и 17 крупных прусских городах, имеющих более 100.000 жителей, из всех больных венерическими болезнями мужчины составляли 61,36% и женщины 60,83%. Учреждение законодательным путем касс на случай болезни для бесплатного лечения венерических больных необходимо прежде всего в таких местах, где венерические болезни носят массовый характер. Согласно прусской статистики венерических болезней, это—крупные, средние, портовые города и города, с большим приливом приезжающих. Там, где имеются кассы на случай болезни,—а таковые встречаются в крупных и средних городах,—там этим кассам необходимо расширить свою деятельность, приняв на себя лечение венерических больных, лечащихся на общественный счет. Во всех тех местах которые признаны очагами венерических болезней, вводится принудительное лечение для всех венерических больных.

В настоящее время германские кассы на случай болезни почти рушатся под тяжестью лежащих на них обязательств. Мы отнюдь не хотим сделать пролетарские элементы касс ответственными за коллективную вину общества. Своеобразной организации современного классового общества обязана проституция своим ужасным подарком венерическими болезнями. Поэтому государство обязано вернуть кассам расходы, вызванные лечением венерических болезней.

Существование самых лучших и гуманно обставленных санитарных учреждений отнюдь еще не гарантирует, что ими будут пользоваться все слои населения, даже ленивые, легкомысленные и безнравственные элементы. Среди проституток, являющихся главными распространителями венерической заразы, существует много ленивых, бессовестных и нравственно испорченных элементов, для пользы которых часто является необходимым применение некоторого давления со стороны законодательства.

Наши предложения умышленно сводят вмешательство санитарных организаций в права личности к *minimum*'у. Мы предлагаем принудительное лечение только в таких местностях, которые признаны зараженными. Эта мера признается только в случае сильного распространения болезни. Между прочим, датский закон, касающийся борьбы с венерическими болезнями от 10-го апреля 1874 года, расширенный и видоизмененный с 1-го марта 1895 года, уже прямо говорит об обязательности лечения для всех венерических больных.

Мы решительно отклоняем идею о необходимости постоянного санитарного надзора за всеми теми элементами, которые особенно часто страдают от венерических болезней. Санитарная комиссия которая должна была бы строго следить за осуществлением принудительного лечения венерических больных, действительно, легко превратилась бы в комиссию полиции нравов,—в этом отношении мы вполне согласны с аболиционистами. Мы желаем только, чтобы легкомысленные венерические больные, кто бы они ни были—мужчины, женщины, студенты или профессиональные проститутки—постоянно имели в виду тот параграф закона, на основании которого они подвергаются наказанию, если не обращаются за бесплатной медицинской помощью при заболевании венерической болезнью.

Мы отнюдь не возлагаем больших надежд на принудительные постановления и на наказания, а надеемся скорее на обширную деятельность гуманно поставленных касс на случай болезни, которые наставляли, защищали и помогали бы всем несчастным, зараженным венерическими болезнями. Мы говорили сейчас только о специальных мерах борьбы с венерическими болезнями при массовом распространении их. Теперь нам придется упомянуть еще о мерах, которые всегда и всюду должны приниматься для борьбы с венерическими болезнями.

Мы требуем повсеместного распространения страхования на случай болезни на всех лиц с доходами до 3.000 мар. Благодаря такому общему закону, не носящему исключительного характера по отношению к женщине, больные проститутки будут подлежать врачебному лечению, регулярному врачебному контролю и, в случае необходимости, больничному лечению.

Руководящую роль касс, на случай болезни в борьбе с венерическими болезнями, никто не понял так хорошо, как проф. Нейссер (Бреславль). На десятом годичном собрании центрального союза местных касс страхования на случай болезни, проф. Нейссер развил целый ряд программных мыслей о борьбе с венерическими болезнями путем касс на случай болезни.

Проф. Нейссер надеется, что германские кассы на случай болезни, помимо энергичной практической борьбы с венерическими болезнями, дадут также богатый материал для теоретических исследований в области гигиены. В вступлении к своему реферату

на тему— „В какой мере кассы на случай болезни могут помочь делу борьбы с венерическими болезнями“, он замечает, что результаты обширной статистики касс, обнимающей много миллионов лиц, облегчат дальнейшее исследование о целесообразности определенных санитарных мер. Проф. Нейссер старается поэтому набросать общую схему для исследования тех санитарных условий, в которых живут больные венерической болезнью члены касс.

По мнению проф. Нейссера, центр тяжести всех мер против венерических болезней лежит в предупреждении болезней и в воспитательной деятельности касс на случай болезни, которая выражается в разъяснении значения венерических болезней и опасностей, связанных с ними. Свои дальнейшие меры против этих болезней он ставит в непосредственную зависимость от развития страховых учреждений на случай болезни и созданных ими институтов. Он требует распространения страхования на случай болезни на членов семьи, учреждения больших местных союзов касс с целью поднятия финансовой дееспособности касс, введения регулярных медицинских освидетельствований членов касс, обязательного лечения в больницах для членов во всех случаях, когда это является необходимым с точки зрения врача, предоставления кассам права назначать средства для предупреждения болезней, и, наконец, организации надзора за больными.

От лидеров германского движения в пользу учреждения касс на случай болезни проф. Нейссер требует, чтобы германские кассы на случай болезни ставили себе в области социальной гигиены более широкие и более серьезные задачи. В интересах уменьшения венерических болезней необходим, по его мнению, правильный санитарный надзор за венерическими больными в их квартирах. Этот санитарный контроль в домах уже теперь применяется в довольно широких размерах. Наши большие, имеющие значительные доходы, кассы на случай болезни поручают контроль над своими больными добровольным контролерам и профессиональным контролерам. В Франкфурте-на-Майне в 1901 г. 10 профессиональных контролеров сделали на квартирах больных 72.691 посещения. Такой контроль является прямо необходимым именно по отношению к венерическим больным. Врачи должны позаботиться о том, чтобы из этих контролеров выработались помощники санитарных чиновников. Контролер замечает в квартире

заболевшего массу антигигиенических условий. Там постель больного не совсем удовлетворительна; белье оставляет желать многого; клозет служит для пользования слишком большого количества жильцов; больной недостаточно осторожен в сношениях с окружающими; он слишком не аккуратен в смысле приема назначенных лекарств. На обязанности контролера лежит целый ряд наблюдений, которых государственный и коммунальный жилищный инспектор не делает. На обязанности жилищного инспектора лежит только надзор за условиями жилых помещений нормальных, здоровых людей. Контролер рассматривает жилища больных с той точки зрения, позволяют ли особенные квартирные условия, в зависимости от индивидуальности пациента, провести успешно назначенное врачом лечение. В виду этого городской или коммунальный надзор за жилищами является недостаточным, если хотят помешать распространению венерических болезней. К надзору жилищных инспекторов следует присоединить еще надзор специальных контролеров за венерическими больными.

Чтобы ограничить возможно более опасность заражения от проституток, необходимо допустить санитарный контроль за жилищами проституток. Если страхование на случай болезни будет распространено на всех лиц с доходом до 3.000 мар., то обязательному страхованию будут подлежать и публичные женщины, и именно—наиболее опасные тайные проститутки, а также случайные проститутки. Таким путем можно достигнуть того, чего до сих пор не достигла никакая регламентация—действительного излечения множества больных проституток.

ГЛАВА VI.

Борьба с вредными сторонами квартирных условий проституток путем закона о жилищах.

Здесь, как и при выяснении вопроса о средствах борьбы с венерическими болезнями, мы коснемся только осуществимых в ближайшем будущем мер.

В настоящее время открытое занятие проституцией в жилищах крупных городов происходит часто в неприличной, прямо бесстыдной форме, и детям нередко приходится очень рано знакомиться с тайнами этой профессии. Необходимо, по возможности, изолировать детей пролетариата от развращающего в социальном отношении влияния этих жилищ.

Проститутке должно быть гарантировано право на жилище. В настоящее время это право проституток подвергается сомнению, и за отдачу в наем помещения проститутке можно подвергнуться такому же наказанию, как за сводничество. Необходимо разрешить сдавать внаймы квартиры проституткам, если такая сдача не связывается с эксплуатацией профессии квартирантки. В интересах общественного здоровья необходимо, по возможности, устранить скитание проституток по разным местам и дикий разврат вне дома. Если проститутка имеет постоянную квартиру, то до известной степени могут быть выполнены санитарные предписания, которые необходимы в половых сношениях проституток.

Все занимающиеся честным трудом классы населения всячески стремятся избавиться от неприятного соседства бесстыдного профессионального разврата. Конечно, только законодательным пу-

тем возможно было бы устранить известные отрицательные стороны жилищ проституток. Всякое регулирование условий жилищ проституток органами полиции мы считаем совершенно недопустимым. Профессиональный разврат может быть терпим только в таких жилищах, в которых не имеется семей с детьми или несовершеннолетними.

В квартирах, в которых занимаются профессиональным развратом, следовало бы допускать в качестве прислуги только пожилых особ. В жилищах, в которых занимаются проституцией, следовало бы строго следить за тем, чтобы разврат не проявлялся в непристойной форме и вообще не обращал бы на себя внимания. Проведение подобных законодательных постановлений о жилищах, понятно, предполагает установление правильного надзора за жилищами, который должен быть организован по небольшим участкам городской территории.

В интересах правильного функционирования контроля над жилищами город Штутгарт разделен на 210 участков. 204 жилищных инспектора принадлежат ко всем классам общества. Среди них имеются 100 рабочих, и между ними вожди рабочей партии—Гейман и Теодор Лейпарт. Штутгартский жилищный инспектор докладывает о нарушениях постановлений закона о жилищах не полиции, а жилищной комиссии. Если он встречает сопротивление при осмотре жилищ, то он докладывает об этом той же жилищной комиссии. Первый параграф инструкции городским жилищным инспектором г. Штутгарта гласит: „Жилищные инспектора являются почетными помощниками отдела городского управления, на обязанности которого лежит надзор за жилищами так называемого жилищного отдела. Согласно указаниям этого последнего, они помогают осуществлять надзор за жилищами и образом жизни городских жителей с целью устранения недостатков, угрожающих жизни, здоровью, или нравственности.

В „Журнале для борьбы с венерическими болезнями“ мною внесено было предложение образовать квартирные участки возможно меньших размеров для более удобного надзора за жилищами и установить большее число почетных жилищных инспекторов. „Чем меньше будут эти участки,—писал я в журнале,—тем скорее живущие в этих участках инспектора ознакомятся

с жилищными и социальными условиями жителей этого участка и тем успешнее смогут бороться с санитарными и моральными недостатками жилищ проституток. Они неизбежно познакомятся с положением проститутки, и тогда они увидят, как можно помочь многообразным бедствиям и неприятностям множества проституток. Тщательный жилищный надзор, при котором принимаются во внимание индивидуальные условия жизни проституток, быть может, повлечет за собой деятельную социальную поддержку“.

Во французских и бельгийских лечебницах для бедных при исследовании индивидуального положения лечащихся на дому туберкулезных больных главную роль играет так называемый „ouvrier enquêteur“ — обычно интеллигентный рабочий, который хорошо знает пролетариат и пользуется у него полным доверием. Здесь помощь, оказываемая туберкулезным больным, связана с исследованием индивидуального положения каждого. Быть может, наблюдатель за жилищами или, лучше, наблюдательница смогут сделаться своего рода „ouvrier enquêteur“. Мы ждем от женщин, работающих в области надзора за жилищами, широкой деятельности, в смысле помощи несчастной проститутке. Если в стране с организованным общественным попечением о больных будут введены еще учреждения, предоставляющие бесплатное лечение и содержание исключенным из страхования на случай болезни венерическим больным наших крупных городов (венерические болезни в Германии ведь свойственны большим городам), то, при помощи благожелательных наблюдательниц за жилищами, возможно было бы привлечь к лечению множество больных венерическими болезнями проституток. Этим будет вообще нанесен решительный удар венерическим болезням.

ГЛАВА VII.

Разложение семьи и проституция малолетних.

Женщин и девушек бесправных, поставленных в тяжелые социальные и экономические условия классов, улица поглощает больше всего.

Молодые девушки легко поддаются соблазнам мужчин выше стоящих в социальном и экономическом отношении классов, раз они не в силах сами обеспечить себя в борьбе за существование. Но необходимым условием для того, чтобы молодая девушка могла прочно стать на ноги, является, прежде всего, неразложившаяся семья. Молодые девушки, выросшие в разложившихся, морально павших семьях, обнаруживают сплошь и рядом огромные пробелы в своем нравственном и духовном развитии.

„Падшая“, описавшая свой трогательный жизненный роман в „Дневнике падшей“, рано лишилась заботливого материнского ухода и выросла в насыщенном душным гаремным воздухом доме. На глазах ребенка отец самым бессовестным образом преследовал своими ласками всю женскую прислугу.

Очень часто девушки вступают в мимолетные связи с мужчинами прежде, чем они достигают возраста, когда могут иметь достаточный профессиональный заработок. Нравственная распущенность молодых девушек начинается большей частью уже в нежном детском возрасте. „Статистика учреждения добровольного и принудительного воспитания малолетних за 1901 бюджетный год“ констатирует тот ужасный факт, что из обязанных посещать школу девушек 101 занимались проституцией. У четырех из них имелся приобретенный сифилис. На 1.114 воспитанниц, оставивших школу, приходилось 713 проститутки (64%). Из оставивших школу девушек 125 (11,2%) занимались профессио-

нальной проституцией. Значительная часть из них подвергались наказанию за нарушение предписаний полиции нравов. В 1902 г., как видно из этой статистики, 657 девушек, оставивших школу (65,8%), предались разврату; среди них находились 84 воспитанницы с приобретенным сифилисом, 76 подвергались наказанию за профессиональное распутство и за нарушение предписаний полиции нравов, 61 девушка уже имели ребенка или находились в последнем периоде беременности. Из обязанных посещать школу девушек 121 занимались профессиональным развратом, 2 из них имели приобретенный сифилис.

В Берлине в 1902 г. из 190 отданных на попечение девушек 131 (68,94%) занимались проституцией. Со времени вступления в силу закона о призрении и воспитании поступило до настоящего времени на попечение 239 проституток, т.-е. 60,91% всех находящихся на попечении воспитанниц.

Такое раннее, до достижения рабочего возраста, вступление молодых девушек в армию проституток обусловливается, как мы увидим, сплошь и рядом разложением семьи. Это разложение происходит чаще всего вследствие отсутствия в семье отца или матери, которые дают содержание и воспитание детям. Семье недостает отца, так как ребенок родился вне брака и вырос в материнской семье. Ребенок—или круглая сирота, или не имеет отца или матери. Отец живет отдельно от матери и иногда совершенно не выполняет по отношению к детям своих отцовских обязанностей, или же выполняет их в недостаточной мере.

В Пруссии в 1901 г. большая часть находящихся на попечении девушек выросла в семьях, не имевших отца, или матери, или обоих родителей.

Из 2.898 находящихся на попечении девушек:

родились вне брака.	534
потеряли отца до 6 лет.	255
„ мать до 6 лет.	265
„ обоих родителей до 6 лет.	13
„ отца между 6—12 годами.	242
„ мать „ 6—12 „	243
„ обоих род. между 6—12 г.	27

1.579

Итак, из 2.898 находившихся на попечении воспитанниц 1.579 выросли в неполных семьях. Сюда следует причислить те семьи, в которых родители живут отдельно друг от друга. Можно смело считать, что больше 9% находящихся на попечении девушек выросли в семьях, в которых родители жили отдельно друг от друга, или были разведены.

В 1902 г. в Пруссии находились на попечении 2.063 девушки.

Среди них:

родились вне брака.	406
потеряли отца до 6 лет.	169
„ мать до 6 лет.	164
„ обоих родителей до 6 лет.	10
„ отца между 6—12 годами.	164
„ мать „ 6—12 „	170
„ обоих род. между 6—12 г.	15

1.098

Из 2.063 девушек, находящихся на попечении, 1.098 выросли в семьях, в которых отсутствовали члены, дающие детям содержание и воспитание.

Попечительные союзы „Внутренней миссии“, берущие на попечение павших девушек, союзы Магдалины подтверждают тот факт, что неправильная структура семьи является почти всегда причиной раннего морального падения девушки.

Дрезденский приют Магдалины принял в 1899—1904 г.г. 575 девушек. Из этих 575 девушек 320 выросло в семьях, которые лишались или даже никогда не имели главных членов семьи. Здесь было 57 рожденных вне брака, 47 круглых сирот, 90 лишенных отца, 83 лишенных матери, 40 происходили из таких семей, в которых родители были разведены или жили отдельно.

1. О чем свидетельствуют приюты Магдалины и убежища.

С расстройством семьи тесно связана нравственная распущенность девушек. В таких семьях легкомысленные девушки легко идут к нравственной гибели. Недостаток прочной семейной связи является для многих лишенных опоры девушек моральной смертью. Но не всякая девушка, выросшая в такой семье, идет по

грязному пути проститутки. Только в нравственно разлагающихся характерах распространяются с ужасной быстротой социальные миазмы. Но многие семьи так сильно пропитаны зародышами разложения, что в них должны погибнуть даже самые крепкие натуры. Ярким подтверждением этого служат биографии многочисленных питомцев приютов Магдалины и других убежищ.

Заглянем в эти обычно негостеприимные здания приютов Магдалины и послушаем, что рассказывают о себе эти нравственно павшие девушки.

В 69-м годовом отчете евангелического приюта для исключенных из школы девушек и приюта Магдалины в Кайзервертена-Рейне мы встречаем следующую жалобу:

„Какими жалкими существами явились они к нам! Внебрачные дети матерей, которые сами никогда не знали отца, рожденные в тюрьмах или худших еще местах, дочери, проданные еще в нежном возрасте за жалкие гроши собственным отцом или матерью, часто выброшенные на позорный путь собственным отцом, дети 10, 12, 13 и 14 лет, которых часто в течение многих лет систематически обучали разврату; члены семьи, которой знакомы всякого рода преступления; дети, появившиеся на свет отравленными алкоголем и не дышавшие никогда чистым воздухом. Уже помимо тех довольно частых случаев, когда медицинским путем можно установить наследственное или приобретенное психопатическое расстройство, как часто преступный образ жизни, начатый в то время, когда об ответственности еще и речи быть не может, делает человека неспособным устоять против позднейших искушений. В нашей деятельности мы имеем в большинстве случаев дело с изменившимися существами, которые иначе думают и рассуждают, чем мы, которые под честью, правдой, человеческим достоинством, собственностью, счастьем, верой в бога, любовью, благодарностью понимают совсем не то, что мы. У них нет больше чувства стыда и чести, у многих из них эти чувства остались в зачаточном состоянии. И такими по большей части они сделались помимо своей воли, не по своей вине“.

Заметки одного пастора содержат следующие небольшие характеристики питомцев одного приюта.

1. N. N. 17 лет. Состоит под обязательной опекой. Неуживчива и легкомысленна, находится под скверным влиянием окружающих.

2. N. N. 17 лет. Угрожала нравственная распущенность. Отец, по своему занятию—рабочий, пьяница. Мать умерла.

3. N. N. 17 лет. Родила, имея 14 лет от роду. Отец умер. Мать порядочная женщина. Продолжает вести дело своего мужа.

4. N. N. 16 лет. Совершила кражу. Родители имеют на нее скверное влияние. Отец—фабричный рабочий.

5. N. N. 17 лет. Угрожала нравственная распущенность. Отец умер. Мать пользуется скверной репутацией.

6. N. N. 17 лет. Угрожала нравственная распущенность. Отец—пьяница, грубый, жестокий человек. По своему занятию—рабочий.

7. N. N. 16 лет. Угрожала нравственная распущенность. Родители живут отдельно. Мать имела в моральном отношении скверное влияние на девушку.

8. N. N. 16 лет. Нравственно совершенно распущена. Внебрачный ребенок. Находится под обязательной опекой. Мать пользуется скверной репутацией.

9. N. N. 16 лет. Угрожала нравственная распущенность. Отец умер. Мать пользуется дурной славой.

10. N. N. 16 лет. Угрожала нравственная распущенность. Отец сидит в тюрьме за преступление против нравственности. Мать потеряла трудоспособность.

11. N. N. 19 лет. Очень легкомысленная. Ей угрожает нравственная распущенность. Отец был рудокопом, теперь нищенствует, так как потерял трудоспособность.

12. N. N. 17 лет. Воровка. Отец умер, мать больна.

13. N. N. 17 лет. Угрожала нравственная распущенность. Отец—рабочий, обращается с семьей грубо и жестоко.

14. N. N. 15 лет. Полная распущенность. Родители живы; отец—кучер.

15. N. N. 17 лет. Совершала неоднократно кражи. Отец—рудокоп.

16. N. N. 16 лет. Ленивая и лживая девушка. Грозит нравственная распущенность. Отец умер, мать пользуется дурной славой.

17. N. N. 17 лет. Сидела в тюрьме за кражу. Родители живы. Отец—штукатур.

18. N. N. 20 лет. Имела ребенка. Отец умер, мать ослепла.

19. N. N. 18 лет. Родилась вне брака. Взята от матери, так как последняя—проститутка.

20. N. N. 18 лет. Судилась за кражу. Отец умер.

21. N. N. 17 лет. Сидела в тюрьме за кражу. Ей угрожала нравственная распущенность.

22. N. N. 15 лет. Совершила кражу. Отец—рабочий.

23. N. N. 18 лет. Совершила кражу. Отец—каменотес.

24. N. N. 20 лет. Родилась вне брака. Злая и хитрая.

25. N. N. 18 лет. Родилась вне брака. Мать пользуется дурной славой. Нравственно-распущенная, лживая и ленивая девушка.

26. N. N. 18 лет. Воровка. Родители вполне приличные люди, но не имели влияния на девушку.

27. N. N. 15 лет. Угрожала нравственная распущенность. Отец сидит в тюрьме, развелся с женой.

28. N. N. 17 лет. Легкомысленная девушка. Угрожала нравственная распущенность. Уже неоднократно подымала руку на свою мачеху. Родители—приличные люди, но не имеют влияния на девушку. Отец сам хлопотал, чтобы ее взяли на попечение.

29. N. N. 18 лет. Родилась вне брака. Угрожала нравственное падение. Мать умерла.

30. N. N. 15 лет. Совершила кражу. Упряма и лжива. Родители не имеют влияния на девушку.

31. N. N. 20 лет. Сидел два раза в тюрьме: первый раз за кражу, второй—за подделку документов. Нравственно распущена. Родители—порядочные люди.

32. N. N. 16 лет. Родилась вне брака. Дерзка, лжива и ленива. Долгое время жила в богадельне.

33. N. N. 18 лет. Сидела в тюрьме за кражу. Родители не имеют влияния на девушку.

34. N. N. 16 лет. Совершила кражу. Родители—порядочные люди.

35. N. N. 15 лет. Неряшлива и нечистоплотна. Отец судился за оскорбление действием и сопротивление властям.

36. N. N. 19 лет. Угрожала нравственная распущенность. Отец умер. Мать не имела влияния на нее.

37. N. N. 15 лет. Попрошайничала и крала, побуждаемая к этому родителями.

38. N. N. 17 лет. Взята на попечение, чтобы устранить дурное влияние матери.

39. N. N. 16 лет. Дерзка, раздражительна, непослушна и ленива.

В этих записках пастора мы встречаем часто одни и те же выражения: отец умер, отец пьяница, мать пользуется дурной славой, мать умерла. Масса питомиц этого приюта, лишенные отца, живут с матерью, занимающейся тайной или явной проституцией. Нередко среди этих заброшенных девушек встречаются морально-больные натуры, с извращенными чувствованиями.

В 68-м годовом отчете евангелического приюта и приюта Магдалины в Кайзерверте-на-Рейне мы встречаем следующие характеристики некоторых питомиц этих учреждений:

1. А. 20 лет. Была в воспитательном доме. Страшно лживое существо. Сильное упрямство, заставившее ее однажды в течение нескольких дней отказываться от пищи.

2. В. 17 лет. Совершенно развращенная семья. Питомица, еще будучи в школе, намеренно нанесла серьезные повреждения 4-летней девочке. Лень, воровские наклонности и чувственность—главные черты ее характера. Сношениям с семьей можно помешать только путем тщательного надзора.

3. С. D. 14 лет. В семье, состоящей из многих членов, царит нравственная распущенность. Питомица 12-летней девушкой находилась в половых сношениях с собственными братьями и в то же время отдавалась за деньги другим мужчинам. Чувственные наклонности так сильны в ней, что на уроках конфирмации должно непременно присутствовать постороннее лицо, так как по сделанным пастором наблюдениям и по ее собственному признанию, сделанному заведующей приютом, она совершенно не владеет собой, оставаясь наедине с мужчиной. Кроме этого она страшна упряма. За ней необходим строгий надзор, и часто приходится изолировать ее.

4. D. E. 16 лет. Состояла на содержании. Судилась в суде присяжных в Дюссельдорфе и Берлине. Родители старались всеми силами „освободить“ дочь из приюта. За неделю до Троицына дня родители, проникнув во двор приюта, подстерегли тот момент,

когда девушка, в сопровождении сестер приюта, возвращалась из церкви. Под угрозой смерти они заставили последних отпустить девушку, которая и была увезена ими. Во вторник девушка была возвращена в приют при содействии полиции. Накануне Троицына дня мать снова сделала безумную попытку в этом же направлении, взволновавшую весь приют, и она почти силою была удалена оттуда.

5. Е. Т. 15 лет. Отец—пьяница, мать—развратная женщина. Девушка много пережила. В письме, полном возмущения, отец ее сообщает, что должен был уплатить за нее 98 марок штрафа и „отсидеть“. Мать свою она однажды избила палкой и тащила за волосы по комнате. По ночам занималась проституцией, шляясь по портовым судам и новым постройкам. Добыла под видом „пожертвований для армянских сирот“ в течение одного дня 45 мар., которые проела. То же самое сделала с деньгами, полученными за откуда-то добытые и отнесенные в заклад 3 жакета. Убегала из дому и подстрекала своего 12-летнего брата к кражам.

6. F. G. 17 лет. По показаниям, она находилась в связи с несколькими мужчинами, будучи 15-летней девушкой. Уже в 14 и до 16-ти лет занималась проституцией, что установлено судом. Лжет. Родители не имеют на нее никакого влияния. Брат—в тюрьме.

7. G. H. Отец—пьяница. За истязание детей сидит часто в тюрьме, но строго следит за тем, чтобы дети совершали вечернюю молитву! G. занималась проституцией.

8. H. I. 17 лет. Бесстыдная проститутка. Отец и мать совершенно не имеют на нее влияния. Знавший эту семью пастор говорит, что в ней никогда не было порядка.

9. I. K. 16 лет. До 14 лет с внешней стороны вполне безупречная ученица, „лучшая из конфирманток“. Но вместе с тем уже испорченная благодаря чтению скверных книг. Сознательно занимается проституцией. Была проституткой в С. и Д. Поражает своим цинизмом. До поступления в приют обнаруживала полное отсутствие чувства стыда. Долго пробыла в больнице. Требуется тщательного надзора, так как делала не раз, например, в Кельне, очень смелые попытки к побегу.

Из упомянутого отчета мы видим, что из 39 поступивших туда девушек было круглых сирот 9, 5 не имели отца, 6—матери, 6 родились вне брака. Согласно 69-му отчету за 1901—1902 г., из 70 поступивших в эти приюты девушек было: 11 круглых сирот, 13 не имели отца, 18—матери, 7 родились вне брака или до брака, 9 выросли в семьях, в которых родители были разведены или жили отдельно друг от друга.

Приют в Эльберфельд-Бармене принял в 1893 г. 74 питомицы. Из них 33 лишились родителей „в большинстве случаев в раннем детстве“, 28 не имели одного из родителей. 82,4% лишены были вовсе родительского воспитания.

2. Бессилие обязательной опеки и проституция.

Среди падших девушек многие являются жертвой недостаточной и скверной организации института обязательной опеки. В большинстве случаев проститутки провели свою, полную всяких лишений, печальную юность в семье, лишенной отца или матери. Уже с детских лет они находились под обязательной опекой,

Мы приведем здесь только несколько цифровых данных, характеризующих семейные условия и условия воспитания, в которых пришлось жить проституткам крупных городов.

По сведениям, заимствованным из известной работы д-ра Гупеля „Ueber das Soziale Defizit von Berlin in seinem Hauptbestandteil“, в Берлине в 1855 г. вновь поступило под контроль полиции нравов 296 девушек. Из них только 59 воспитывались матерью, 26—родственниками или чужими и 29 воспитывались в сиротском приюте. В 1856 г. снова подверглись в Берлине контролю полиции нравов 141 девушка. Из них были воспитаны матерью только 25 девушек, родственниками или чужими—16, и 11 воспитывались в сиротском приюте. Из числа находившихся в Берлине в 1872—1873 г. под контролем полиции нравов проституток 18% выросли вне родительского дома.

Дети, выросшие круглыми сиротами или росшие без отца или матери, сплошь и рядом лишены необходимого попечения и достаточного воспитания. Правда, государство дает им воспитателя, которому оно предоставляет все родительские права; таковым является обязательный опекун. Но институт обязательного опе-

кунства
ций, и
щенност

Уже
в Прусс
жесток

„Ста

принуди

вает то

потерял

питомиц

под опе

что и о

что стре

тельностью

„Статист

1902 год

кунства

отдельно

еущих о

пришли

(1901 =

По незна

институт

наоборот

опекой и

не обесп

6.196 пи

и 196, н

Уже

опеки. В

в Берлин

увеличива

димой ре

пока это

дело нрав

каких или

опекунами

кунства совершенно не выполняет своих воспитательных функций, и на его совести лежит вина ранней нравственной распущенности целой группы молодых женщин.

Уже цифровые данные статистики призрения и воспитания в Пруссии выносят институту обязательного попечительства очень жестокий обвинительный приговор.

„Статистика призрения и воспитания несовершеннолетних и принудительного воспитания малолетних за 1901 год“ устанавливает тот факт, что из 7.564 питомцев приютов 2.688, или 34,3%, потеряли отца или мать или обоих родителей до 12 лет. „2.375 питомцев, — читаем мы в упомянутой статистике, — находились под опекой, 367 (4,7%) — на попечении. Это указывает на то, что и опекунство не обеспечило детям необходимой защиты, и что стремления более правильно организовать опекунскую деятельность заслуживают полного поощрения“. Во втором томе „Статистики о призрении и воспитании несовершеннолетних“ за 1902 год жалобы на недостатки современного института опекунства еще увеличиваются. Если причислить 310 живущих отдельно и 118 разведенных супружеских пар (в 1901 г. — 435 живущих отдельно и 139 — разведенных) к тем семьям, которые пришли в расстройство вследствие смерти родителей, то 2.428 (1901 = 3.641) питомцев принадлежат к расстроеным семьям. По незначительному числу круглых сирот можно заключить, что институт попечения о сиротах в общем исполняет свой долг; наоборот, значительное число таких, которые находились под опекой или попечительством, указывает на то, что опекунство не обеспечило детям необходимой защиты“. В 1902 г. среди 6.196 питомцев насчитывалось 1.885 находившихся под опекой и 196, находившихся под попечительством.

Уже давно раздавались жалобы на институт обязательной опеки. В своей прекрасной работе по вопросу о проституции в Берлине д-р Гуппе указывает на то, что с каждым годом увеличивается число тех, которые считают обязательно необходимой реформу „института обязательной опеки“. До тех пор, пока этот институт будет оставаться в своем настоящем виде, дело нравственного воспитания девушек-сирот не достигнет никаких или достигнет только отрицательных результатов. Обычно опекунами над несостоятельными лицами назначаются люди сред-

него сословия, например, портные, сапожники, шарманщики, на которых лежит немало забот о себе и своей собственной семье. Для опекуна эта обязанность является тяжелым бременем и наказанием, а для опекаемых она является вредной. Из числа контролируемых в 1861 г. проституток 70% находились под опекой. Это учреждение на самом деле не отвечает своему названию, так как не выполняет возложенных на него обязанностей“.

Характерно, что сильные возражения против современной формы обязательного опекунства исходили от учреждения, которое имеет яркие доказательства разрушающего влияния современного института опекунства на молодых девушек—берлинской полиции нравов.

В 1852 г. два представителя берлинской комиссии полиции нравов в представленной полицейскому совету записке указывали на отрицательные стороны современного института опекунства. Эта записка начинается следующими характерными словами: „К причинам, способствующим развитию проституции среди женщин и разврата среди мужчин принадлежат, главным образом, неудовлетворительность наших опекунских учреждений... Это не предупреждение, а печальный факт, о котором свидетельствуют списки преступлений и собранные комиссией полиции нравов сведения о женщинах из прислуги, попавших в ряды проституток. Эти списки уже давно привлекли всеобщее внимание необычайно большим количеством лиц, которые, рано лишившись родителей, находились под обязательной опекой. То же самое относится и вообще к женщинам, попавшим в ряды проституток. На основании сделанных до сих пор наблюдений комиссия должна подтвердить тот факт, что половина из этих женщин, лишившись рано родителей, находилась под опекой“.

Из всей массы фактов нужды, которая скопляется в руках полиции нравов, авторы записок выбирают два наиболее яркие факта, раскрывающие недостатки нашего института опекунства. Один из участников освободительной войны, вполне честный офицер, умер спустя двадцать лет после этой освободительной борьбы, оставив после себя жену, четырех дочерей и сына. Опекуном над этими детьми был назначен простой, обремененный тяжелыми заботами, купец—содержатель бакалейной лавки.

Когд
бывш
Четы
с пу
метк
годар
опек
обяза
стара
поло
винит
брав
весьм
в усл
стоко
выбра
незас
своей
проле
содей
получ
заста
ровом
этого
заци
у эт
меся
была
несча
тельс
энерг
мому
образ
она п
ждает
служи
тогда

Когда семья переехала из того участка, где жил опекун, то и бывшее до того скудное попечение совершенно прекратилось. Четырех девушек поглотила улица, сын окончательно сбился с пути—он сделался преступником. „Дети,—так говорилось в заметке,—имели очень хорошие задатки и сделались такими благодаря небрежному и дурному воспитанию. Лежит ли вина на опекуне? Опекун не понимал, как следует, возложенной на него обязанности, он смотрел на нее, как на бремя, от которого старался освободиться, да и что мог бы он сделать при своем положении для детей, при всем своем желании? Нельзя также винить опекунский суд: он действовал обычным порядком, выбрав порядочного обывателя в качестве опекуна“. Дочь одного весьма приличного кузнеца была отдана своим суровым опекуном в услужение трактирщику, который обращался с ней очень жестоко; она искала защиты у своего опекуна, но последний, выбрав и избив девушку, выгнал ее из дому. После такого незаслуженно-позорного обращения девушка кинулась на могилу своей матери и здесь, ломая в отчаянии руки и громко рыдая, пролежала до тех пор, пока ее не прогнали с кладбища. При содействии знакомой своей матери, одной бедной вдовы, она получила место сортировщицы шерсти. Но упорство ее опекуна заставило ее покинуть мирный труд и снова вернуться к суровому мучителю, своему прежнему хозяину. Но жестокость этого человека принудила ее бежать с этого места. Благодаря защите полиции она получила, наконец, возможность поселиться у этой вдовы и заняться своей прежней работой. Но после месяца неустанного труда она лишилась места и принуждена была снова обратиться к своему опекуну, который прогнал несчастную девушку, осыпав ее градом самых уличных ругательств. Ужасные недели почти полной безработицы сломили ее энергию, и она закружилась в водовороте разврата. „Повидимому, у нее пропало всякое отвращение к своему позорному образу жизни,—говорится в записке,—и только тогда, когда она вспоминает о своей матери и о своей юности, в ней пробуждается чувство глубокой тоски и страшного горя. Брат ее, служивший потом в течение долгого времени кельнером, шатался тогда без всякой работы и вскоре пропал без вести. Разве

эти люди, бывшие в детстве порядочными и богобоязненными детьми, не жертвы нашего института опекунов? Разве при лучшем руководстве они не сделались бы, что очень вероятно, порядочными и полезными людьми?"¹⁾.

3. Нарушение функций в семьях морально павших, но не разложившихся.

Не только у находящихся под опекой детей нет семьи, ее нет и у многих детей, имеющих еще отца и мать. Даже в том случае, если бы родители призреваемых детей горячо заботились о них, то они ограничены в своих стремлениях узкими рамками своего жалкого или совершенно расстроенного существования. Статистика призрения и воспитания дает нам указания, с какими страшными заботами связана борьба за простое существование. 76,1% семей призреваемых детей имели в 1902 г. доход до 900 мар.; в 1901 г. только 77,8% имели доход, немногим превышающий этот. Никакого дохода не имели в 1901 г. 7,9% и в 1902 г. 7,1%. В качестве местных бедняков числилось в 1901 г. 14,5% семей и в 1902 г. 11,5%.

Дети являются сиротами не только вследствие физической смерти матери или отца, но и вследствие моральной смерти последних. На самом деле, они могут считаться сиротами тогда, когда их отец или мать не выполняют обязанностей по воспитанию детей.

Разве люди, утратившие нравственные основы, могут заботиться о своих несовершеннолетних детях? Разве может тот, кто сам нуждается в опоре, служить опорой детям? Родители призреваемых в Пруссии детей в большинстве случаев уже были пьяницами и предавались разврату; так, в 1901 г. 37,9% и в 1902 г. 30,7% родителей обладали дурными и преступными наклонностями. „Среди дурных наклонностей отцов,—читаем мы в упомянутой „Статистике призрения и воспитания за 1902 год“,—пьянство занимает первое место (1.154=89,8%); из дурных наклонностей матерей—проституция (404=52,3%); в 1901 г. пьянство—1.483, или 87,6% и проституция—562, или 46,7%.

¹⁾ Эти выдержки заимствованы из статьи городского советника Целле: „Реформа законодательства об опекунов“.

Почти в
томицы,
Девуш
ченных
в больш
создания
по наше
по како
нить сво
пока он
в своих
ставляет

Почти в половине из тех семей, к которым принадлежат питомицы, отец, или мать, или оба вместе подвергались наказаниям.

Девушки, лишенные отца или матери, девушки плохо обеспеченных родителей, девушки морально павших родителей стоят в больших городах уже одной ногой на улице. Все эти несчастные создания вырастают в разложившихся семьях. Разложившейся, по нашему мнению, является семья, если она не в состоянии по какой-либо причине, экономической или моральной, выполнить своей определенной задачи—содержать и воспитывать детей, пока они не встанут на ноги. Расстроенной и разрушенной в своих составных частях является семья, если она не представляет больше экономической и социальной единицы.

ГЛАВА VIII.

Организация попечения о малолетних, как средство предохранения их от проституции.

Распадение семьи влечет за собой для значительных групп нашего пролетариата недостаточность физического развития и подготовки к жизненной деятельности. В наше время, когда существуют различного рода общественные воспитательные учреждения, семье не приходится уже выполнять, как в былое время, многочисленные обязанности. Воспитание ребенка, начиная с колыбели и до того времени, когда он приступает к занятию какой-либо профессией, в большинстве случаев ведется гораздо лучше наемными опытными няньками и воспитателями, нежели его родной матерью. Существование общественных воспитательных учреждений и подготовленных к своей профессии учителей и нянек значительно облегчает современному обществу его старание восполнить отсутствие семьи для осиротелых или заброшенных детей.

Помимо этого, продолжительный горький опыт поколебал слепую веру общества в исключительную способность семьи руководить нравственным и умственным воспитанием детей. Мы особенно подчеркиваем веру в исключительную способность семьи, так как, вообще говоря, значение семьи для нравственного воспитания мы ставим очень высоко.

Наиболее прогрессивные государства принуждены были обратиться к законодательной охране детей, чтобы защитить их от их собственных родителей. И действительно, государственное законодательство не остановилось даже перед таким шагом, который проникал в самую глубину семейных отношений, а именно,

перед
детей
П
проти
котор
упорн
мысля
призн
храни
лезня
болез
страд
Ст
либо
истяз
„Общ
закон
издан
щения
детей
ство
жесто
ство
сложн
винов
челов
из н
куда
ружия
Генри
тей“,
где
он пр
инспе
успех
Э
ными

перед лишением отца его опекунских прав, раз он оставил своих детей без призора.

Путем расширения охраны малолетних может вестись борьба против детской проституции. Право ребенка, робкие проблески которого стали осуществляться в жизни лишь после долгих и упорных усилий дальновидных друзей человечества и социально мыслящих педагогов, все более и более получает общественное признание и все более и более становится радикальным предохранительным средством против детской проституции. В болезнях общественного организма профилактика (предупреждение болезни) играет такую же важную роль, как и при физических страданиях.

Страдания ребенка в современном обществе вряд ли в чем-либо обнаружались ярче, чем в ужасающем количестве случаев истязаний и заброшенности, о которых сообщает английское „Общество защиты детей от жестокого обращения“. В Англии законодательная защита детей получила законченный вид после издания закона 1894 года об охране детей от жестокого обращения. Еще в 1889 году там было основано „Общество защиты детей от жестокого обращения“. С 1889 по 1901 год это общество расследовало в Англии, Ирландии и Уэльсе 222.536 случаев жестокого обращения с детьми. В 206.388 случаях вмешательство общества оказалось прямо-таки необходимым, и в общей сложности эти случаи касались 573.325 детей и 285.636 лиц, виновных в жестоком обращении. Из этих последних 28.623 человека подверглись судебному преследованию, при чем 26.649 из них были осуждены, а 1.374 признаны невиновными. Всюду, куда только ни проникали инспектора этого общества, они обнаруживали ужасы. „В одном и том же округе“, сообщает д-р Генрих Райхер в своем сочинении „Призрение бесприютных детей“, „число случаев жестокого обращения в тех местностях, где инспекторский надзор производится постоянно, и тех, где он происходит лишь случайно, относятся как 4 : 1... Наличие инспектора в каком-либо округе является решающим фактором успеха деятельности общества“.

Эти ужасные факты являются весьма сильными и убедительными доводами в пользу дальнейшего развития прав ребенка.

Для защиты детей от угрожающей им опасности ранней проституции выступают на первый план следующие меры:

1) Основание общественно-правовых учреждений опеки, которые состояются из чиновников общинного управления, профессиональных педагогов и врачей.

2) Издание социально-прогрессивного закона, регулирующего вопрос о призрении и воспитании, а также учреждение общественных заведений для призрения и воспитания под руководством специалистов-педагогов.

1. Создание специально опекунских и общественных педагогических органов.

Прежде всего нуждается в коренной реформе современная система опеки над малолетними.

Какой бесконечной любви к ближнему, какого громадного чувства ответственности требует обязанность опекуна! А между тем к этой обязанности большей частью откомандировывают, если можно так выразиться, первых попавшихся людей, против которых, впрочем, с нравственной точки зрения ровно ничего нельзя иметь. Для характеристики таких опекунов по обязанности, назначаемых на весьма ответственный и трудный пост воспитателей, особенно поучительным является следующий факт, приводимый г. Целле в его небольшой статье: „Реформа законодательства об опекунстве“. Однажды начальник одного из берлинских городских участков, которому только что перед этим один очень состоятельный господин отказал в пожертвовании на рождественские подарки для бедных детей, с жаром и возбуждением заявлял городскому советнику Целле: „Это—человек без сердца, и ему нужно отомстить за это; ближайшее опекунство получит обязательно он—и не менее шести детей“. Без сердца,—и все же на этого человека возлагаются заботы отца и воспитателя шестерых бедных осиротевших детей!

Мы выбираем для внебрачных, не знающих отца и брошенных детей опекуна. Мы хотим, чтобы эти дети с отеческой заботливостью воспитывались физически и духовно. Содержание и воспитание детей требует в большинстве случаев значительных расходов.—Чем же их покрыть? Может ли опекун, которому

большей частью навязывают эту обязанность, помимо его собственной воли и желания, может ли он выложить из своего собственного кармана издержки по содержанию и воспитанию ребенка, лишенного отца? Обладает ли высшая опекунская власть—суд (Amtsgericht) столь значительными средствами, чтобы открыть осиротелому ребенку путь к дальнейшему существованию? Далее, обладает ли опекун необходимыми нравственными и умственными качествами для того, чтобы выполнить трудную обязанность педагога, направить воспитание бедного, лишенного родительской любви ребенка на правильный путь и обеспечить ему развитие, соответствующее его наклонностям?

В настоящее время общественные власти принуждены с огромными усилиями добывать средства, необходимые для воспитания опекаемых детей, о которых совершенно не заботятся их отцы, обязанные уплачивать за их содержание. В качестве опекунов теперь фигурируют первые попавшиеся мещане, с очень ограниченным умственным кругозором.

Все эти сами собой напрашивающиеся вопросы уже указывают на необходимые качества и сущность того института, который один только может правильно разрешить вопрос об опекунстве. Опека должна находиться в руках учреждения, содержащегося на общественные средства и руководимого специалистами-педагогами обоего пола.

Лишь при деятельном сотрудничестве лиц, специально подготовленных к воспитанию детей и профессиональному обучению подрастающего юношества, это учреждение сможет создать надлежащие условия жизни и воспитания для осиротелых дочерей и сыновей нашего народа.

Такого рода социальный институт должен заменять внебрачным детям воспитательную роль их. Этот институт, который поставит своей главной задачей защиту прав внебрачных детей, будет также в состоянии находить наиболее правильные и наиболее целесообразные пути к тому, чтобы заставить внебрачного отца платить за содержание своего ребенка. Естественно, опекунским властям придется тратить на воспитание внебрачных детей также и свои средства, когда нельзя взыскать денег на содержание ребенка. Таким образом опекунское ведомство обеспечивает право ребенка на нормальное содержание и воспитание.

„Die Zentrale für private Fürsorge“ в Франкфурте-на-Майне, желая выяснить специфические условия жизни и воспитания внебрачных детей школьного возраста, обратилось с этой целью к директорам франкфуртских народных школ. Результаты этой анкеты д-р Шпанн обработал в своем превосходном труде: Проблема призерения — записки „Zentrale für private Fürsorge“ (Dresden Bohmert). Среди выводов д-ра Шпанна особенное значение, с точки зрения социальной политики, имеют данные относительно уплаты денег за содержание внебрачных детей. В 66 случаях из 100 денег совершенно не платят, 11,8% вносят часть денег, и только 22,2% уплачивают столько, сколько следует.

Пренебрежительное отношение к уплате денег на содержание, которое проявляют легкомысленные и нравственно распущенные отцы внебрачных детей, тяжело отзывается при наших условиях на внебрачных детях. Какая злая насмешка над социальной справедливостью, какой тяжелый грех перед будущностью этих несчастных внебрачных детей! Опекунское ведомство должно давать свои средства всем детям, независимо от того, уплачивается ли за их содержание, или нет.

Реформированным опекунским властям следовало бы сообщать о каждом рождении внебрачного ребенка, а также о всех других случаях, которые требуют вмешательства опеки. Опекунские власти должны немедленно устанавливать обязательность попечения со стороны матери и внебрачного отца. Попечение о новорожденном ребенке должно начинаться с первых же дней его жизни. Опекунские власти должны решать вопрос о том, следует ли внебрачного ребенка оставлять надолго у матери или нет. Издержки на воспитание ребенка первое время выдаются властями вперед. Таким образом замедление в получении средств на содержание ребенка, которое может губительно отозваться на его существовании, устраняется.

„Zentrale für private Fürsorge“ в Франкфурте-на-Майне, которое послужило образцом для опекунских учреждений и приняло на свое попечение множество внебрачных детей, убедилось на опыте в том, что во всех процессах об обеспечении содержания детей, необходима величайшая поспешность.

Д-р Клумкер (Klumker), директор этого учреждения, изложил свои наблюдения, касающиеся этой области, в следующих стро-

ках: „В первое время после рождения большей частью еще имеется личный интерес к ребенку, так что тогда легче заставить отца официально (перед судом) признать свое отцовство. К тому же добыть все необходимые доказательства спустя более или менее продолжительное время гораздо труднее, нежели тотчас же после рождения. С каждым месяцем правовое положение внебрачного ребенка становится все хуже и хуже. Если внебрачный отец признал свое отцовство в каком-нибудь официальном документе, то он уже не может выставить то возражение, что кто-либо другой был в связи с матерью. Самым возможным, в данном случае, является принуждение внебрачного отца признать свое отцовство“.

Средства на содержание ребенка опекунские учреждения могли бы в некоторых случаях получать также и путем страхования на случай материнства. Учреждение такого страхования можно горячо рекомендовать как раз во имя интересов незамужних рожениц. В настоящее время прогрессивные социал-политики всеми силами стремятся создать такие учреждения для страхования, которые по возможности обеспечивали бы существование рабочего от всех грозящих ему опасностей. Существующие страховательные учреждения простираются уже не только на жизнь каждого отдельного пролетария, но стремятся охватить и всю его семью. В страховании на случай болезни видны основания для обеспечения семьи в случае болезни. Страхование от несчастных случаев устанавливает пенсию для жены и детей, оставшихся после смерти потерпевшего. Внебрачная роженица пользуется попечением о роженицах. В попечении о роженицах начинается зарождаться начало страхования на случай материнства.

Страхование на случай материнства спасает от позорного ремесла тех девушек, которые теперь принуждены искать на улице средств для пропитания своего внебрачного ребенка. Помимо этого, страхование на случай материнства упрочит и расширит материальное основание для новых социальных прав ребенка.

Город Лейпциг вступил уже на путь замены единоличного опекунства системой профессионального коллективного опекунства. По словам д-ра Оттомара Шпанна, здесь опекунской деятельностью занимается специально назначенный чиновник, стоящий во главе учреждения, ведающего воспитанием детей. „Опе-

кунская деятельность заключается в том, что это ведомство является для всякого внебрачного ребенка, рожденного в этом городе и находящегося на попечении чужих людей, опекуном со дня его рождения. Всякого внебрачного отца немедленно после рождения ребенка, а иногда еще и до этого главный опекун заставляет признать свое отцовство и уплатить за содержание; если отец от этого отказывается, то он немедленно привлекается к суду". К сожалению, вместе с окончанием периода кормления, а, в лучшем случае, при наступлении школьного возраста, во всех городах, где введен институт общего опекунства („Коллективное опекунство", Kollektivvormundschaft), главный опекун прекращает опеку.

Согласно отчету лейпцигского городского управления, призреванием бедных в 1902 году городской советник Гентшель исполнял обязанности главного опекуна по отношению к 3.441 питомцу, находившимся в ведомстве воспитания детей. Во многих случаях главному опекуну удавалось заставлять внебрачных отцов выдавать деньги на содержание своих детей. В 1901 году из 2.960 детей за 1821 ребенка платили их отцы. В 1902 году 569 отцов вносили сами, через посредство указанного ведомства, деньги на содержание своих детей, а содержание 88 детей производилось на проценты с внесенных их отцами капиталов (Abfindungssumme).

Учреждение специального опекунского ведомства (Berufsvormundschaftsbehörde), составленного из людей образованных в отношении социальной педагогики и социальной медицины, по нашему мнению, имеет существенно важное значение для предотвращения проституции. С целью осветить наше воззрение на институт профессионального опекунства, мы обратились к лицу с социально-педагогическим образованием, как д-р Клумкер, директор „Zentrale für private Fürsorge", и просили его высказать свое мнение о профессиональном опекунстве. Д-р Клумкер очень любезно изложил нам свой взгляд на эту форму опекунства в следующих строках:

„1. Опека над ребенком не должна прекращаться в раннем возрасте, примерно 6-ти лет, а, напротив, должна захватывать период обучения профессии по выходе ребенка из школы, так как именно в этом возрасте необходимо искать начала высокой преступности внебрачных детей. Но если профессиональная опека

хочет достигнуть каких-либо результатов в области профессионального обучения, то ему необходимо предоставить общественные средства для целей образования. Я опасаюсь, что этого будет очень трудно добиться, и что, быть может, лишь кружным путем будет достигнуто то, что государство или общины станут вообще отпускать более значительные средства на профессиональное образование, учебные мастерские и тому подобные учреждения, а также содействовать в этом направлении всем молодым людям. Впрочем этот путь я считаю единственным, на котором можно добиться каких-либо существенных результатов против так называемой растущей преступности малолетних.

2. В эти вопросы входит много вопросов семейного права. Даже гражданское уложение смотрит на родительскую власть, как на право родителей, на которое можно посягать только в случае их вины. Благодаря этому, интересы детей очень часто значительно страдают. Что же касается прусского закона о попечении и воспитании (Fürsorgeerziehungsgesetz), не имевшего, впрочем, успеха, то он является совершенно недостаточным для того, чтобы иметь действительно предохранительное значение, то-есть действовать в тех случаях, где беспризорность ребенка еще не наступила. Мы должны признать, что в настоящее время общество (?) гораздо сильнее, чем до сих пор, чувствует себя обязанным заботиться о воспитании и развитии всех своих молодых членов. В вопросе о заступничестве со стороны государства или общины в пользу ребенка, выражающемся в отнятии его от родителей или же вообще в ограничении родительской власти, критерием должна служить не виновность родителей, а одни лишь интересы ребенка. Отдельные незначительные явления в этом направлении у нас уже имеются. Но точно так же, как во всеобщем школьном обучении, государство не справляется о виновности или невиновности родителей, а принуждает всех к известному школьному обучению, точно так же должно обстоять и в вопросе о всеобщем воспитании. Конечно, это очень трудные и политически не совсем легко разрешимые вопросы, но все же они являются более жгучими, чем это кажется большой публике. За последние три года, в течение которых я почти исключительно занимаюсь этими вопросами, я убедился, что затруднения лежат в самом гражданском уложении и в его со-

держании, которое совершенно не дает средств для борьбы со слабостью и неразумностью родителей“.

Основание общественно-правового института профессионального опекунства, какого мы добиваемся, должно быть тесно связано с организацией надзора за условиями жизни детей. Учреждение общественно-правовой инспекции, по образцу английского „Общества борьбы против жестокого обращения с детьми“, очень легко может быть связано с современными обществами учителей народных школ.

Уже и сейчас немецкий учитель исполняет очень важную социально-политическую обязанность наблюдателя за выполнением закона о защите детей. Благодаря ежедневному общению с учениками своего класса, учитель скорее всех имеет возможность констатировать нарушение закона о попечении детей. Надзор учителя за условиями домашнего воспитания детей удобно соединить с существующей уже его наблюдательной ролью, имеющей социально-политическое значение.

В новейшее время школа вступила в состояние глубокого социального переворота. Под влиянием современной социальной политики, она приобрела совершенно новый круг задач социального и социально-гигиенического характера. В интересах здоровья учащихся детей школа обзавелась врачом. Постепенно зарождается уже весьма важный вопрос о целесообразном питании учащихся на общественный счет.

С расширением социально-политического и социально-гигиенического круга деятельности школы, учитель должен превратиться в социал-педагога. Уже и в настоящее время учитель, собирающий каждый семестр статистические сведения, знакомится с положением семьи и профессией родителей своих учеников. Условия домашней жизни детей легко открываются перед ним, благодаря ежедневному общению с этими детьми. Каждое глубокое потрясение в жизни детей тотчас же отражается на их школьных занятиях. И потому учителя могут легко устанавливать случаи, когда опекунские власти или другие государственные и общинные учреждения обязаны, в интересах воспитания, прийти на помощь детям, оставленным родителями без призора. В этих случаях они могут содействовать словом и делом, когда, ввиду грозящей детям опасности остаться без призора, приходится лишать ро-

дителей их права на воспитание, брать детей под опеку и помещать в общественные заведения для призрения и воспитания. Решение вопроса о воспитании детей необходимо передать на усмотрение авторитетного в этом деле социального института профессиональной опеки. Участковый судья (Amtsrichter), в настоящее время играющий роль главного опекуна, далек от социальной педагогики и не имеет ничего общего с общественно-воспитательными учреждениями. Современной опекунской власти следовало бы предоставить только решение вопроса о лишении отца его прав на ребенка. Помимо этого она могла бы еще служить жалобной инстанцией для всех случаев, касающихся призрения. Что же касается чисто практических вопросов воспитания, то эта область должна находиться исключительно в ведении сведущей в этом деле местной опекунской власти. Против права участкового судьи решать самостоятельно, в качестве главного опекуна, вопрос о системе воспитания призреваемых еще в 1897 г. высказался Центральный Комитет „Внутренней Миссии“ в своей записке относительно регулирования принудительного воспитания путем общеимперского законодательства. По мнению автора этой записки, участки этих судей „слишком невелики для того, чтобы можно было приобрести опытность, и заведывающие опекой меняются слишком часто. К тому же их обязанности обыкновенно исполняются старыми судьями, которые часто совершенно потеряли охоту к проявлению инициативы. Подобно тому, как при современных условиях уголовный судья, как таковой, не принимает никакого участия в приведении наказания в исполнение, точно так же и у судьи-опекуна должна отсутствовать связь с жизнью воспитательного заведения, не говоря уже о том, что формальная, юридическая точка зрения на вещи часто может иметь роковое значение.

Для того, чтобы общественно-правовое опекунство могло выполнить свою великую социально-педагогическую задачу по отношению к беспризорным девушкам, которым грозит нравственная гибель, необходимо издать на самых широких основаниях закон о призрении и воспитании, а также основать многочисленные заведения воспитания и призрения, руководимые согласно принципам педагогики.

2. Новейшее законодательство о призрении и воспитании.

Значительные группы девушек в наших больших городах, как показывают ужасающие данные прусской статистики о призрении и воспитании, растут в таких отвратительных условиях, что единственной предохранительной социально-педагогической мерой против погружения их в тину проституции является помещение их в приюты для призрения и воспитания. Прусский закон о призрении и воспитании самым несовершенным образом выполняет такую социальную задачу, как защита от беспризорности городских девушек, склонных к падению. Существующие учреждения для призрения и воспитания еще в меньшей степени удовлетворяют принципам педагогики, повелительно требующим действительного спасения девушек от соблазнов городской проституции.

Прусский закон о призрении и воспитании действует в тех случаях, когда охрана несовершеннолетних от беспризорности предусмотрена §§ 1666 и 1838 гражданского уложения.

§ 1666.

В случае, если духовному и физическому благополучию ребенка грозит опасность благодаря тому, что отец злоупотребляет правом попечения над личностью ребенка, не заботится о нем, или же оказывается виновным в совершении позорного или безнравственного поступка, опекунский суд должен принять необходимые меры для предотвращения опасности. Опекунский суд может в особенных случаях постановить, чтобы ребенок был помещен на воспитание в приличную семью или же в воспитательное или исправительное заведение.

§ 1838.

Опекунский суд может постановить, чтобы ребенок, состоящий под опекой (Mündel), был помещен на воспитание в приличную семью или же в воспитательное или исправительное заведение.

Если же право попечения о ребенке, находящемся под опекой, принадлежит матери или отцу, то такое постановление возможно лишь тогда, когда оно допускается § 1666.

Опираясь на эти параграфы гражданского уложения, прусский закон о призрении и воспитании устанавливает отдачу несовершеннолетнего моложе 18 лет на призрение и воспитание в следующих случаях: 1) Если несовершеннолетний совершил наказуемое деяние, за которое он не может быть подвергнут уголовному преследованию вследствие своего юношеского возраста, и если призрение и воспитание, при котором будут приняты во внимание характер его деяния, личные качества его родителей или других воспитателей и прочие условия его жизни, необходимы для предупреждения дальнейшего нравственного падения несовершеннолетнего. 2) Если, помимо указанных случаев, призрение и воспитание, вследствие недостаточного воспитательного воздействия родителей или других воспитателей или школы, необходимы для того, чтобы предупредить окончательную нравственную испорченность несовершеннолетнего.

Издержки на перевод призреваемого в приют, на погребение умерших питомцев и на переезд призреваемого обратно из приюта всецело падают на местный союз для бедных (Ortsarmenverband). Все прочие издержки по содержанию и воспитанию, а также по попечению об отпущенных питомцах во всех случаях несут общинные союзы. А сами общинные союзы получают из государственной кассы субсидию в размере двух третей их расходов.

Толкование закона о призрении и воспитании, которое дал ему высший королевский суд (Königliche Kammergericht), чрезвычайно ограничило пределы применения этого закона. Высший суд в Берлине, в своем часто цитируемом решении от 8-го июля 1901 г., подчеркнул, что дети могут быть передаваемы на призрение и воспитание лишь после того, как все остальные меры, находящиеся в распоряжении опекунского судьи, уже исчерпаны или же не обещают никакого успеха. Последнее требование должно быть налицо, как это следует уже из мотивировки к законопроекту. Согласно этой мотивировке, принудительное воспитание следует применять только в исключительных случаях, когда уже все другие средства оказываются недействительными. Многие решения высшего суда проводят ту мысль, что отдача ребенка

на признание и воспитание должна иметь место лишь в тех случаях, когда применяемая там воспитательная система оказывается для ребенка необходимой ввиду специально-установленной недостаточности его воспитания; и что, наоборот, применение пункта 1-го § 1 исключается в тех случаях, когда уже одно только перемещение несовершеннолетнего в какое-либо другое место, вне родительского дома, достаточно для предупреждения его беспризорности.

В решениях высшего суда от 23-го сентября 1901 г., 18-го ноября 1901 г. и 21-го мая 1902 г., постоянно подчеркивается вспомогательный (subsidiäre) характер системы признания и воспитания. Признание и воспитание не должны применяться в тех случаях, когда для предупреждения беспризорности достаточно мер, предусмотренных § 1666 гражданского уложения. „Если же,— так гласит решение королевского высшего суда от 24-го ноября 1902 г.,—находящиеся в распоряжении опекунского суда меры, предусмотренные § 1666, оказываются невыполнимыми или же непригодными для предупреждения беспризорности, то тогда необходимо применить специальную меру признания и воспитания, определенную законом от 2-го июля 1900 г.; только при этом условии признание и воспитание представляются необходимыми. Таким образом, прежде всего, необходимо испытать применимость и действительность средств общего характера, которые хотя и подходят для этой цели но по существу своему отличны от признания и воспитания; если средства эти обнаруживают свою применимость и действительность, то этим исключается необходимость признания и воспитания, если же они оказываются неисполнимыми или негодными, тогда они уступают место новой форме признания и воспитания, как особому средству для достижения той же цели. Таков ясный смысл подлинного текста закона“.

Далее, 8-го июля 1901 г. высший суд пытался установить точную границу между попечением о бедных и признанием и воспитанием. Он установил следующий принцип: признание и воспитание существуют не для того, чтобы обязанность признания, возложенную законом на союзы для бедных (Armenverbände), переложить на другие плечи; там, где обыкновенное обязательное признание союзов для бедных достаточно для того, чтобы преду-

предить б
и воспита
Запад
1902 г.
суд прида
выразил
Но,
того, чт
по духу
мог осу
воспитан
преобраз
Но п
воспита
Это—ра
воспита
Зло
между
опасно
питани
Спо
летних
пути
вполне
зрения
призре
в год
читае
общин
питан
ответ
воспи
гласн
родит
иное,
Т
може
и во

предить безпризорность, не следует применять закон о признании и воспитании.

Западно-прусский городской съезд 25-го и 26-го августа 1902 г. протестовал против того толкования, которое высший суд придал закону о признании и воспитании. Такой же протест выразил и съезд городов Шлезвиг-Голштинии.

Но, критикуя решение высшего суда, не следует забывать того, что и самый прусский закон о попечении и воспитании по духу и букве составлен слишком узко для того, чтобы он мог осуществлять задачи широкого общественного признания и воспитания. Закон этот, прежде всего, нуждается в радикальном преобразовании.

Но помимо всего, проведение в жизнь закона о признании и воспитании встретило на своем пути еще одно препятствие. Это—разногласия по вопросу об издержках на признание и воспитание.

Злосчастная распря по вопросу об издержках, существующая между союзами для бедных и общинными союзами, подвергала опасности все социальное значение закона о признании и воспитании.

Споры союзов из-за пустых счетов лишили многих малолетних правильного воспитания и оставили их без призора на пути к преступлению. Несостоятельность закона обнаружилась вполне осязательно в отклонении ходатайств относительно признания и воспитания. Так, например, в известиях „Статистики признания и воспитания несовершеннолетних и т. д. за 1902 год“, в годовых отчетах обер-президентов и коммунальных союзов мы читаем следующее: „Вследствие известного решения высшего суда общинные власти в некоторых случаях, когда признание и воспитание были бы действительно уместны, отказываются от ответственного ходатайства из опасения, что вместо передачи на воспитание и признание может быть сделано распоряжение, согласно § 1666 гражданского уложения, о помещении ребенка вне родительского дома, и что благодаря этому произойдет не что иное, как преднамеренное обременение союза для бедных“.

Только коренная реформа закона о признании и воспитании может внести коренное улучшение прусской системы признания и воспитания детей.

3. Коренная реформа учреждений для воспитания и призрения.

Не один только прусский закон о призрении и воспитании настоятельно требует коренного изменения. Прежде всего в реформе нуждается весь строй тех заведений, которым до настоящего времени было передано воспитание призреваемых питомцев!

Благодаря энергичной инициативе „Внутренней Миссии“ („Innere Mission“) евангелической государственной церкви, в те времена, когда у государства и общины еще совершенно отсутствовало социальное понимание своих задач, был основан целый ряд спасательных учреждений, приютов Магдалины и т. д. для воспитания действительно беспризорных детей, а также молодых и взрослых людей. Согласно статистике, изданной Центральным Комитетом „Внутренней Миссии“, до 1900 г. „27.127 человек испытывали благодеяния христианского дома“.

Спасательные заведения, основанные „Внутренней Миссией“, поддерживались исключительно пожертвованиями набожных частных лиц. Эти заведения должны были существовать на очень скудные средства, и потому на них прямо лежала обязанность добывать средства на воспитание своих питомцев с помощью их же самих. У колыбели этих учреждений витал дух строгой религиозности, но вместе с тем и деятельного милосердия. На чувственные наслаждения жизни он смотрел мрачно и строго карал, как грех разврата, всякое внебрачное сожительство. Из годовых отчетов приютов Магдалины до нашего уха часто доносятся жестокие слова ревностного проповедника катехизиса и покаяния. В 18-м годовом отчете о деятельности Ганноверского приюта Магдалины (1897 г.) слово божие прославляется, как „самое высшее и важное воспитательное средство“. „Здесь не помогают ни травы, ни пластыри, одно только слово божие излечивает все. Потому-то мы и преподаем его им. Мы преподаем его вполне трезво, без мистицизма, не для того, чтобы вызывать слезы... Мы преподаем слово божие и катехизис с полным беспристрастием, но с надеждой, что оно, подобно обоюдо-

острому мечу,
лучшим воспита
ного возрожден
Чрезмерный тр
ту воспитатель
дущих строках
Даже „Вест
мерность труд
„К сожалени
необходимо п
спасательных
количество д
зывается сли
приюта и его
ждениях бол
влетворитель
ютов.

Справедл
что учрежд
ствительно
ных жертв
большой п
Автор эти
телей „Вн
несколько
Магдалины
питательн
несколько
области
за 1890
Из них
Из 197
согласно
весьма
предосуд
лины „В

острому мечу, проникает до костей". На-ряду с катехизисом лучшим воспитательным средством для умственного и нравственного возрождения падших служит „упорный, неустанный труд". Чрезмерный труд и катехизис! Мы признаем никуда негодной ту воспитательную систему, которая была изображена в предыдущих строках.

Даже „Вестник спасательных приютов" отчасти признает чрезмерность труда учителей и питомцев спасательных заведений. „К сожалению,—читаем мы в этом „Вестнике" за 1892 г.,—необходимо признать тот плачевный факт, что в некоторых спасательных учреждениях, в особенности более мелких, где количество детей не достигает и 20-ти, обработка земли оказывается слишком обременительным делом для руководителей приюта и его питомцев". Чрезмерный труд в спасательных учреждениях большей частью обусловливается совершенной неудовлетворительностью хозяйственного устройства спасательных приютов.

Справедливость требует признать здесь то обстоятельство, что учреждения, основанные „Внутренней Миссией", вначале, действительно, делали кое-что для нравственного исправления несчастных жертв проституции, и что учреждения эти дали довольно большой процент возвращенных к честной, порядочной жизни. Автор этих строк, благодаря любезности некоторых руководителей „Внутренней Миссии", получил возможность просмотреть несколько сот отчетов спасательных учреждений и приютов Магдалины и может отметить в них значительные успехи в воспитательной работе этих учреждений. Мы приведем здесь только несколько примеров. Евангелический приют Магдалины Силезской области в Лиссе (Lissa) ¹⁾, согласно отчету о его деятельности за 1890 год, воспитывал в течение этого года 537 девушек. Из них почти половина были отпущены как исправившиеся. Из 197 бывших питомцев Левенбергского спасательного приюта, согласно точным сведениям руководителей приюта, 113 вели себя весьма хорошо, а относительно 48 не было известно ничего предосудительного. Из отпущенных евангелическим приютом Магдалины „Вифезда" близ Боппарда ²⁾, за первые 10 лет его дея-

¹⁾ Город в Силезии.

²⁾ Город в Рейнской провинции.

тельности, около двух пятых были совершенно спасены, у двух пятых поведение было сомнительное, а одна пятая снова погрузилась в разврат.

Мы тем с большим удовольствием приводим здесь эти факты, так как они служат показателем того, как решительно невозможно а priori осуждать на бесплодность воспитательную работу над молодыми проститутками. Даже учреждения „Внутренней Миссии“, руководившиеся односторонними религиозными принципами, не обладавшие удовлетворительными преподавательскими силами и снабженные чрезвычайно скудными материальными средствами, проявили успехи в перевоспитании проституток к честному труду и к скромному поведению. Как много могут сделать в этом направлении учреждения, отвечающие требованиям социального прогресса и педагогики!

Мы уже подчеркивали с особенной силой необходимость коренной реформы существующих институтов призрения и воспитания. Будучи продуктом духа строгой религиозности, учреждения эти носили религиозно-церковный отпечаток, и вместе со своими необразованными наставниками-руководителями приютов они должны были обратиться к грубой эксплуатации труда, а благодаря своим скудным средствам они доходили в содержании своих питомцев до скверности и мучили их чрезмерной работой, как ремесленной, так и сельскохозяйственной.

Государство, создавая закон о призрении и воспитании, имело в виду только учреждения „Внутренней Миссии“, так как само оно до того времени совершенно ничего не сделало в этой области. Но если учреждения эти должны были служить великой социальной цели действительного воспитания беспризорных девишек, то их следовало немедленно коренным образом реформировать.

Относительно большинства этих учреждений руководители одного большого воспитательного заведения высказался следующим образом: „Чтобы удовлетворять целям наказания, этим учреждениям недостает очень многого, а для удовлетворения целям воспитания, согласно закону о призрении, у них нет уже решительно никаких данных.“

Учреждения „Внутренней Миссии“, существовавшие прежде исключительно на добровольные пожертвования и едва влачившие

свое жалкое существование, испытывать крайнюю нужду теперь существуют на целую книгу детскому учреждения, с полным содержанием: „Полное содержание приходится зарабатывать вательно, заняться полным трудом, — следовательно, механическую работу, механическую по какой угодно цене, так как только так можно ботать. Обучение это — два диаметра.“

Воспитательная задний план переносится, воспрещается заходить к радостным и умственным спорам, кофе, гороха и предпринимателей в скучной, однообразной жизни, рисует торая часто приводит к в будние дни и работой. других развращенных, идишь здесь рового, истребляют. Обученные мени носили уст одного зрелых в достаточной степени ставят

свое жалкое существование, продолжают и в настоящее время испытывать крайнюю нужду в средствах. Благодаря этому они и теперь существуют на счет чрезмерной работы детей и подростков. Учитель Конрад Агад (Agahd), посвятивший недавно целую книгу детскому промышленному труду в воспитательных учреждениях, с полным основанием говорит в этой книге следующее: „Полное отсутствие в заведении денег,—следовательно, приходится зарабатывать деньги. Зарабатывать деньги,—следовательно, заняться промышленным трудом. Заниматься промышленным трудом,—следовательно, исполнять несамостоятельную работу, механическую, сдельную, работу по найму, или же работу по какой угодно цене. Тут нет места для разнообразия труда, так как только тот, кто приобрел навык, может много выработать. Обучение труду и детский труд в промышленности, это—два диаметрально-противоположных понятия.

Воспитательная цель в этих заведениях часто отступает на задний план перед эксплуатацией молодых сил, которая прямо воспрещается законом об охране детского труда! Приучение детей к радостному труду и планомерное развитие их физических и умственных способностей не могут иметь места при сортировке кофе, гороха и чечевицы для посторонних капиталистических предпринимателей. Жизнь этих детей проходит безрадостно в скучной, однообразной работе. Учитель Агад следующими штрихами рисует нам типичную картину той мрачной жизни, которая часто наблюдается в заведениях для призреваемых: „Заведение N. Все время, за исключением воскресений и получаса в будние дни, заполнено с утра до вечера школьными занятиями и работой. Таким образом для физических упражнений, игр и других развлечений времени совершенно не остается. Редко видишь здесь играющих мальчиков и никогда не услышишь здорового, искреннего смеха“.

Обучение призреваемых женского пола до настоящего времени носило слишком односторонний характер. Я сам слышал из уст одного опытного (geschult) руководителя заведения для призреваемых жалобу, что девушек очень часто не знакомят в достаточной мере с обязанностями прислуги. Девушек представляют к колоссальным машинам для стирки белья, находя-

щимся в заведении, но самой стирке их не обучают. Но если эти девушки и обучились самым основательным образом всем домашним работам, то все же после этого они могут сделаться только прислугами. А в качестве прислуги этим девушкам, бывшим питомицами приютов для призрения, при их неустойчивых характерах, грозит серьезная нравственная опасность. Ведь именно среди класса прислуги проституция вербует себе такое множество жертв.

Организацией трудового обучения в учреждениях для призреваемых до настоящего времени с энергией и пониманием дела занимался один только директор Пласс в Целендорфе. Конечно, рано или поздно он разрешит вопрос о планомерном обучении девушек определенным ремеслам. Д-р Гаммер (Hammer) в своем сочинении „10 жизнеописаний берлинских поднадзорных проституток“ („Zehn Lebensläufe Berliner Kontrollmädchen“) справедливо усматривает в господствующем до сих пор пренебрежительном отношении к обучению девушек какому-либо ремеслу значительный пробел в нашей системе призрения и воспитания. „Вполне оценивая чрезвычайно тяжелый и неблагодарный труд замученных воспитательниц в заведениях для призреваемых, — пишет он, — я все же рекомендовал бы и в этих заведениях, несмотря на всю незначительность достигнутых до сих пор успехов, большее совмещение воспитания и обучения, чем это делалось до настоящего времени, если только вообще думают по-прежнему продолжать учреждение подобных заведений. В большинстве случаев от девушек требуется не менее двух лет пребывания в приюте. За два года можно научить и научиться любому ремеслу. Следовало бы сделать хотя одну попытку обучения девушек доходным ремеслам, какими занимаются мужчины, например, переплетному, типографскому, портняжному. При этом следовало бы позаботиться о том, чтобы девушки изучали ремесло в совершенстве, пока они не достигнут того, что изученным ремеслом смогут самостоятельно добывать себе хлеб.

Для всех искренних социал-политиков, которые действительно желают спасти беспризорных детей нашего пролетариата от погружения в тину проституции, боевой лозунг должен гласить: „полный переворот современной системы призрения и воспитания“.

С большим успехом провозглашен был этот лозунг одним бывшим священником, хотя и религиозно настроенным, но знающим, как никто другой, основанные до сих пор заведения для воспитания беспризорных детей. Это был г. Пласс (Plass), директор воспитательного заведения „Am Urban“ в Целендорфе.

Благодаря откровенности, с которой директор Пласс осуждал метод воспитания в существующих приютах, он навлек на себя сильные нападки со стороны своих товарищей по службе. Но эти нападки не могли его заставить сойти с пути реформ, на который он вступил с такой громадной энергией. Он неустанно работал над усовершенствованием своих воспитательных методов, над постановкой обучения труду, над развитием у детей чувства радостного труда, детской фантазии и индивидуальности.

Несколько месяцев тому назад директор Пласс читал в „Союзе женского блага“ (Verein Frauenwohl) доклад о „социальном бедствии молодежи, как следствии неудовлетворительного призрения“. Вот что говорит, между прочим, об его докладе „Vorwärts“:

„В своих взглядах на принципы, которыми должны руководствоваться учреждения для воспитания и призрения, докладчик выказал себя разумным педагогом, точка зрения которого резко отличается от обычных взглядов. С особенной убедительностью отстаивал он свою точку зрения в заключительном слове, после сделанных ему во время дискуссии различных возражений относительно некоторых его выводов. Проповедая, говорил он, нельзя исправить ни одного беспризорного. К призреваемым нужно относиться с любовью, и если соображаешься с теми условиями, которые превратили их в то, чем они являются перед нами, то становишься к ним справедливым и тем приобретаешь их доверие. Заведения для призрения и воспитания не должны носить характера тюрем. Здесь не должно быть ни окон с решетками, ни битого стекла на каменных стенах, ни надзирателей, вооруженных тесками, ни резиновых ремней, как орудий наказания, ни жестокого обращения с питомцами. Такими средствами никого не исправишь. Тот, кого в стенах заведения держат в такой строгости, по выходе из него обыкновенно немедленно снова впадает в свои старые пороки. Докладчик сослался на находящееся под его руководством заведение, в котором около 120 питомцев, и в котором нашли себе применение защищаемые им

принципы. В этом заведении не проводится строгое воспитание в обычном духе, а воспитывают в молодых людях самостоятельность и стараются в них облагородить стремление к радости жизни, имеющееся во всяком человеке, но в данном случае извращенное неблагоприятными условиями. С этой целью здесь заботятся о том, чтобы питомцы получали в заведении удовольствие в общих играх. Занимаются музыкой, пением, устройством спектаклей и многим другим. Питомцы имеют свои собственные союзы, которыми они сами управляют. Управление заведением носит отчасти конституционный характер. Дирекция образует своего рода союзный совет, в то время как воспитанники представляют из себя парламент. Такими мерами в молодых людях воспитывают будущих самостоятельных людей и развивают в них дух корпоративности. Редко случается, чтобы воспитанник убежал из заведения, несмотря на то, что этому не мешают ни решетки в окнах, ни битое стекло на стенах. Беглецы большей частью сами же возвращаются обратно, но и тогда они должны опасаться не начальства, а презрения со стороны оставшихся воспитанников, которые в бегстве кого-либо из своих товарищей видят измену корпоративному духу“.

25-го марта 1905 года директор Пласс снова подробно изложил свои основные идеи по вопросу об организации общественного и частного призрения беспризорной молодежи. По отчету „Vorwärts'a“, в этой речи он, между прочим, сказал следующее:

„Что касается существующей системы призрения и воспитания впавших уже в беспризорность, то она нуждается в дальнейшем улучшении. Ввиду некоторых эксцессов со стороны призреваемых (нападения на начальников и т. п.), нельзя фари́сейски возлагать ответственность за это исключительно на одних воспитанников, а необходимо по справедливости задаться вопросом: Пользовались ли здесь правильными воспитательными методами? Фактически до сих пор никак еще не могут отрешиться от того, что беспризорную молодежь может исправить только наказание. Оратор противопоставляет этому воззрению свой метод—достигать авторитета с помощью любви и доверия, вникая в круг понятий призреваемых и стремясь защищать их интересы. Этим методом он сам уже достиг у молодых преступников самых благоприятных результатов“. Оратор взывал:

Внесите в прюты
требности молодой ду
женно оставить. Сур
видуальности достига
лению. Оратор отст
дого воспитания в
ведениях хозяйствен
заведений, где в пр
или же из года в г
ших заведениях до
дает над трудовым
клонностям воспит
Для воспитанник
обставлены по во
вание в небольш
питатель должен
зреваемых, напр
работы“.

С особенно
нять женскую
преступница
одно или не
начальником
hauptmann ф
английском
Один англи
ственников,
этом оказ
и еще в
оставила
условий
Из них
туцией,
зались
Все эт
734 ле
для б

„Вносите в прюты солнечный свет и радость, вникните в потребности молодой души! Воспитание по шаблону нужно совершенно оставить. Суровыми мерами и подавлением всякой индивидуальности достигаются результаты, совершенно обратные исправлению. Оратор отстаивает принцип индивидуализированного трудового воспитания в противоположность обычному во многих заведениях хозяйственному использованию труда. Он знает много заведений, где в продолжение всего дня рубят дрова, бьют камни или же из года в год изготовляют щетки. Однако даже и в лучших заведениях до сих пор еще хозяйственный расчет преобладает над трудовым воспитанием, которое применялось бы к наклонностям воспитанников. Этому следовало бы положить конец... Для воспитанников старшего возраста, которые должны быть обставлены по возможности свободно, оратор рекомендует основание в небольших городах центральных бюро, в которых воспитатель должен защищать специальные и личные интересы призреваемых, например, охранять их от эксплуатации, непосильной работы“.

С особенной энергией необходимо в настоящее время охранять женскую молодежь от нравственной беспризорности. Одна преступница при некоторых обстоятельствах влечет за собой одно или несколько поколений преступников. На конференции начальником местных администраций (Landesdirektoren) Landeshauptmann фон Дзембовский (fon Dziembowski) на следующем английском примере доказывал наследственность преступности. Один английский врач встретил в 1874 г. в одной тюрьме 6 родственников, происхождение которых он подробно исследовал. При этом оказалось, что Анна Тук (Tuke), родившаяся в 1740 году и еще в начале XIX столетия бывшая бродягой и пьяницей, оставила после себя потомство в 834 человека. Относительно условий жизни 709 человек были собраны подробные сведения. Из них 106 были рождены вне брака, 181 занималась проституцией, 142 были нищими, 64 сидели в работных домах, 76 оказались тяжкими преступниками, и между ними 7 были убийцами. Все эти родственники жили в продолжение, в общей сложности, 734 лет на общественные средства и стоили государству и союзам для бедных около пяти миллионов. Правильное признание по-

томства этой пьяницы, вероятно, уничтожило бы причину многочисленных и ужасных преступлений!

Нравственная беспризорность женской молодежи, проституция и преступление—вот последнее звено в роковой цепи нравственных заблуждений!

В Англии энергично проведенное принудительное воспитание беспризорной молодежи понизило уже высокую волну преступлений. К 31-му декабря 1901 года в Англии и Шотландии подвергались принудительному воспитанию в так называемых реформаторских школах (Reformatory Schools) 4.637 мальчиков и девочек, а в промышленных школах (Industrial Schools) 18.905 мальчиков и девочек. Англия и Шотландия применяют гораздо энергичнее принудительное воспитание, нежели прусская „социальная монархия“. В одних только промышленных школах в 1900 году было принято 24.718 детей. Всего до 31-го декабря 1900 года прирешением было лринято в промышленные школы 128.067 детей, а в реформаторские школы по 31-е декабря 1901 года—68.138 детей. В 1856 году к тюремному заключению было приговорено 11.808 мальчиков моложе 16 лет, а в 1899 году—уже только 1.286, а девочек: в 1856 г.—2.713, а в 1899 г.—только 72. Молодых преступников не наказывают уже в таком большом размере, как прежде, а подчиняют их принудительному воспитанию. Хороший знаток заведений для принудительного воспитания д-р Генрих Райхер (Reicher) в своей поучительной работе „Прирешение беспризорной молодежи“ отмечает, что влияние школ принудительного воспитания в Англии и Шотландии является в высшей степени благотворным. В Англии и Уэльсе значительно понизилось количество взрослых преступников: с 175.360 в 1882 г. до 144.964 в 1900 году.

Увеличиваются размеры общественного прирешения и воспитания женской молодежи—уменьшаются проституция и преступления!

Освобождение малолетних и взрослых девушек и женщин из цепких лап проституции сопряжено с большими трудностями. Вот почему мы полагаем, что центр тяжести борьбы с проституцией должен заключаться в предупредительных мерах, в мерах, которые удерживали бы девушек, живущих в наших больших городах, от угрожающей им нравственной гибели, от первого шага к торговле своим телом.

Умиравшая „падшая“, дневник которой так ярко освещает некоторые стороны сложной социальной проблемы проституции, всю сумму своего жизненного опыта вкладывает в идею основания приюта для детей. И над ее свежей могилой слышится громкий, мучительный стон: „боже, защити наших детей!“.

Проникнутое глубокой сердечностью признание лучше всего сохранит наших детей от падения в тину проституции...

ГЛАВА IX.

Государственные и коммунальные приюты для взрослых проституток.

Проституция действует пресыщающим образом, и для очень многих проституток вопрос заключается не в том, хотят ли они выйти из этого состояния, а в том, могут ли они это сделать.

(D-r S. Huppé. „Der Hauptbestandteil im sozialen Defizit von Berlin“.)

Безумный, полный приключений мир изящной проституции большого города действует особенно очаровывающим образом на горячую кровь молодых девушек. Искристое вино и возбуждающая музыка разгорячают до крайности молодые чувства. Та „падшая“, которая в своем „Дневнике“ представила документ для изучения душевной жизни проститутки, даже тогда, когда она уже почти окончательно покинула улицу, испытывала необыкновенно сильно обольстительную прелесть притонов полусвета, где прожигается жизнь. Она посетила вместе с одним венским литератором танцевальный зал, где венский полусвет предается разнузданному, пропитанному алкоголем веселью. В атмосфере удушливой чувственности „падшая“ ощутила в себе, как она пишет в своем дневнике, нечто такое, что она не может обозначить иначе, как что-то „родное“. „Чувство моей принадлежности к этому миру стало для меня вполне ощутительным и причинило мне скорее какое-то удовольствие, нежели ощущение неприятности. Я совершенно убеждена, что кто вдохнул в себя однажды этот воздух, тот заразил свою кровь его бактериями, как болезнью, которая никогда не проходит и каждый раз возобновляется с новой силой“.

Но даже и эта „Падшая“, которая обещал ей новую честную жизнь в своем дневнике, — тельно продажей с из ста не найдется руками, если бы им рядочной жизни. И что среди назойливых творительных деятельности любов чами в мир про столь мрачный дали бы себя м исправительных смотрят сверху тебя, боже, что

Многое мно спасении из и до тех зал,

ственные и н

В настоя

многим несч

Согласно

sorge-Erzieh

тания отк

проститут

ский мин

относител

несоверш

1) Ес

подозре

опекун

ного п

2)

сител

закон

хода

Но даже и эта „падшая“ страстно прислушивалась к голосу, который обещал ей спасение и призывал ее из уличной грязи к новой честной жизни. „Я знаю теперь,—пишет она как-то в своем дневнике,—множество таких, которые живут исключительно продажей своего тела, но я совершенно уверена, что из ста не найдется и пяти, которые не ухватились бы обеими руками, если бы им только представился случай вернуться к порядочной жизни. И с полным правом указывает „падшая“ на то, что среди назойливого шума благотворительных базаров и благотворительных танцевальных вечеров, сытых господ истинно деятельная любовь к ближнему проникает лишь скудными лучами в мир проституток, красивый и прикрашенный извне, но столь мрачный изнутри. „С какой охотой,—воскликает она,—дали бы себя многие спасти“. Но, разумеется, не с помощью исправительных учреждений и городских миссий, где на тебя смотрят сверху вниз, с высоты церковной морали: „Благодарю тебя, боже, что я не такова, как другие...“ и т. д.

Многое множество проституток взывает в настоящее время о спасении из их ужасного положения, но их голоса не доходят до тех зал, где заседают законодательные собрания, государственные и коммунальные органы управления.

В настоящее время закон приходит на защиту лишь немногим несчастным.

Согласно прусскому закону о попечении и воспитании (Fürsorge-Erziehungsgesetz), двери приютов для призрения и воспитания открываются во многих случаях для несовершеннолетних проституток моложе 18-ти лет. 11-го сентября 1902 года прусский министр внутренних дел издал следующее постановление относительно нравственно полицейского контроля и призрения несовершеннолетних проституток:

1) Если на несовершеннолетнюю особу женского пола упадет подозрение в профессиональном разврате, то родителям или опекунам предъявляется требование не допускать безнравственного поведения.

2) Если это требование оказывается безуспешным, то относительно несовершеннолетних моложе 18-ти лет, на основании закона 2-го июля 1900 года, соответственные власти (§ 4 закона) ходатайствуют об отдаче их в приют для призрения и воспи-

тания. Контроль со стороны полиции (нравов) устанавливается лишь в том случае, когда опекунский суд отклонил отдачу в приют, и жалоба на его решение оставлена без последствий.

3) Относительно несовершеннолетних старше 18-ти лет после того, как требование, предъявленное родителям или опекунам, осталось без результата, установление полицейского контроля допустимо; однако вместе с сообщением о безуспешности требования, предъявленного родителям или опекунам, и обо всех остальных имеющихся у полиции фактах опекунному суду необходимо безотлагательно давать знать о положении дела, чтобы вызвать его вмешательство на основании §§ 1666 или 1838 гражданского уложения.

Полицейская регламентация проституции вообще, а в особенности же проституток несовершеннолетних, должна быть уничтожена. Затем необходимо, чтобы закон о призрении и воспитании (Fürsorge-Erziehungsgesetz) был изменен в том смысле, что призрение и воспитание может простирается на всех несовершеннолетних проституток моложе 21 года, если только заново организованная общественно-правовая и социально-педагогическая опекунская власть признает для данной проститутки это призрение необходимым в воспитательных интересах.

Но что делать с совершеннолетними проститутками. Неужели же организованное общество, государство или община им не протянут руки для спасения?

О взрослых проститутках до настоящего времени печалились одни лишь религиозные общества. Еще раз бросим взгляд на спасательную деятельность евангелических приютов, женских домов, учреждений Магдалины и убежищ, которые, главным образом, были основаны „Внутренней Миссией“ („Innere Mission“). К сожалению, мы не имеем возможности в общем сопоставлении призреваемых этими учреждениями отделить совершеннолетних проституток от несовершеннолетних. Мы все же приведем это сопоставление, чтобы доказать необходимость вмешательства в эту область государства и общины в интересах проституток.

Перед нами лежит список евангелических приютов, женских домов и убежищ в Германии. До 1-го января 1904 года к германской евангелической „Конференции приютов“ примкнуло 54 учреждения, с общим количеством 2.255 призреваемых, из ко-

торых 1.225
со дня их о
Бетарба, I
Приют для
вушек. Берли
Евангелич
лины в Тель
Убежище
Приют М
Убежище
Магдален
Женский
Приют и
Убежище
Евангели

В течен
ей фанатич
черей“ нар
тельных пр
до настоя
числа почт
удовлетвор
В Гер
проститу
В настоя
в Германи
в Берлине
нашли се
Извест
посвятила
ниями, ка
в качеств
чтения,
в „Франк
живо и но
спасения“.

торых 1.225 находились на воспитании. В главных учреждениях со дня их открытия призрением воспользовались:

Бетарба, Берлин, Ней-Вайссензее.	6.041.
Приют для находящихся в опасности и заблудших де- вушек. Берлин, Фриденау.	2.179.
Евангелический приют диаконисс и учреждение Магда- лины в Тельтове.	4.090.
Убежище и женский приют в Эппендорфе.	1.081.
Приют Магдалины в Бранденбурге	862.
Убежище Сишар в Плецензее.	873.
Магдаленеум (Приют Магдалины) в Ганновере	860.
Женский приют в Гильдесгейме.	1.601.
Приют и учреждение Магдалины в Кайзерслаутерне	1.729.
Убежище в Эльберфельде.	1.490.
Евангелическое учреждение Магдалины в Лиссе.	1.124.
Всего.	21.930.

В течение нескольких лет „Армия спасения“ со свойственной ей фанатической энергией занимается спасением „погибших дочерей“ народа. Она основала до настоящего времени 115 спасательных приютов для падших девушек. Через эти приюты прошло до настоящего времени 22.500 женщин и девушек. Из этого числа почти 70% после трехлетнего испытания оказались вполне удовлетворительного поведения.

В Германии „Армия спасения“ начала заниматься спасением протитутуирующих девушек и женщин в октябре 1897 года. В настоящее время она совершает свою воспитательную работу в Германии с помощью пяти спасательных приютов, учрежденных в Берлине, Гамбурге, Кенигсберге и Страссбурге. В этих приютах нашли себе убежище свыше 500 девушек.

Известная писательница Адель Шрайбер с некоторого времени посвятила себя деятельности, столь богатой нуждой и оскорблениями, как содействие социальным задачам „Армии спасения“ в качестве „чада мира сего“ (Weltkind). Свои обильные впечатления, вынесенные из этой деятельности, она изложила в „Франкфуртской Газете“ в виде очерка, написанного очень живо и носящего характерное заглавие „Чадое мира сего в Армии спасения“.

Спасательный приют „Армия спасения“ в Берлине расположен в красивом саду в Фриденау. Управление спасательным приютом проникнуто принципом „Армии спасения“: „Ничего не достигать принуждением, а всего добиваться добровольным согласием и любовью“. Относительно „падших“ этого приюта г-жа Шрайбер пишет: „Мрак и грязь, напоминающие скученные жилища, где вырастают чахлые болотные растения, вот что представляет собою прошедшее, которое привело их сюда. Ее зовут „падшей“. Но как могла она „упасть“, если она никогда не была на высоте. В приюте имеется от двадцати до двадцати пяти девушек моложе 14—15 лет, уже переживших материнство. Одна 14-летняя девочка спала на одной постели со своим 16-тилетним братом и вступила с ним в половые сношения“.

В приюте девушки нравственно поднимаются и приучаются к труду. „Здесь совершенно отсутствует,—пишет г-жа Шрайбер,—лицемерный, холодно осуждающий тон; труд и сердечное общение должны создавать будущее. К работе можно приучаться в прачечной и гладильной, а также в портняжной, где изготавливаются синее форменное платье и капоры (Schuten), материал для которых привозится из Англии. Содержанием дома и кухней заведуют несколько девушек. Для того, чтобы иметь всегда наготове работу для свободных и неискусных рук, в приюте изготавливается для одной фабрики новое патентованное средство для чистки пятен“.

Каждая тысяча штук приносит $7\frac{1}{2}$ марок. Несколько малюток, не старше четырех лет, также пользуются призреванием в приюте. Это всеобщие любимцы, вносящие в общую картину радость и оживление... Многие призреваемые достают себе службу, при чем для них всегда имеются свободные места,—доказательство того, что девушки после пребывания в приюте пользуются полным доверием.

Но „Армия спасения“ не может воспитывать людей многосторонних, ей нужны только узкие религиозные фанатики.

Тысячи несчастных взрослых проституток, простирающих руки за помощью, в наше время ничего не находят, так как ни государство, ни община не протягивают им руки спасения.

Одна бывшая проститутка с видом отчаяния молила однажды пастора Изермейера, начальника исправительного учреждения в

Гиммельстире: „Господин Изермейер, я хочу вернуться домой“.—„Как? Но почему же?“—„Тогда оставьте меня здесь, господин Изермейер, я слышала в первый раз слышала объяснения к своим своим объяснениям, что мне не дать никакого ничего не поможет, что у этого народа в жилищах на улице и оттуда обитает ночей пастору Изермейеру в вани колоний для работников для мужчин приютных женщин. Тогда Изермейер, с одной стороны Пастор Изермейер Приют работников не как „заведение семейств, всюду до в доме, конечно, радость. Ибо без бедные девушки, своих близких, Пастор Изермейер в Гиммельстире ведливо замечает явиться там, нас совершенно на принципе С. обитательным, как ро не хочешь почти единственного нашего до вообразили и стали было бы изречени

Гиммельстире: „Господин пастор, помогите мне никогда не возвращаться домой“. — „Как? Ты не хочешь домой? — спросил я: — не хочешь возвратиться к своим родителям?“ — „Нет, нет!“ — „Но почему же?“ — „Тогда я снова должна попасть под надзор; оставьте меня здесь, господин пастор!“ — Я был изумлен, так как в первый раз слышал подобную просьбу. Я обратился за разъяснениями к своим друзьям, но они качали головой и не могли мне дать никакого совета; конечно, они при этом думали: ничего не поможет, что можно поделать с этими личностями? У этого народа в жилах течет кровь бродяг, он хочет снова на улицу и оттуда обратно в тюрьму. И во время бессонных ночей пастору Изермейеру приходила в голову мысль об основании колоний для работниц: „Нужно устроить, подобно колонии работников для мужчин, колонию работниц для несчастных, бесприютных женщин. Таким образом потребность в убежище возникла, с одной стороны, благодаря освобожденной арестантке“. Пастор Изермейер основал первый „приют работниц“.

Приют работниц Изермейера задуман как семейный дом, а не как „заведение“. Необходимо устроить возможно больше семейств, всюду должно быть удобно, везде должен царить уют; в доме, конечно, должен господствовать труд, но и кроме того радость. Ибо без радости ни один человек не может жить, а бедные девушки, чувствующие, что они исторгнуты из круга своих близких, нуждаются в ласке“ (Изермейер).

Пастор Изермейер хочет внести в свою колонию работниц в Гиммельстире сияние солнца и радость жизни. „Но, — справедливо замечает он, — веселье и радость жизни не могут появиться там, где непрерывный гнет давит душу. Вот почему у нас совершенно нет никакого принуждения. Весь дом покоится на принципе доброй воли, и нам не нужны ни замки, ни запоры. С обитательницами приюта наша начальница (Oberin) и я говорим, как родители со своими детьми: „Дверь открыта: если ты не хочешь здесь оставаться, то уходи“. Это наше высшее и почти единственное наказание, и в этом заключается секрет нашего дома. Если бы мы держали двери на запоре, то они вообразили бы, что делают нам одолжение тем, что остаются, и стали бы с нами вести длинные переговоры. Разумеется, это было бы нелепо. И потому у нас в сенях на стене написано изречение: „Людей странствующих не следует задерживать“.

В колонии работниц в Гиммельстире готовится белье. Как сообщает Изермейер в своем сочинении: „О колониях работниц“ („Ueber Arbeiterinnenkolonien“ 1894) там было изготовлено 300.000 штук белья. Работа там продолжается с 6-ти часов утра до 7-ми вечера.

Призреваемые приучаются по мере сил к самовоспитанию. Они должны научиться управлять собой и сами добровольно берут на себя работу.

Воспитательные результаты гиммельстирской колонии выражаются в следующих цифрах: из 321 обитательницы приюта были отпущены 243.

Из 243 отпущенных обитательниц приюта:

поступили на службу.	118
отправились к своим родственникам на родину . . .	79
оставили приют без разрешения или тайно	46
	<hr/>
	243

26 призреваемых вышли замуж после пребывания в приюте.

Допустим, что приют Изермейера лишь с большим преувеличением может считаться действительной колонией работниц, что эта колония не вполне правильно выполняет воспитательную задачу нравственного исправления и развития индивидуальных сил совершенно беспризорных девушек; допустим, что в этом учреждении воспитательная система носит вполне односторонний, религиозный характер,—все же нельзя отрицать того, что устройство подобного заведения для воспитания молодых свихнувшихся девушек, основанного исключительно на доброй воле призреваемых, является крупной социальной заслугой.

Приучение проституток к какому-либо подходящему честному ремеслу государство и общины до настоящего времени представляли почти исключительно частным религиозным союзам. Государство и общины должны, наконец, взять на себя учреждение настоящих воспитательных приютов для проституток, где находили бы убежище все девушки, желающие оставить проституцию. Эти заведения должны быть построены на принципе доброй воли, подобно тому, как это стремился провести пастор Изермейер.

ПРОСТИТУТ И М

В нашем
проституции
ное обстояте
зом, бесправ
симые групп
в тесном с
тистика со
подтвержда
ской жизни
жащих дев
всего добы
Загляне
туции в н
Статис
касаются
фабричны
машней
газинах
Мы
берлинс
этим д
работе
мещенн
впервы
ками
ститут
II. Каз

ГЛАВА X.

Проституция среди класса прислуги и меры к ее уничтожению.

В нашем сжатом изложении общественной стороны истории проституции мы постоянно отмечаем следующее чрезвычайно важное обстоятельство: в грязь проституции падают, главным образом, бесправные, чуждые городской жизни, экономически зависимые группы женского населения, находящиеся к тому же в тесном соприкосновении с господствующими классами. Статистика современной проституции больших городов блестяще подтверждает этот факт. Чуждый социальным отношениям городской жизни, подчиненный исключительным законам, класс служащих девушек и женщин становится в настоящее время больше всего добычей проституции.

Заглянем же в статистические данные относительно проституции в наших больших городах.

Статистические данные о берлинских проститутках за 1873 г. касаются 2.224 проституток. Из них прислуга составляет 35,7%, фабричные работницы—16%, служащие в магазинах и в домашней промышленности—42%, кельнерши и приказчицы в магазинах—6,3%.

Мы располагаем тремя расследованиями о прежних профессиях берлинских проституток: за 1855, 1873 и 1898 г.г. „Согласно этим данным, — пишет д-р А. Блашко в своей превосходной работе „Гигиена проституции“ („Hygiene der Prostitution“), помещенной в „Handbuch der Hygiene“, — из 269 проституток, впервые подчиненных в 1855 году контролю, 241 были уроженками Берлина; по своим профессиям до вступления в ряды проституток они делились следующим образом:

II. Кампфмейер. Проституция.

Фабричных работниц.	73	} всего заня- тых в промыш- ленности.	70%
Белошвеек, прачек, гладильщиц.	16		
Рукодельниц.	23		
Работниц в домашней промышленности.	32		
Прислуг.	22		7,1%
Неуказавших своего прежнего занятия.	70		22,9%

Весьма поучительными статистическими данными относительно берлинской проституции обязан д-р Штиллих (Stillich) д-ру Марте Марквардт (Marquardt). Согласно этим данным, с марта 1900 года по март 1901 года надзору полиции нравов всего было подчинено 1.689 лиц, а именно: 379 человек домашней прислуги (в том числе 36 служительниц и 6 кухарок), 300 работниц, бывших прислуг, 176 белошвеек, также бывших прислуг, 171 кельнерша (бывших прислуг), всего 1.026 прислуг и 663 девушки других профессий.

„Согласно этим данным,—пишет д-р Штиллих,—60% берлинских проституток, подпавших в течение одного года под надзор полиции нравов, прямо или косвенно принадлежали к классу прислуги“.

Согласно докладу, прочитанному на первом конгрессе „Германского общества для борьбы с половыми болезнями“ в 1902 году в Франкфурте-на-Майне, под надзором полиции нравов находились 288 проституток.

Из них:

18	девушек, т.-е. 6,3%	были уже в другом месте поднадзорными проститутками,
87	„ „ 30,1 „	„ до подчинения надзору горничными,
63	„ „ 21,8 „	„ „ „ кельнершами,
22	„ „ 7,6 „	„ „ „ швеями,
13	„ „ 4,5 „	„ „ „ портнихами,
11	„ „ 3,7 „	„ „ „ прачками или гладильщицами.
36	„ „ 13,7 „	„ „ „ работницами или поденщицами.
5	„ „ 1,7 „	„ „ „ служанками,
11	„ „ 3,7 „	„ „ „ замужем, без определенной профессии,
8	„ „ 2,8 „	„ „ „ продавщицами,
9	„ „ 3,1 „	„ „ „ занимались различными занятиями.
5	„ „ 1,7 „	„ „ „ не имели никакого занятия.

Таким образом свыше 30% поднадзорных проституток были раньше прислугами. Среди кельнерш, швеек, работниц должен был также находиться значительный процент бывших прислуг. Исследования г-жи Марквардт о прежних профессиях берлинских проституток показали, что прислуги старались заняться другими профессиями прежде, чем вступить на скользкий путь проституции.

Какие же экономические и социальные условия заставляют служанок так прислушиваться к приманкам госпожи Марты Швердтлейн?

В городе, как мы видим, уже одна близость мира богатой буржуазии действует губительным образом на плохо обеспеченные слои пролетариата. В современной квартире большого города прислуга живет все время как бы под одной крышей с совершенно чуждыми ей представителями состоятельных классов. В большинстве случаев среди этих состоятельных классов чувство равноправности по отношению к классу прислуги совершенно отсутствует. Какая пропасть лежит между утонченным умственным развитием высших классов и тем скудным образованием, которое получила в народной школе находящаяся в услужении деревенская девушка! Эти глупые „деревенские дуры“ кажутся людьми совсем другой породы! С этими необтесанными мужичками, имеющими совершенно другие понятия о нравственности, можно вести себя вполне бесцеремонно. Поцелуй, нахальный щипок,—что же, ведь эти девушки не важные барышни!

Девушки, поступившие на службу к господам, в большой город, вдали от своей деревни, лишаются той нравственной опоры, которую всегда дает нераспавшаяся семья. Поступив на службу, они перестают жить исключительно в обществе друзей и подруг из своего круга. Здоровые, естественные половые сношения, в которые они обыкновенно вступали с равными себе по классовому положению в деревне, приобретают совершенно иной характер, когда они проделывают то же самое с представителями других классов, ищущих в прислуге мимолетного и, если возможно, покупного наслаждения.

Доктор Штиллих, солидный знаток условий, в которых живет прислуга наших больших городов, видит в столкновении

миросозерцаний двух классов опасный момент, ведущий городскую прислугу к социальному падению.

„Большинство нашей прислуги,—пишет д-р Штиллих в своем произведении „Положение женской прислуги в Берлине“ („Lage der weiblichen Dienstboten in Berlin“),—сразу попадает из привычной обстановки, в которой отчасти все еще господствует система натурального хозяйства, в новую, совершенно чуждую ей среду, где преобладает хозяйство денежное. Эта совершенно новая в хозяйственном и социальном отношениях среда коренным образом отличается от условий простой деревни. Здесь господствуют совершенно другие нравы и привычки, иные взгляды и понятия. Вместо прежней жалкой обстановки ее сразу окружает утонченная атмосфера высших слоев общества“. Прислуга начинает входить в постоянное личное соприкосновение с людьми, находящимися в совершенно ином общественном и экономическом положении. „Очень часто ее окружает со всех сторон роскошь и наслаждение жизнью, щедро расточаемые богатством, но совершенно не затрагивающие ее собственной нужды. Я предоставляю исследователям социальной психологии разобраться в тех изменениях, которые являются последствием постепенного приспособления к этому новому миру и возникают в особенности тогда, когда взрослая молодежь оказывается далеко на чужбине. Здесь нужно только отметить одно чрезвычайно важное обстоятельство—это душевное одиночество прибывающих издалека девушек. Среди массы людей большого города они чувствуют себя одинокими, отрезанными от своей семьи и знакомых, оторванными от родной земли, перенесенными в совершенно новую обстановку!“

Прислуге, живущей в большом городе, приходится ежедневно наталкиваться на сравнение своего классового положения с положением своих господ.

Хозяйка дома проводит иногда все свое время в приятном безделье или же в бессмысленных удовольствиях. Прислуга же большей частью, по словам анкеты д-ра Штиллиха, работает ежедневно свыше 16-ти часов. „В самом худшем положении среди всех находящихся в услужении,—пишет д-р Штиллих,—находится так называемая прислуга „за одну“ (Das Mädchen für alles). Среди этой категории число таких, которые ежедневно

запрягают
составляет
бочее время
часов еже

На без
в течение
лованье
в своей
платой. Е
несмотря
58,8% э
заний об
рок в го
из них

Девуш
буржуазн
Но удовл
стоянии
позорном

Част
слуге на
которая
„господ
с присл
„Я зна
с боль
с ней
тайного
ее с по
должал
на слу
то в
пощеч
под за
ей по
всего
тором

запрягаются более, чем на 16 часов в толчею домашних работ, составляет 58%. Относительно благоприятнее складывается рабочее время для кухарок и горничных. Из первых более 16-ти часов ежедневно работают 49,1%, из вторых—42,3%.

На безделушки и глупые забавы господа очень часто тратят в течение одного месяца сумму большую, нежели годовое жалование прислуги. „Прислуга за одну, — пишет д-р Штиллих в своей работе, — должна довольствоваться самой минимальной платой. Ей приходится, как мы видели, работать больше других, несмотря на то, что ее труд оплачивается чрезвычайно скверно: 58,8% этой категории (среднее составлено на основании показаний обеих сторон—прислуги и господ) получают менее 200 марок в год“. Значительно благоприятнее положение горничных: из них только 36,8% получают менее 200 марок в год.

Девушки, у которых постоянно перед глазами находится мир буржуазной роскоши, приучаются к потребностям этого мира. Но удовлетворять эти вновь народившиеся потребности они в состоянии лишь тогда, когда они начинают прибегать к побочному позорному заработку.

Часто с жестокой грубостью господа указывают своей прислуге на то, что она является своего рода домашней рабыней, которая обязана только повиноваться и работать. Барские взгляды „господ“ выражаются без всяких прикрас в их обращении с прислужкой. Одна прислуга писала д-ру Штиллиху следующее: „Я знала одну молодую, здоровую девушку, которая работала с большой охотой, работала очень исправно и при всем том с ней обращались так, что трудно описать. Ее хозяйка, жена тайного советника, уже в шесть часов утра грубо подымала ее с постели, и, начиная с этого времени, чистка и уборка продолжались до 10-ти часов вечера... Когда же прислуга, которой на службе ни разу не удалось досыта поесть, попросила расчет, то в ответ на это ее госпожа дала ей несколько звонких пощечин“... „Девушку в течение двух часов держали в кухне под замком, а когда она пожаловалась полиции за нанесение ей побоев, то не получила никакого удовлетворения“... „Помимо всего этого девушка получила дурной аттестат, благодаря которому она уже больше не получала приличного места, и в на-

стоящее время, как я слыхала, к величайшему моему огорчению, она стала дурно себя вести“.

Господствующие среди „господ“ совершенно необузданные классовые воззрения поражают подчас своими безнравственными требованиями, которые они предъявляют к женской прислуге. Женскую честь прислуги они оценивают, как *quantité négligeable* (незначущую величину). Женская честь прислуги имеет для них лишь рыночную ценность и подчас сводится к стоимости одной только марки. Одна девушка, служившая у одного содержателя ресторана, высказывала следующие жалобы: „Я должна была постоянно находиться в ресторане, а когда я ходила в погреб, чтобы посветить хозяину, он делал мне безнравственные предложения. Однажды он хотел мне дать в погребе марку, другой раз в комнате он предлагал мне три марки, и так как я не соглашалась, то он ругал меня самыми непристойными словами. Жена его, узнав об этом, часто меня била“. Одна девятнадцатилетняя служанка должна была постоянно обслуживать своему хозяину, когда он бывал почти совершенно не одет. Одна содержательница пансиона пишет: „Так как в моем пансионе живет много мужчин, то я должна большую часть своих прислуг рассчитывать вследствие их безнравственного поведения“. Одна служанка два раза оставляла свои места, так как она не имела покоя от своих хозяев. Другая девушка пишет д-ру Штиллиху: „В двух местах ко мне приставали с непристойностями; один из них был директор училища, а другой—владелец фабрики“... Одну служанку постоянно ругали в таких выражениях, „которые непозволительны по отношению к порядочной девушке“. Личные сообщения прислуг, полученные д-ром Штиллихом, мы закончим следующей красноречивой жалобой одной служанки: „Хозяин дома в отсутствие своей жены хотел меня изнасиловать“. „Дурная пища, скверное помещение для сна, грубые оскорбления,—все это ведет прислугу на этот путь“. „Хозяева не имеют к нам ни малейшего уважения, они ругают нас такими грубыми словами, как, например, стерва, развратница и т. п. В то же время господа всегда хотят иметь приличную прислугу и ничего не говорят о том, что хозяин дома и сыновья с помощью денег и всяческих обещаний сами же вовлекают прислугу во всякие мерзости“.

Социальны
татом борьб
из этих клас
и не органи
то его бесжа
попадает на
свое социал
того, что он
дворянства,
всякого уни
ствует уже
телями друг
знания свое
ее честь им
недалеко и

До наст
борьбы за
ложения не
а между т
домашних
новки бур
циальных
роковое з
слуги.

Статис
денцию не
прислуга“
ления Гер

Если
отвоевать
ской при
вести е
потерять
у нее с
решител
слуге. О
в отнош

Социальные недочеты положения прислуги являются результатом борьбы представителей двух классов, и так как один из этих классов еще не пришел к сознанию своего положения и не организовался для борьбы за улучшение своей участи, то его бесжалостно подавляют. Он теряет под ногами почву и... попадает на улицу. Работница большого города ясно понимает свое социальное положение, она живет в высоком сознании того, что она является трудящейся и создающей частью среди дворянства, которое поддерживает ее работа. Она борется против всякого унижения своего женского достоинства, потому что чувствует уже себя человеком вполне равноправным с представителями других классов. Напротив, существование в прислуге сознания своего рабства еще более подавляет ее. В глазах прислуги ее честь имеет некоторую цену, а от этого представления уже недалеко и до действительной продажи за плату своей чести.

До настоящего времени организация женской прислуги для борьбы за улучшение своего экономического и социального положения не выходила за пределы единичных и слабых попыток, а между тем организация прислуги в профессиональные союзы домашних работниц ускорила бы, вероятно, отделение ее от обстановки буржуазной семьи. Тесное соприкосновение различных социальных классов, живущих под одной кровлей, имеет особенно роковое значение для развития проституции среди класса прислуги.

Статистика Германии указывает на весьма отрадную тенденцию непрерывного понижения в группе „домашняя и личная прислуга“. В 1882 году прислуга составляла 2,93% всего населения Германии, а в 1895 году этот процент равнялся 2,59.

Если от обширного царства проституции действительно хотят отвоевать значительную область, то необходимо развивать в женской прислуге сознание своего достоинства, как работницы, и вести ее к профессиональной организации. Прислуга должна потерять все те свои характерные черты, которые сохранились у нее с того времени, когда она была барской челядью. Нужно решительно покончить с нашими устарелыми законами о прислуге. Отношения холопского подчинения необходимо превратить в отношения простого найма труда.

ГЛАВА XI.

Проституция, как классовое явление, и ее уничтожение.

В больших городах, где все общественные слои от набобов до нищих находятся между собой в тесном соприкосновении, проституция развивается в виде гигантского паразита. Этот паразит лишится своей питательной почвы только с уничтожением остро враждебных классов. Но до тех пор, пока в нашей городской классовой культуре будут существовать такие женщины, которых борьба за существование будет вынуждать продавать свое тело, проституцию нельзя будет искоренить. До тех пор, пока у нас в городах будет существовать такое скопление неженатых состоятельных молодых людей, которые, согласно бездушной морали своего класса, не будут входить ни в какую свободную любовную или брачную связь с представительницами своего же класса и будут иметь возможность покупать за деньги любовь женщин из других классов, до тех пор наши города будут переполнены проститутками.

Классовый принцип является основой современной городской проституции. Этот принцип объединяет экономически сильные и слабые классы, он уничтожает чувство человеческой солидарности между представителями различных классов, ослабляет идею ответственности в половых сношениях и омрачает чисто человеческие отношения обоих полов друг к другу. У состоятельных классов вступление в брак приносится в жертву идолу так называемого „соответственного положению брака“ и благодаря этому откладывается на очень продолжительное время, что в свою очередь влечет за собой вступление в свободные внебрачные сношения продажной любви.

Уничтожение
ния, возможно
мы не сомнева

Однако в
мической неза
которые до с
основы, не мо
в уличную гр
за другой. Пр
укрепить эко
юной, так и
вания социаль
ждений для
прочный и ши
происходящих
щало бы им

Эксплоати
отношениях
ловеческий о
десятилетий
за свое эконо
Эта борьба
те области
стоящего вр
ревнования
ского полож
пустой и пр
принять уча
духовной ку

Только
проституции
экономическ
населения,
на жизненн
с одним то
среди женс
обращающи
наших бол

Уничтожение проституции, как общественно-классового явления, возможно вообще только путем уничтожения классов. В этом мы не сомневаемся ни на одно мгновение.

Однако вместе с общественным прогрессом и ростом экономической независимости трудящихся групп женского населения, которые до сих пор, не имея под собой крепкой экономической основы, не могли сохранять своей независимости и часто падали в уличную грязь,—проституция будет терять одну свою область за другой. Предлагаемые нами реформы направлены к тому, чтобы укрепить экономически и социально-этически положение как юной, так и взрослой части женского пролетариата. Путем основания социально-педагогических и социально-экономических учреждений для призрения мы хотим поставить право ребенка на прочный и широкий базис: мы хотим создать для сирот и детей, происходящих из распавшихся семей, нечто такое, что возмещало бы им отсутствующих родителей.

Эксплуатируемая, бесправная в социальном и политическом отношениях женщина из пролетарского класса теряла свой человеческий облик продажей своего тела. Всего только несколько десятилетий мы являемся свидетелями славной борьбы женщины за свое экономическое и социальное равноправие с мужчиной. Эта борьба закончится вместе с вступлением женщины во все те области хозяйственной деятельности, от которых до настоящего времени ее отстраняет закон. В своем славном соревновании с мужчиной женщина достигнет такого экономического положения, которое далеко отодвинет ее от соблазнов пустой и праздной жизни проститутки и даст ей возможность принять участие во всех приобретениях нашей материальной и духовной культуры.

Только тот, кто ясно понял классовый характер современной проституции, ухватился со всей энергией за мысль об улучшении экономического и социального положения тех классов женского населения, которые вследствие своего неустойчивого положения на жизненном пути так легко становятся жертвами улицы. Уже с одним только мощным ростом профессиональных организаций среди женского рабочего класса понизился процент работниц, обращающихся на рынке проституции. Среди классового мира наших больших городов роль парии выпала на долю женской

прислуги, которая, главным образом, в настоящее время заполняет улицу. Но борьба с проституцией не исчерпывается одним только улучшением экономического и социального положения угнетенных женских классов. Эта борьба относится и к самому классовому принципу, и если бы мы хотели предложить здесь полную программу вытравления из социального организма проституции, то нам пришлось бы, в сущности, списать программу борющегося за социализм рабочего класса, а эта программа провозглашает,—и это как раз ее самая характерная черта,— полное уничтожение классового принципа вообще.

Будет ли продолжать продавать себя женщина, если ее не будет вынуждать к этому экономическое и социальное давление? Умственно и морально нормальная женщина, конечно, никогда не могла бы согласиться на подобную торговлю. Женщины, у которых не хватает чувства собственной чести, поверхностные и ленивые натуры, у которых отсутствует чувство ответственности, будут еще посвящать себя продажной любви. Мы не отрицаем возможности того, что и в будущем женщина будет отдаваться мужчине ради каких-либо выгод, но мы решительно утверждаем, что эта проституция не будет носить на себе общественно-классового отпечатка. Та женщина, которая будет себя тогда продавать, не будет принадлежать к угнетенному и в общественном смысле приниженному классу.

Отчеты приютов Магдалины производят сильное впечатление своими рассказами о совсем еще юных, но уже морально и умственно испорченных проститутках. Эти создания, у которых вся душевная жизнь направлена по ложному пути, в будущем будут лучше, чем в наше время, поняты сведущими социал-педагогами. Перед ними немедленно будут распахиваться двери самых лучших воспитательных заведений.

Одухотворенная, глубоко нравственная женщина будущего ужаснется при мысли о том, что она, и даже не она, а ее половые органы должны служить для кратковременного удовольствия мужчины. Чем искреннее будет женщина, чем выше она будет ставить свою личность в целом, тем больше будет она требовать и от мужчины, которому она отдается, чтобы и он также отдавался ей всем своим существом. В будущем брак станет своего рода соединением духовной и физической сущности двух лич-

ностей, а не тол-
ложа.

В этом буду-
чем до сих пор
сознательно в го-
когда-либо в соц-
тарной силой те-
циальную задачу
живания челове-
размножения и
более высокую

нии с бесплод-
чувственным о-
еще своей цел-
брак есть нос-
вечеству. Это
будет в знач-
ждения мужчи-
мужчине час-
слаждением

Нельзя допу-
до степени б-
шинстве слу-
с одним и
социальная
вания чело-
ловеческий

Но дов-
образных
современн-
в полном
воречий и
проститу-
жения э-
всего, на

ностей, а не только простым делением между собой стола и
ложа.

В этом будущем духовном и нравственном браке более,
чем до сих пор, будет жить идея превратить брак вполне
сознательно в гордое здание, уходящее в будущее. Быть может,
когда-либо в социальной истории проявится, наконец, с элемен-
тарной силой тенденция к тому, чтобы брак решил великую со-
циальную задачу планомерного усовершенствования и облагора-
живания человеческого рода. Этим путем брак, как институт
размножения и облагораживания человечества, приобрел бы еще
более высокую общественную ценность, в особенности в сравне-
нии с бесплодной чувственной любовной связью. Одним только
чувственным опьянением обоих супругов брак не исчерпывает
еще своей цели; он выступает далеко за пределы настоящего:
брак есть носитель того будущего, которое принадлежит чело-
вечеству. Это торжествующее право матери и ребенка должно
будет в значительной мере ограничить личные половые насла-
ждения мужчины. Уже и в настоящее время в нормальном браке
мужчине часто приходится жертвовать своим чувственным на-
слаждением ради высшей пользы рода! Право рода окрепнет.
Нельзя допустить, что брак упадет когда-либо исключительно
до степени бесплодного института для наслаждений, и что в боль-
шинстве случаев будут господствовать браки или бездетные, или
с одним или двумя детьми. Напротив того, наиболее глубокая
социальная этика должна осудить, в интересах совершенство-
вания человеческой расы, искусственное бесплодие, губящее че-
ловеческий род.

Но довольно мечтаний о будущем! Не мечтаний, а целесо-
образных и ясных действий требует горячая и упорная борьба
современной действительности. Общественные классы стоят еще
в полном вооружении. Только с уничтожением классовых проти-
воречий и с установлением всеобщего благосостояния исчезнет и
проституция, как общественно-классовое явление; и для уничто-
жения этой исторической формы проституции нужна, прежде
всего, наша борьба.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр</i>
Предисловие	3
Глава I. Брак и проституция	5
Глава II. Проституция, как социальное общественно-классовое явление города	13
1. Классовая культура и гетеризм в Афинах	13
2. Сословное разделение в средневековом городе и проституция	16
3. Смещение классов в крупных капиталистических городах и проституция	22
Глава III. Во что обходится проституция в общественном отношении	35
1. О паразитарном социальном существовании проституток и их эксплуататоров	35
2. Порча общественных нравов и нравственности проституцией	42
3. Заражение населения больших городов венерическими болезнями через посредство проституции	45
Глава IV. Государственная регламентация проституции	50
1. Дома терпимости и рабство проституток	50
2. Система размещения домов терпимости на определенных улицах	58
3. О „свободном“ проживании проституток	64
4. Критическая оценка принудительного врачебного осмотра проституток	67
5. О полномочиях и злоупотреблениях органов полиции нравов	76
6. Ограниченные права проституток и человеческие права	83
Глава V. Больничные учреждения касс на случай болезни для бесплатного лечения венерических больных	89
Глава VI. Борьба с вредными сторонами квартирных условий проституток путем закона о жилищах	97
Глава VII. Разложение семьи и проституция малолетних	100
1. О чем свидетельствуют приюты Магдалины и убежища	102
2. Бессилие обязательной опеки и проституция	108
3. Нарушение функций в семьях морально павших, но не разложившихся	112

	Стр.
Глава VIII. Организация попечения о малолетних, как средство предохранения их от проституции	114
1. Создание специально-опекунских и общественных педагогических органов	116
2. Новейшее законодательство о призрении и воспитании. .	124
3. Коренная реформа учреждений для воспитания и призрения	128
Глава IX. Государственные и коммунальные приюты для взрослых проституток.	138
Глава X. Проституция среди класса прислуги и меры к ее уничтожению .	145
Глава XI. Проституция, как классовое явление, и ее уничтожение	152

ГО

Главн

Анкерман,
вине
кр-ца

Бибель, А.
Ц. 1

Браун, Л. У
номи

Демидович,
жени

Завадовски

Коллонтай,
спра

Ее же. Тру

Лазурский
и В.

Недригайло
рис.

Помбран, А

Семашко, Н
54. Ц

Фрейд З. Л
Ерма

Его же. Ле
Ерма

Его же. О
ник с

Его же. Мо
ва. С

ВСЕ

БЮЛЕТЕНЬ

выхо
1 р.

Полн
чапа
пени
книга
для к

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

Москва.—Петроград.

Главное Управление: Москва, Софийка, уг. Рождественки, д. 4/8

- Анкерман, А. И. Суд над проституткой. Дело гр. Заборовой по обвинению ее в занятии проституцией и заражении сифилисом кр-ца Крестьянова. Стр. 58. Ц. 20 к.
- Бебель, А. Женщина и социализм. Под ред. В. А. Поссе. Стр. 485. Ц. 1 р. 30 к.
- Браун, Л. Женский вопрос. Его историческое развитие и его экономическая сторона. Стр. 356. Ц. 1 р. 50 к.
- Демидович, Е. Б. Суд над гр. Киселевым по обвинению его в заражении жены его гонорреей. Стр. 54. Ц. 20 к.
- Завадовский, Б. Отчего происходят заразные болезни. Стр. 71. Ц. 30 к.
- Коллонтай, А. Общество и материнство. Т. II-й. Государственное страхование материнства. Стр. 272. Ц. 2 р.
- Ее же. Труд женщины в эволюции хозяйства. Стр. 209. Ц. 50 к.
- Лазурский А. Ф. Классификация личностей. Под ред. М. Я. Басова и В. Н. Мяпищева. Изд. 2-е. Стр. 174. Ц. 2 р.
- Недригайлов, В. И. Что нужно знать о заразных болезнях. С 19-ю рис. в тексте. Стр. 52. Ц. 30 к.
- Помбран, А. Я. О заразных и прилипчивых болезнях. Стр. 63. Ц. 15 к.
- Семашко, Н. Наука о здоровье общества. Социальная гигиена. Стр. 54. Ц. 15 к.
- Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ. Вып. I. Под ред. И. Д. Ермакова. Изд. 2-е. Стр. 249. Ц. 1 р.
- Его же. Лекции по введению в психоанализ. Вып. II. Под ред. И. Д. Ермакова. Стр. 250. Ц. 1 р. 30 к.
- Его же. Основные психологические теории в психоанализе. Сборник статей. Под ред. И. Д. Ермакова. Стр. 206. Ц. 1 р. 30 к.
- Его же. Методика и техника психоанализа. Под ред. И. Д. Ермакова. Стр. 134. Ц. 75 к.

ВСЕ НОВОСТИ О КНИГАХ

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ В ЖУРНАЛАХ:

БЮЛЕТЕНЬ ТОРГОВОГО СЕКТОРА

выходит два раза в месяц, цена № 25 коп. золотом, аванс 1 р. 50 к.

С о д е р ж а н и е.

Полные сведения о вышедших, поступивших в продажу и печатающихся учебниках и пособиях для школ 1-й и 2-й ступени специальных и высших учебных заведений, а также о книгах по всем отраслям знания, по беллетристике, детские, для юношества, календарях, справочниках, журналах и прочих.

БЮЛЛЕТЕНЬ КНИГИ,

издаваемый ГОСИЗДАТОМ и ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТОМ под ред. Ст. С. Кривцова. Библиографический журнал. Год изд. 3-й. Цена № 25 коп. золотом, аванс 1 р. 50 к. Систематические обзоры, списки по литературе на злободневные вопросы, отзывы о книгах по всем отраслям науки и издательской деятельности.

КНИЖНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

Изд. Российской Центральной Книжной Палаты при Государственном Издательстве. Выходит временно 2 раза в месяц под ред. В. А. Крандиевского и Е. И. Шамурина. Ц. 50 к. аванс 3 р.

КНИГА и РЕВОЛЮЦИЯ.

Ежемесячный критико-библиографический журнал под ред. В. Быстрицкого. Ц. 1 р. 25 к., аванс 6 р.

НОВАЯ КНИГА.

Бюллетень Петроградского Правления Государственного Издательства. Ц. 40 к., аванс 1 р. 50 к.

ПЕЧАТЬ и РЕВОЛЮЦИЯ.

Ежемесячный журнал литературы, искусства, критики и библиографии. Под ред. А. В. Луначарского, Н. А. Мещерякова, М. Н. Покровского, В. П. Полонского и И. И. Степанова-Скворцова. Ц. 1 р. 20 к., аванс 6 р.

Альготные условия для подписчиков при (авансовой подписке со взносом за полгода: авансы записываются за подписчиками в золоте и с установленных цен на журналы делается скидка в 20% с объявленной цены журнала.

Журналы высылаются немедленно по выходе (в месте) подписки или посылаются почтой за счет подписчика на указанных им условиях.

При коллективной подписке на журналы не менее 10 экз. делается скидка до 30%.

Бюллетень Торгсектора высылается по получении 25 к. золотом почтовыми марками.

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА:

МОСКВА, Ильинка, Биржевая площадь, Богоявленский пер., 4.

Телефоны: 1-57-57; 47-35.

ПЕТРОГРАД, Проспект 25-го октября (Невский), 28.

Магазины в Москве:

1) Советская площадь (под гост. „Дрезден“).	4) Никольская ул., 3.
2) Моховая, 17 (под гост. „Националь“).	5) Серпуховская площ., 1/43.
3) Бол. Никитская, 13 (здан. консерватории).	6) Кузнецкий Мост, 12.

Магазины в Петрограде:

1) Проспект 25-го октября (Невский), 28.	3) Проспект 25-го октября, 13.
2) Проспект Володарского (Литейный), 21.	4) Проспект 25-го октября, 68.

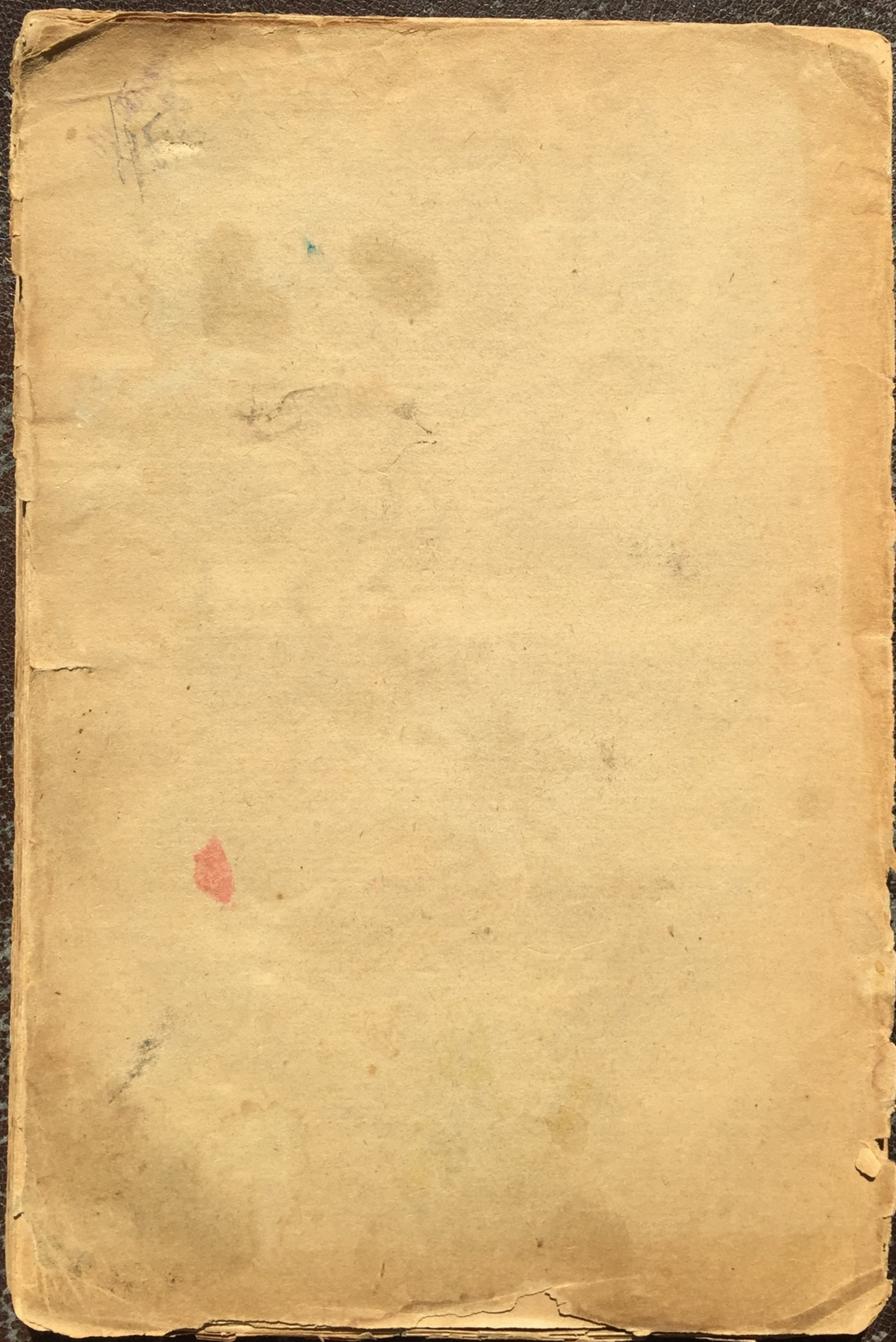
e
o

A-
IX

e-
30-

4.

13.
68.

Melinda ...

I want you to dance and strip for me.

1:19 / 1:19

Облегченный вариант

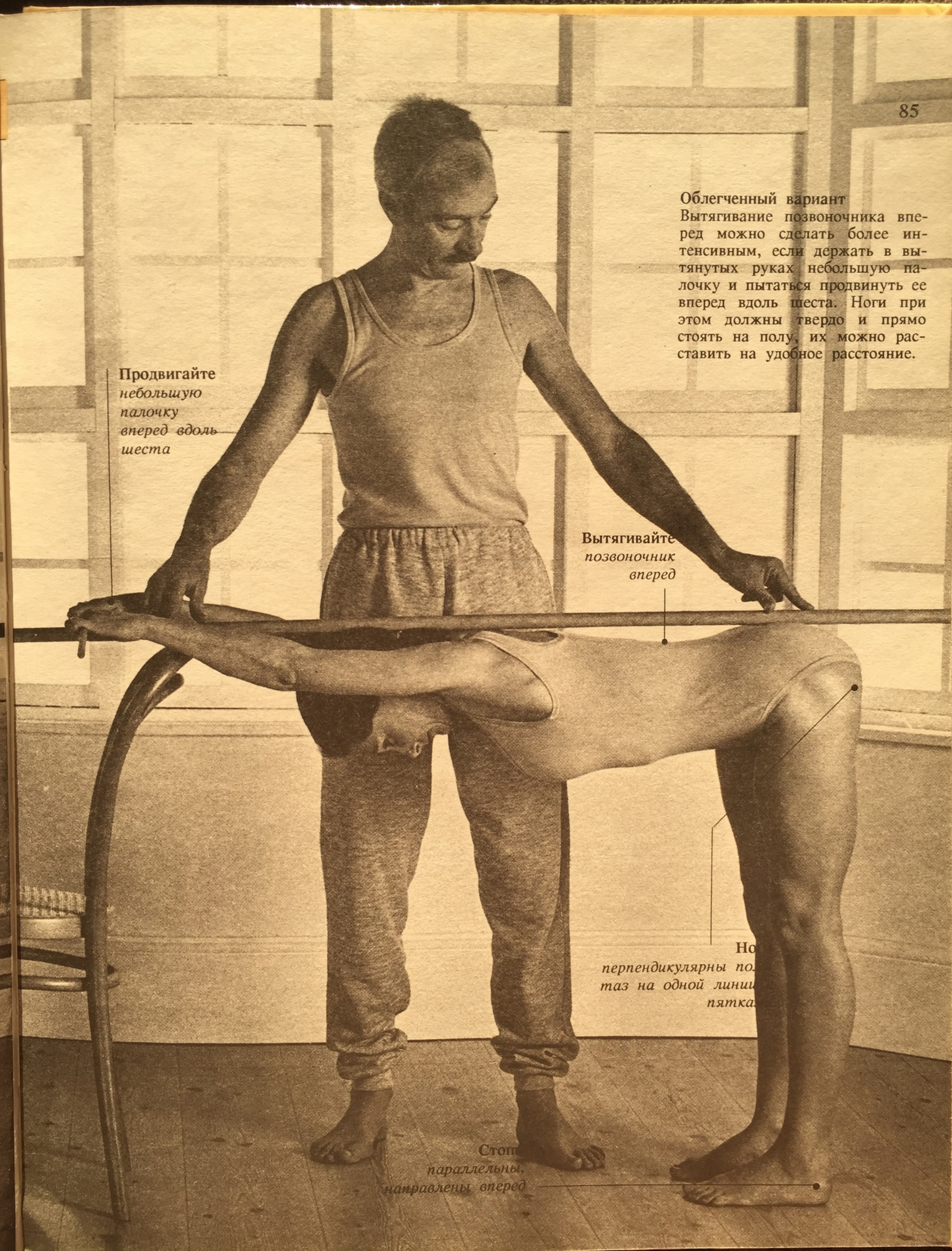
Вытягивание позвоночника вперед можно сделать более интенсивным, если держать в вытянутых руках небольшую палочку и пытаться продвинуть ее вперед вдоль шеста. Ноги при этом должны твердо и прямо стоять на полу, их можно расставить на удобное расстояние.

Продвигайте
небольшую
палочку
вперед вдоль
шеста

Вытягивайте
позвоночник
вперед

Ноги
перпендикулярны полу,
таз на одной линии с
пятками

Стопы
параллельны,
направлены вперед

Не наклоняйте таз
вперед, следите,
чтобы он был
на одной линии
со стопами

Не прогибайте
спину

Вытягивайте шею,
не напрягая
мышц

Подтяните коленные
чашечки,
напрягите мышцы
ног, ноги
не сгибайте

Перенесите вес
тела на стопы,
упирайтесь ими
в пол

Положите руки
на пол на
ширине плеч

